

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

VOL.3, №4
TOM 3, №4

2021

16+

Востоковедение

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka. The journal is published in compliance with all the requirements of the Higher Attestation Commission

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientalists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in the following specialties:

10.02.00. Philological sciences:

- 10.02.20. Comparative-historical, typological and comparative linguistics
- 10.02.22. Languages of peoples of foreign countries of Europe, Asia, Africa, aborigines of America and Australia

07.00.00. Historical sciences:

- 07.00.03. General History
- 07.00.09. Historiography, source studies and methods of historical research
- 07.00.15. History of international relations and foreign policy

09.00.00. Philosophical Sciences:

- 09.00.03. History of Philosophy

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka. Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи по следующим специальностям:

10.02.00. Филологические науки:

- 10.02.20. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
- 10.02.22. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

07.00.00. Исторические науки:

- 07.00.03. Всеобщая история
- 07.00.09. Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- 07.00.15. История международных отношений и внешней политики

09.00.00. Философские науки:

- 09.00.03. История философии

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI)

Release date: 17.11.2021. Offset paper. Digital printing. Format 60x84 1/8. The total circulation is 500 copies. Order No. ____ Printed from the finished layout at the «ФЭН» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionisis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: **Dmitry Martynov**, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: **Ramil Valeev**, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: **Alfiya Alikberova**, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: **Rustem Mukhametzyanov**, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: **Dmitry Balakin**, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: **Elmira Khabibullina**, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute

of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasyri, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода выпуска в свет: 17.11.2021 Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60х84 1/8. Общий тираж 500 экз. Заказ №____ Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionisis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственный секретарь: Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока,

ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджу, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енз, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

EDITORIAL COLUMN

Martynov D.E., Glushkova S.Yu.

The Great Chinese Revolution and John Fairbank

486

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kurt U.Y.

Common errors of Russian-speaking students in the study of Chinese phonetics

490

Emelchenkova E.N.

Collective nouns in Modern Chinese

502

Zaprudnova A. A., Gerasimenko N. I.

Intertextuality of the title as a text-forming category of a literary work and the problem of its translation

515

PHILOSOPHICAL SCIENCES AND CULTURAL STUDIES

Belchenko A.S., Novoselova M.G.

Gender aspects of San Jiao (Confucianism, Taoism, Buddhism)

525

Isaeva L.I.

The Chinese embroidery on pillows as part of the national spiritual culture

536

HISTORICAL SCIENCES

Pochekaev R.Yu.

Breach of rights of Russian businessmen in the Uryankhai region of the beginning of the 20th c. in reports of I.Ya. Korostovets (on the prehistory of the "Uryankhai question")

549

Filinov A.V.

Soviet policy towards China in the context of the Manchurian crisis: from the Manchurian incident to the beginning of the Soviet-Japanese negotiations on the sale of the Chinese Eastern Railway (1931 - 1933)

563

Martynov D.Ye., Martynova Yu.A.

Liao Ping (1852 - 1932) in the historiography of modern neoconfucianism

582

Datsyshen V.G.

Problems of Soviet sinology in the second half of the 1940s. Modern oriental studies

591

Syachin V.G., Epshteyn V.A.

Chinese investment in the ports of Djibouti: prospects and objectives

610

Deriugin P. P., Kremnyov E. V., Yarmak O. V., Strashko E. V., Kamyshina E. A., Bannova O. S.

Conversion of human and social capital in corporations: trans-regional studies on the example of Russian, Chinese and European corporations

619

РЕЦЕНЗИИ

Martynova Yu.A.

Review: Academician-orientalist V.P. Vasiliev: Kazan - Beijing - St. Petersburg (essays and materials) / R.M. Valeev, H. Valravens, V.G. Datsyshen, O.P. Elantseva, V.Yu. Zhukov, I.V. Kulganek, Liu Liqiu, D.E. Martynov, D.I. Mayatsky, T.A. Pan, V.L. Uspensky; comp. T.A. Pan; editors R.M. Valeev and I.V. Kulganek. Introductory words: V.S. Myasnikov, I.F. Popova, I.R. Gafurov. SPb.; Kazan: S.-Petersburg Oriental Studies, 2021. 320 p.: ill. ISBN 978-5-85803-547-3.

638

РАЗДЕЛЫ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛОНКА

- Мартынов Д.Е., Глушкова С.Ю.
Великая китайская революция и Джон Фэрбэнк 486

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Курт У.Ю.
Частотные ошибки русскоязычных студентов в изучении фонетики китайского языка 490
- Емельченкова Е.Н.
К вопросу о собирательных существительных в современном китайском языке 502
- Запруднова А. А., Герасименко Н. И.
Интертекстуальность заголовка как текстообразующая категория художественного произведения и проблема ее передачи при переводе 515

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Бельченко А. С., Новоселова М. Г.
Гендерные аспекты саныцзяо (конфуцианство, даосизм, буддизм) 525
- Исаева Л.И.
Китайская вышивка на подушках как предмет духовной культуры 536

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Почекаев Р.Ю.
Нарушение прав российских предпринимателей в Урянхэе начала XX в. в записках И.Я. Коростовца (к предыстории «Урянхайского вопроса») 549
- Филинов А.В.
Политика СССР в отношении Китая в условиях маньчжурского кризиса: от маньчжурского инцидента до начала советско-японских переговоров о продаже КВЖД (1931–1933 гг.) 563
- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.
Ляо Пин (1852 – 1932) в историографии современного неоконфуцианства 582
- Дацышен В.Г.
Проблемы советского китаеведения во второй половине 1940-х гг. 591
- Сячин В.Г., Эпштейн В.А.
Китайские инвестиции в порты Джибути: цели и перспективы 610
- Дерюгин П.П., Кремнёв Е.В., Ярмач О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С.
Конвертация человеческого и социального капиталов в корпорациях: трансрегиональные исследования на примере российских, китайских и европейских корпораций 619

РЕЦЕНЗИИ

- Мартынова Ю.А.
РЕЦЕНЗИЯ: Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. Вступительные слова: В.С. Мясников, И.Ф. Попова, И.Р. Гафуров. СПб.; Казань: Петерб. востоковедение, 2021. 320 с.: ил. ISBN 978-5-85803-547-3. 638

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ДЖОН ФЭРБЭНК

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-486-489

28 июля 2021 г. в честь столетия со дня основания Коммунистической партии Китая (КПК) в генеральном консульстве Китайской Народной Республики в Казани состоялся большой прием для преподавателей и студентов, изучающих китайский язык, проблемы истории и культуры Китая. Большую публичную лекцию прочитал генеральный консул г-н У Иньцин. Более всего авторы этих строк были поражены тем, что своё выступление г-н кон-

сул начал с цитирования книги «Великая китайская революция, 1800–1985» Джона Кинга Фэрбэнка (китайское имя Фэй Чжэнцин, 1907–1991). Поэтому для читателей нашего журнала, вероятно, небезынтересным покажется небольшое размышление о том, как великий американский китаист воспринимал грандиозные перемены в жизни Китая.

Джон Фэрбэнк, прожив долгую жизнь, был свидетелем всех основных событий в жизни Китая XX в. Выиграв английскую стипендию Родса, магистр Фэрбэнк высадился в устье Хуанпу в разгар Первого шанхайского сражения. Во время китайско-японской патриотической войны он представлял Объединенные стратегические службы США во временной столице Чунцине, и немало способствовал физическому выживанию университетских кадров Китая. Ближайшими друзьями четы Джона и Вильмы Фэрбэнк были архитекторы Лян Сычэн (сын великого философа и реформатора Лян Цичао) и его жена — писательница и поэтесса Линь Хуэйинь. По личному приглашению Чжоу Эньлая, Фэрбэнки посетили Китай в 1972 г. — сразу после исторической встречи Р. Никсона с Мао Цзэдуном, означавшей «перезагрузку» всей мировой политики. В конце своего жизненного пути синологу довелось участвовать во встрече президента Дж. Картера с Дэн Сяопином. Несколько раз Фэрбэнк был на

Тайване, и хотя не встречался с Чан Кайши лично, неплохо знал Сун Мэйлин и тесно общался с Ху Ши — еще одним великим китайским философом и политиком. Характерно, что энтузиазм либерально настроенного американца к сменявшим друг друга руководителям Китая непрерывно возрастал, и это иногда приводило к разнообразным нападкам во времена американского маккартизма, и со стороны тайваньских властей так называемого чрезвычайного положения.

В современном Китае Дж. Фэрбэнк почти серьезно могут называть «Императором — основателем династии в китаеведении» (中国研究的“开国皇帝”), обязательно подчеркивая, что его формирование как учёного происходило в Китае, где он в течение двух семестров даже преподавал в университете Цинхуа. Фэрбэнк воспитал целое поколение американских синологов (в 1950 – 1980-х гг. все кафедры китаеведения американских университетов были заняты его учениками). Китайский ученый Сюй Гоци так подчеркнул роль Фэрбэнка в налаживании китайско-американских отношений: «не упомянуть Фэрбэнка, говоря о китаеведении, всё равно, что говорить о Китайской Народной Республике и игнорировать Мао Цзэдуна».

В своей концепции «великой китайской революции» Фэрбэнк исходил из того, что Ки-

тай представляет собой ярко выраженный пример «ирригационной цивилизации», которая формировалась вдалеке от морских побережий. Это отличало Китай в экологическом отношении от западной цивилизации, которая формировалась на Балканах и в Италии, а затем во всей Западной Европе, с её обширными полуостровами и крайне изрезанной береговой линией. Начало цивилизации отнесено ещё к эпохе Шан-Инь (XVII в. до н.э.), и многие черты образа жизни и хозяйствования китайцев как народа были заложены ещё в те времена. Между прочим, это, отчасти, объясняет консервативное отношение к техническому прогрессу: если в России XIX в. пароходы и железные дороги сразу же стали восприниматься как предмет первой необходимости, то сеть водных сообщений в бассейне Янцзы и южнее была в то же самое время конкурентом железных дорог, вдобавок, население враждебно было настроено к иностранцам.

Согласно логике Фэрбэнка, индустриальная цивилизация Европы с её политическим устройством и экономическим укладом была результатом естественного развития исторически сложившихся автохтонных культур. Он заявил, что понятия «феодализма», «капитализма» и «социализма» не имеют для Китая строгих социально-экономических аналогов. Модернизация восточноазиатских обществ

требовала заимствования ценностей, сформировавшихся на иной культурной почве; именно этим объясняются медленность преобразования китайского общества и потрясения, которые им сопутствовали. Больше всего Фэрбэнк интересовала современность, которую он понимал с позиции строгого историзма: судьба целой цивилизации не могла не быть полностью сформированной её собственным прошлым. Лишён был американец и «сентиментальной синофилии». Читая его книги, всегда обращаешь внимание на попытку вписать исторический опыт Китая в мировой контекст, показывая одновременную похожесть и непохожесть опыта этой цивилизации на Европу и Америку.

Советский и российский учёный-экономист Яков Михайлович Бергер считал важнейшим открытием Фэрбэнка то, что в Китае, несмотря на западные влияния, мало что меняется по существу, многие традиционные институты лишь перелицовываются, регенерируют под иными вывесками. Данному явлению дана последовательно историческая интерпретация: по мнению Фэрбэнка, наивысшего уровня социально-экономического развития Китай достиг в эпоху Сун (960–1279), когда, собственно, оформились все важнейшие общественные институты, и в первую очередь всеобъемлющая система государственных экзаменов на государственную службу. В этот период появи-

лось книгопечатание, возникло неоконфуцианство и сформировалось сословие *шэньши*. При этом в политическом отношении государство Сун постоянно терпело военные поражения и, наконец, было подчинено завоевателями из внутренних регионов Азии, причём процесс завоевания растянулся на три с половиной столетия. При этом захватчики (тангуты, кидани, чжурчжэни, наконец, монголы) стали интегральной частью китайской политической системы, укрепив традиционный политический порядок. Цинскую эпоху Фэрбэнк описывал как завершение сунской высокой цивилизации, когда некитайские механизмы военного контроля вошли в симбиоз с конфуцианской социально-политической системой. Одной из главных особенностей данной системы было отсутствие понятия о равноправии — как в обществе, так и в международных отношениях. Отчасти из-за этого торговля в традиционном Китае, создав общенациональный рынок и способствуя накоплению капиталов, в отличие от Запада, не создала условий для индустриализации, способной стимулировать рост науки, техники, промышленности, транспорта, связи, социальных изменений. По мысли Фэрбэнка, доиндустриальные общества Китая и Европы глубоко несхожи, поэтому запоздалая модернизация (которую американец считает безусловно позитивной в общем смысле)

оказалась губительной для империи Цин. Система образования западного типа, внедряемая, главным образом, христианскими миссионерами, появление первых индустриальных производств были прогрессивными с западной точки зрения, а с китайской они подрывали основы традиционной цивилизации и образа жизни. И если пользоваться категориями «вызов — ответ», иностранное вторжение (а между 1939–1937 гг. в Китай иностранцы вторгались пять раз) могло быть отражено только после смены власти внутри страны.

Согласно Фэрбэнку, Синьхайская революция завершила процесс коммерциализации аграрно-бюрократической структуры, начавшийся в эпоху Мин (1368–1644), но не смогла обеспечить поступательного развития. Хотя была заимствована идея нации-государства, поиски нового единства велись в традиционных формах, которые предполагали государственную автократию. Либерал Фэрбэнк эмоционально не испытывал никаких симпатий к революции и Коммунистической партии Китая, но не мог не признать глубочайшей исторической обусловленности её создания. Только коммунисты могли сплотить китайский народ, даровав надежду, а затем и материальные блага абсолютному большинству населения Китая. Во время революционной гражданской войны Гоминьдан и Коммунистическая партия, факти-

чески, пропагандировали одну и ту же программу, включавшую индустриализацию страны, повышение её международного статуса и даже элементы демократии, которые будут развиваться вслед за развитием государственного управления. Правда, будучи либералом, он не считал, что модернизация и сильная власть одной партии совместимы между собой; скончавшись в 1991 г., он не мог видеть дальнейшего развития Китайской народной республики. Его ученики, переиздавая книги Фэрбэнка, тем не менее, утверждали, что основную тенденцию учитель понял очень верно. Отчаянно жаль, что ни один труд американского синоведа не переведен на русский язык. Надеемся, что наши собственные ученики смогут заполнить эту лакуну в российской науке.

*Мартынов Д.Е., д.и.н., профессор кафедры алтаистики и китаеведения,
Главный редактор «Современных востоковедческих исследований»*

*Хайрутдинов Р.Р., к.и.н., директор
Института международных отношений
Казанского федерального
университета*

Common errors of Russian-speaking students in the study of Chinese phonetics (part 1)

Частые ошибки русскоязычных студентов в изучении фонетики китайского языка (часть 1)

Курт Ульяна Юрьевна

Онлайн школа китайского языка hscake.ru

kurt.uliana@hscake.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-490-501

АННОТАЦИЯ

Для преподавания китайского языка как иностранного отправной точкой должны служить ошибки студентов. Особенно ярко заметен языковой колорит в ошибках в фонетике китайского языка русскоязычных студентов. На их основе должны создаваться учебные материалы, с ними должны сверяться преподаватели, обучающие студентов фонетике. В данной статье с опорой на научную литературу и преподавательский опыт произведен анализ частотных ошибок в произношении звуков и тонов китайского языка, а также проведено исследование с целью выявить количество допущенных ошибок и варианты неверного произнесения. Также даны рекомендации по исправлению некоторых произносительных ошибок.

ABSTRACT

When teaching Chinese as a foreign language, students' mistakes must be the starting point. Linguistic flavor is especially noticeable in the phonetical mistakes Russian-speaking students make in Chinese. On their basis teaching materials should be created and phonetics teachers need to check with these mistakes. In this article, based on scientific literature and teaching experience, the analysis of frequency in errors in the pronunciation of Chinese sounds and tones has been made. A study has been carried out in order to identify the number of mistakes made and the possible variants of incorrect pronunciation. Recommendations for correcting some pronunciation errors are also given.

Ключевые слова: преподавание китайского языка, фонетика китайского языка, фонетические ошибки, русскоязычные студенты, ошибки русскоязычных студентов

Для цитирования: Курт У. Ю. Частотные ошибки русскоязычных студентов в изучении фонетики китайского языка. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3(4): 490-501.

ВВЕДЕНИЕ

Россия входит в пятёрку стран, в которых востребовано китайское образование [Баяртуева, 2017]. Поэтому проблемам, которые встречаются русскоязычным студентам, стоит уделить особенное внимание. Кроме жителей России, русский язык является родным (вторым родным) для многих жителей Белоруссии, Украины, Казахстана, Киргизии и др. По данным, собранным в 1997 году, 160 млн. человек считали русский язык родным, а примерно 300 млн. человек им владели. Владение русским языком, разумеется, влияет и на понимание грамматики, и на особенности произношения. Однако большинство материалов по китайскому языку для иностранцев по-прежнему направлены на студентов, родной язык которых — английский или один из азиатских. Очевидна необходимость более подробного исследования особенностей изучения китайского языка студентами, родной язык которых —

Keywords: Chinese teaching, Chinese phonetics, phonetic errors, Russian-speaking students, mistakes of Russian-speaking students.

For citation: Kurt U.Y. *Common errors of Russian-speaking students in the study of Chinese phonetics*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 490-501.

русский. Именно их ошибки и проблемы в языке должны стать отправной точкой для появления новой методической литературы, методических рекомендаций для использования уже имеющихся курсов и материалов в группах, где есть русскоязычные студенты.

На начальном этапе крайне важно установить правильное произношение. Обучение фонетики китайского языка не должно ограничиваться первыми 2-3 неделями, оно должно незаметно вливаться в общий процесс обучения, при этом изменяя свой характер. На первом этапе необходимо поставить верное произношение звуков, тонов и сочетаемости тонов. По мере увеличения словарного запаса, уверенности в составлении предложений и роста чувства языка, необходимо добавлять работу с тонами, интонацией, логическими паузами, паузовыми ударениями и др. Однако на практике чаще всего работу над фонетикой вытесняют трудоёмкие темы по лексике и грамматике; изучение

фонетики в России часто ограничивается звуками и тонами. Работа же над интонацией только недавно начала затрагиваться на уроках китайского в России (если не учитывать лингвистические специальности в университетах).

Частое явление в российских школах (особенно, в общеобразовательных средних школах) — дети, которые с раннего возраста учили китайский язык с носителем. Стандартная ситуация у таких учеников — хорошие тоны и сочетания тонов и хорошие звуки за исключением тех, на восприятие и произношение которых напрямую повлиял родной язык. Например, ученик может говорить 几点 как [jǐ jiǎn] или [dǐ diǎn], не понимая разницы между инициалами j и d. Очевидно, что китаец-преподаватель не уделил своевременно достаточно внимания тому, что русскоязычные студенты, в соответствии с привычкой, смягчают звук d перед i, тогда как в китайском языке этого смягчения не должно происходить. Смягченное же d звучит очень похоже на j и со временем сливается с ним. Эту ошибку очень сложно исправить, если неверное произношение уже стало привычным.

Именно поэтому русскоязычным преподавателям обязательно необходимо повышать свой уровень и глубже изучать фонетику. И всем преподавателям, русским и китайским, которые преподают в русскоязычных группах,

необходимо учитывать особенности влияния родного языка на становление китайского произношения. Некоторые частотные ошибки русскоязычных студентов мы разберём в данном исследовании.

Самые крупные работы русских авторов по фонетике китайского языка — это «Введение в китайский язык» Спешнева и «Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа» Алексахина. В сравнении, книга Спешнева представляется более простой для понимания, в ней используется меньше терминов, непонятных для не лингвистов. На территории России и Китая предпринимались множественные попытки осмыслить и описать типичные ошибки русскоязычных студентов, в основном, в формате статей или магистерских диссертаций.

Цель данного небольшого исследования — провести анализ ошибок в произношении русскоязычных студентов, изучающих китайский язык, выделить наиболее частотные и наметить пути предотвращения ошибок для новых поколений студентов.

Исследуемая группа — это изучающие китайский язык взрослые люди от 20 лет, для которых русский язык — родной, а китайский, чаще всего, второй иностранный (после английского, а иногда немецкого или французского). Мы опираемся на студентов онлайн-

школы hscale, таким образом мы можем увидеть более полную картину, чем, например, при исследовании ошибок студентов конкретного университета. У студентов школы hscale самый разный языковой бэкграунд: кто-то учил язык в университете или в Институте Конфуция, кто-то занимался с репетитором, кто-то учился в Китае, а кто-то дома самостоятельно. Таким образом мы увидим довольно общую и, в то же время, довольно «чистую» картину, которая не зависит от особенностей преподавания и про-изношения конкретного преподавателя.

Ошибки в фонетике русскоязычных студентов мы разделим на ошибки при произнесении инициалей, финалей и тонов.

ОШИБКИ В ПРОИЗНОШЕНИИ ИНИЦИАЛЕЙ

Фонетический строй китайского языка отличается от фонетического строя русского языка по многим параметрам. Так, например, в одном слоге в русском языке может быть лишь одна гласная, а в китайском — несколько, образующие сложную финаль. В отличие от латинских и славянских языков, в китайском языке не может быть больше одной инициали в начале слога, тогда как в русском языке такая ситуация привычна. В русском языке не закреплено место согласной в слоге (например, «борщ» — это один слог), тогда как в китай-

ском на конце финали могут стоять только носовые n и ng.

В русском языке есть противопоставление по твёрдости и мягкости и по глухости-звонкости. В китайском языке звуки не изменяются по мягкости, нет противопоставления по глухости и звонкости, но есть противопоставление по наличию и отсутствию придыхания.

В диссертации магистра Ван Линлин [2014] приведено предположение, что на восприятие некоторых звуков, записанных пиньинь, влияет форма буквы, которая встречается и в русском языке. В пример приведена буква «с», которая в русском языке читается как [s] или «х», которая в русском означает звук [h]. Однако на практике отмечается прямое влияние не родного, а первого иностранного языка, тогда как китайский является вторым иностранным. Латинский алфавит воспринимается носителями русского языка как нечто неродное, и поэтому смешения русского и китайского по внешнему виду букв мы не отмечали. Зато очень многие звуки пиньинь русские студенты читают по правилам английского языка. Так «х» они, скорее, прочтут как [ks], чем как русское [h].

Интересен случай перенесения фонетической ошибки из обучения английского языка в китайский. Носовой инициали ng нет в русском языке, поэтому при изучении английского языка многие произносят звук [ŋ] как сочетание

[ng]. Такие студенты продолжают произносить сочетание ng неверно и при изучении китайского языка и требуют отдельного внимания учителей.

1. n

Верное произношение n сложно для русских студентов. Многие языковые курсы, чтобы сэкономить время урока, объясняют студентам, что «n» читается точно так же, как русское «н». На самом деле, со звуком [n] нужна прицельная работа. При всей кажущейся схожести китайского и русского [n], положение речевого аппарата разное, и результат тоже разный. Более того, китайский [n] не смягчается даже перед звуком [i], к чему русским студентам очень сложно привыкнуть. Качественная отработка ложно простого звука n на начальном этапе очень важна, ведь «n» на конце дифтонгов произносится точно также, и, если произносится неверно, приводит к сильному акценту.

О противопоставлении n и ng и методах работы с ними подробнее написано в разделе ошибок, допускаемых в произношении финалей.

2. Замена полувзвонких звуков b, d, g русскими звонкими аналогами.

В китайском языке не так много звонких звуков; это l, m, n, r [Дай, 2012]. В русском же языке насчитывается 20 звонких звуков. Для упрощения процесса обучения некоторые учителя объясняют, что китайские звуки «b», «d»

и «g» звучат точно так же, как русские аналоги, надеясь на то, что со временем появится чувство языка и акцент исправится сам. Однако обычно привычка закрепляется, и звонкие b, d, g становятся визитной карточкой русскоязычных студентов.

Дело в том, что на самом деле, при всей кажущейся схожести этих звуков, речевой аппарат работает по-разному. Если зажать уши и произнести русское «б», «д» или «г», перед самым звуком мы услышим гул: это включаются в работу голосовые связки [Спешнев, 2008]. А китайские звуки произносятся без этой «предварительной подготовки». В школе детям нравится задание «беззвучно шлёпать ртом как рыба»; немного добавив звук, мы получим верный китайский звук [b]. Взрослым обязательно рассказывать про положение речевого аппарата и тренировать звуки b, d, g, закрывая уши.

3. Отсутствие придыхания у p, t, k, q, ch, c

В русском языке есть шесть пар по звонкости и глухости; в китайском есть шесть пар по придыхательности и непридыхательности [Ли, 2020]. Однако на первых занятиях не все преподаватели уделяют должное внимание тому, что главное в звуках p, t, k - не их противопоставление по глухости с b, d, g, а их придыхательность. В результате многие студенты замечают полувзвонкие китайские звуки звонкими

русскими аналогами, а придыхательные *p, t, k* русскими глухими непридыхательными звуками «п, т, к». Одна из причин этой ошибки — как раз в том, что *b, d, g* — *p, t, k* всегда даются вместе, в противопоставлении, немедленно вызывая у русскоязычных студентов аналогию со звонкими и глухими согласными в русском языке.

Что касается [q], это очень трудный звук для русских студентов, в том числе, из-за сложности объяснения придыхания. При произношении [p, t, k] слышен сильный призвук [h], поэтому, если сказать студентам, что звук [q] придыхательный, студенты будут уверены, что после него тоже должен слышаться призвук [h], что неверно. Но при этом совсем без придыхания [q] тоже неверен. В школе с детьми можно использовать аналогию со звуком, который мы используем, чтобы спугнуть кошку, которая забралась на кухонный стол (в этом звуке, хоть он и звучит по-другому, есть та же интенсивность, что и в придыхательном [q]). Взрослым же студентам необходимо объяснить разницу, используя изображение органов речи, где интенсивный выход воздуха обозначен множественными стрелками.

4. Придыхание у [c] и [ch]

К тому моменту, когда студенты доходят до звуков [c] и [ch], они привыкают к тому, что придыхание — постоянный показатель звука.

Поэтому запомнить, что новые звуки придыхательные проще, чем то, что с особой финалью *i они теряют придыхательность. Поэтому студенты часто произносят *chī* как *chē*. Путь решения этой проблемы — в дополнительной тренировке отдельных значимых и понятных студентам слов, которые пишутся как *cí* или *chí* разными тонами.

5. Излишняя мягкость звука [ch]

Ещё одна сложность со звуком [ch] состоит в том, что в китайском языке этот звук всегда твёрдый, тогда как в русском он всегда мягкий. Поэтому и сочетание *chī* произносится студентами как очень мягкая [ch'] и после неё обычная финаль [i].

6. Произношение звука [r]

Звук [r] один из самых сложных для русских студентов. Главная причина его сложности в том, что в учебниках нет схемы речевого аппарата при произнесении этого звука, а преподаватели или просят просто повторить (за собой или за диктором), что не приносит нужного результата, или объясняют этот звук по аналогии с русскими звуками [ж] или [р]. Оба соотнесения с русскими звуками неверны: положение органов речи при произнесении русского [ж] не совпадает с необходимым. А вибрирующего русского звука [р] в китайском языке вообще нет.

Для освоения этого звука необходимо, прежде всего, внимание к фонетике со стороны самого учителя, он должен быть образцом точного произношения. После этого, используя описание и изображения речевого аппарата, можно добиться верного произношения звука [г].

Китайские коллеги в своих статьях говорят, что г это звонкая пара звука sh [Ван, 2014]. В русских пособиях этого подхода не встречается, и использование этого сравнения для повышения качества преподавания ещё предстоит изучить.

7. Произнесение сложных согласных z, zh и j

В русском языке нет аналогичных согласных звуков, зато есть звуки [з], мягкий звук [з'] и [ж]. Поэтому часто наблюдается два варианта ошибки. Первый вариант — полная замена китайских звуков [z], [zh] и [j] на русские [з], [ж] и [з'], в результате чего исчезает начальный призвук и чёткое начало. Другой вариант — замена [z], [zh] и [j] на русские пары согласных [дз / цз], [дж] и [дз']. Этот вариант также неверен, так как китайский звук представляет собой единое целое. Для верного произношения студента, во-первых, преподаватель сам не должен сталкиваться с этой ошибкой. Во-вторых, необходимо обратить внимание, что на схематичном изображении речевого аппарата нет перехода языка из позиции, соответствующей одному звуку в позицию, соответствующую

второму. Положение речевого аппарата стабильно и размыкается только для прохода звука. И ещё один вариант отработки — аналогии с используемыми в русском языке сочетаниями. Например, звук [z] звучит очень похоже на первый звук в слове «дзынь». Со звуком [zh] маленькие дети изображают реверие мотора игрушечной машинки. А [j] в русском языке используется, чтобы описать пение комара: «дзь!».

В этих сочетаниях первый звук также един, и не требует перевода расположения речевого аппарата в два разных положения.

8. Смягчение согласных перед звуками [i] и [ü].

Китайские согласные звуки не имеют пар по твёрдости и мягкости, зато в русском языке их имеет большинство согласных. Сочетаний со звуком [ü] в китайском довольно мало, поэтому проблемы с излишним смягчением согласных в словах [lǚ] и [nǚ] разными тонами происходят редко.

Напротив, проблема смягчения согласных звуков перед [i] стоит перед русскоязычными студентами очень остро. Без должного внимания со стороны преподавателя все согласные звуки смягчаются перед [i]. Самые проблемные звуки — d и t, при смягчении которых они переходят в русские мягкие звуки [д'] и [т'], которые, в свою очередь, порой почти неразличимы со звуками [j] и [q]. В результате усложняется не только понимание речи студента, но и появ-

ляется неразличение d и j, t и q; даже глядя на написанный пиньинь студент не может произнести верный звук.

Чтобы избежать этой типичной ошибки, необходимо с самого первого этапа обучения напоминать о том, что китайские звуки никогда не смягчаются, и добавлять специальные упражнения на сочетания с [i]. Для верного произношения необходимо поставить речевой аппарат для произношения, например, звука d, настроиться на произношение сочетания [dà], произнести его несколько раз, и в конце заменить [à] на [i], стараясь оставить неизменным качество согласного. Поначалу звук [i] может быть похож на русский звук [ы], но это не влияет на смысловое различие (к чему иначе приводит неразличение d-j, t-q и т.д.) [Спешнев, 2008].

9. Чтение q как русские звуки [ч] или [ц].

Звук q — один из самых сложных для понимания русскими студентами, поэтому зачастую они стремятся заменить его понятными и похожими по звучанию русскими аналогами. Чаще всего это звук [ч], но иногда и [ц]. Таким образом происходит смешение инициалей «q» и «ch», «q» и «c».

Для того, чтобы предотвратить эту ошибку, не стоит во время объяснения звука обращаться к русским аналогиям. Лучше всего объяснять через положение речевого аппарата,

обращаясь к визуальным способам объяснения.

Сначала стоит освоить щелевой звук [x], который обычно осваивается без проблем, а затем перейти к [q]. То есть инициали j, q, x стоит преподавать в обратном порядке: x, q, j.

10. Произношение звука [h] аналогично русскому [х].

Китайский звук [h] создаётся с помощью преграды, которая, относительно русского звука [х], сдвинута вперёд. Русскоязычные студенты из-за влияния родного языка не различают эти два звука и произносят звук [h] слишком задним по месту образования.

Вторая часть исследования будет представлена в следующем выпуске журнала.

Литература

1. Спешнев Н.А. Введение в китайский язык // Каро, Санкт-Петербург, 2008
2. Алексахин А. Н. Вводный курс практической фонетики китайского языка путунхуа // ВКН, Москва, 2016
3. 金晓达, 刘广徽 汉语普通话语音图解课本·教师手册// 北京语言大学出版社, 2006年版
4. 宋海燕 国际汉语教师语音教学手册// 高等教育出版社, 2015年版
5. Го Ж. Сравнительный анализ фонетики китайского и русского языков и методика обучения российских студентов // Современ

- менные востоковедческие исследования, 2020. № 2. С. 47-56.
6. Сюй Сяо И Проблемы преподавания фонетики китайского языка русским студентам // Молодой учёный, 2011. № 2. С. 141-143.
7. Петрова А.И., Ань Л. Новые подходы к методике обучения российских студентов китайской фонетике // В сборнике: Материалы секционных заседаний 58-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ. В двух томах. / Ответственные за выпуск: И. Н. Пугачев, А. В. Казарбин. 2018. С. 115-118.
8. Ли Я. Принципы и методы обучения фонетике в ходе преподавания китайского языка как иностранного // В сборнике: Языки и культуры. материалы международной научно-практической конференции. Костромской государственный университет, Гуманитарный институт Северо-Восточного педагогического университета. 2019. С. 304-313.
9. Ли Х. Стратегии преподавания китайской фонетики на начальном этапе изучения китайского языка русскоговорящими студентами // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2020. № 33. С. 6-11.
10. Хань Б. Замечания относительно сложностей преподавания фонетического аспекта китайского языка иностранцам // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 2 (29). С. 89-91.
11. Сунь Ю., Полякова Г.Б., Данилина А.А. Формирование фонетических навыков речи при обучении китайскому языку на начальном этапе. // В сборнике: Язык, культура, ментальность: проблемы и перспективы филологических исследований. Сборник II Международной научной конференции. / Отв. редактор Н.И. Степыкин. 2020. С. 291-297.
12. Лин Х. К вопросу о преподавании фонетики китайского языка как иностранного // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 1 (28). С. 83-89.
13. Чжао Х., Линь Х., Ван С. Анализ и способы коррекции отклонений в произношении тонов китайского языка (на примере русских студентов, изучающих китайский язык). // Иностранные языки в высшей школе. 2015. № 2 (33). С. 100-106.
14. Дай Ю. Исследование методики преподавания и анализ типичных ошибок российских студентов, изучающих китайский язык продвинутого уровня // Перевод и сопоставительная лингвистика, 2012, № 8
15. Хуэй Е. Ошибки российских студентов при изучении китайской фонетики и возможные пути их исправления (на примере отработки произношения в рамках началь-

ного курса китайского языка) // Crede

Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2020. № 2. С. 50-58.

16. 罗音. 俄罗斯人学习汉语语音偏误分析 // 云南师范大学学报, 2007. № 5

17. Бехтеева Н.Н., Трудности овладения студентами фонологической компетенцией китайского языка // Вестник Пятигорского государственного университета

18. Малышев Г.И., Киселевич Я. Е., Митчелл П.Д., Трудности в изучении фонетики китайского языка русскоговорящими студентами: основные ошибки и способы их устранения. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018

19. Золтоева О.Х., Прокопьева Ю.Х., Типичные ошибки у студентов, изучающих китайский язык на начальном уровне. // Гуманитарные науки. 2015. №11-12

20. Баяртуева Е.Ж. Трудности в обучении произношению в китайском языке российских студентов глазами китайских преподавателей // В сборнике: Актуальные проблемы теории языка и методики преподавания в современном образовательном пространстве. материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 121-127.

21. 王玲玲. 汉俄语音对比分析及对俄汉语语音教学策略 // 吉林大学, 2014

References

1. Speshnev N.A., Vvedenie v kitaiskiy yazik [Introduction to Chinese] // Karo, Saint-Petersburg 2008

2. Aleksakhin A.N. Vvodniy kurs prakticheskoi fonetiki kitaiskogo yazika putunhua [Introductory course on practical phonetics of the Mandarin Chinese language], VKN, Moscow, 2016

3. 金晓达, 刘广徽 《汉语普通话语音图解课本·教师手册》, 北京语言大学出版社, 2006年版

4. 宋海燕 《国际汉语教师语音教学手册》高等教育出版社, 2015年版

5. Go Ruiqi Sravnitelniy analiz fonetiki kitaiskogo i russkogo yazikov i metodika obucheniya rossijskih studentov [Comparative analysis of the phonetics of the Chinese and Russian languages and teaching methods of Russian students] // Modern oriental studies, 2020. № 2. p. 47-56.

6. Xu Xiao I Problemi prepodavaniya fonetiki kitaiskogo yazika russkim studentam [Problems of Teaching Chinese Phonetics to Russian Students] // Young scientist, 2011 № 2. p. 141-143.

7. Petrova A.I., An L. Novie podhodi k metodike obucheniya rossijskih studentov kitaiskoj fonetike [New approaches to teaching Russian students Chinese phonetics]// In the

- collection: Materials of sectional sessions of the 58th student scientific and practical conference PNU. In two volumes. / Responsible for the issue: I. N. Pugachev, A. V. Kazarbin. 2018. p. 115-118.
8. Li Ya. Printsipy i metody obucheniya fonetike v khode prepodavaniya kitayskogo yazyka kak inostrannogo [Principles and Methods of Teaching Phonetics in Teaching Chinese as a Foreign Language] // In the collection: Languages and cultures. materials of the international scientific and practical conference. Kostroma State University, Humanitarian Institute of the North-Eastern Pedagogical University. 2019. p. 304-313.
 9. Li Kh. Strategii prepodavaniya kitayskoy fonetiki na nachal'nom etape izucheniya kitayskogo yazyka russkogovoryashchimi studentami [Li H. Strategies for Teaching Chinese Phonetics at the Initial Stage of Learning Chinese for Russian-Speaking Students] // Bulletin of the North-Eastern State University. 2020.No. 33. P. 6-11.
 10. Khan' B. Zamechaniya otnositel'no slozhnostey prepodavaniya foneticheskogo aspekta kitayskogo yazyka inostrantsam [Notes on the Difficulties of Teaching the Phonetic Aspect of Chinese to Foreigners] // Foreign languages in higher education. 2014. No. 2 (29). P. 89-91.
 11. Sun' Yu., Polyakova G.B., Danilina A.A. Formirovaniye foneticheskikh navykov rechi pri obuchenii kitayskomu yazyku na nachal'nom etape. [Formation of phonetic speech skills in teaching Chinese at the initial stage] // In the collection: Language, culture, mentality: problems and prospects of philological research. Collection of the II International Scientific Conference. / Resp. editor N.I. Stepykin. 2020. P. 291-297.
 12. Lin Kh. K voprosu o prepodavanii fonetiki kitayskogo yazyka kak inostrannogo [Lin H. To the question of teaching phonetics of Chinese as a foreign language] // Foreign languages in higher education. 2014. No. 1 (28). S. 83-89.
 13. Chzhao KH., Lin' KH., Van S. Analiz i sposoby korrektsii otkloneniy v proiznoshenii tonov kitayskogo yazyka (na primere russkikh studentov, izuchayushchikh kitayskiy yazyk) [Analysis and methods of correction of deviations in the pronunciation of the tones of the Chinese language (on the example of Russian students studying Chinese)] // Foreign languages in higher education. 2015. No. 2 (33). P. 100-106.
 14. Day YU. Issledovaniye metodiki prepodavaniya i analiz tipichnykh oshibok rossiyskikh studentov, izuchayushchikh kitayskiy yazyk prodvinutogo urovnya [Study of teaching methods and analysis of typical mistakes of Russian students studying Chinese at an advanced level] // Translation and comparative linguistics, 2012, no. 8
 15. Khuey Ye. Oshibki rossiyskikh studentov pri izuchenii kitayskoy fonetiki i vozmozhnyye puti ikh ispravleniya (na primere otrabotki proiznosheniya v ramkakh nachal'nogo kursa kitayskogo yazyka) [Mistakes of Russian students in the study of Chinese phonetics and possible ways to correct them (on the exam-

- ple of practicing pronunciation in the framework of the initial course of the Chinese language]] // Crede Experto: transport, society, education, language. 2020. No. 2. P. 50-58.
16. 罗音. 俄罗斯人学习汉语语音偏误分析 // 云南师范大学学报, 2007. № 5
17. Bekhteyeva N.N., Trudnosti ovladeniya studentami fonologicheskoy kompetentsiyey kitayskogo yazyka [Difficulties in mastering the phonological competence of the Chinese language by student] // Bulletin of Pyatigorsk State University
18. Malyshev G.I., Kiselevich YA. Ye., Mitchell P.D., Trudnosti v izuchenii fonetiki kitayskogo yazyka russkogovoryashchimi studentami: osnovnyye oshibki i sposoby ikh ustraneniya [Difficulties in studying the phonetics of the Chinese language by Russian-speaking students: main mistakes and ways to eliminate them] // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2018
19. Zoltoyeva O.KH., Prokop'yeva YU.KH., Tipichnyye oshibki u studentov, izuchayushchikh kitayskiy yazyk na nachal'nom urovne. [Typical mistakes among students studying Chinese at the elementary level] // Humanities sciences. 2015. No. 11-12
20. Bayartuyeva Ye.ZH. Trudnosti v obuchenii proiznosheniyu v kitayskom yazyke rossiyskikh studentov glazami kitayskikh преподавателей [Difficulties in teaching Chinese pronunciation to Russian students through the eyes of Chinese teachers] // In the collection:
- Actual problems of the theory of language and teaching methods in the modern educational space. materials of the international scientific and practical conference. 2017.P. 121-127.
21. 王玲玲. 汉俄语音对比分析及对俄汉语语音教学策略 // 吉林大学, 2014

Информация об авторе

Курт Ульяна Юрьевна

Онлайн школа китайского языка hscake.ru

kurt.uliana@hscake.ru

Information about the Author

Kurt Uliana Yurievna

Online Chinese language school hscake.ru

kurt.uliana@hscake.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Collective nouns in Modern Chinese

К вопросу о собирательных существительных в современном китайском языке

Емельченкова Елена Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет

emelchenkovae@gmail.com

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-502-515

АННОТАЦИЯ

Доклад представляет собой описание собирательных существительных в современном китайском языке через характеристику их структурных и грамматических особенностей. Рассматриваются предлагаемые в китайской лингвистике подходы к классификации этого разряда именных слов в зависимости от их словообразовательной структуры и специфики выражения значения собирательности в их семантике (в сопоставлении с категориями единичности, множественности и вещественности). Как основной грамматический признак слов этого разряда в описаниях современного китайского языка обычно фигурирует их избирательная сочетаемость со счетными словами, вплоть до утверждения о невозможности оформления собирательных существительных штучными (дискретными) счетными словами. Анализ языкового материала, однако, показывает, что этот запрет не является абсолютным и требует более детального рассмотрения с учетом достижений лингвистической типологии и грамматической семантики на современном этапе, поскольку категория собирательности

ABSTRACT

The paper deals with a description of collective nouns in modern Chinese through their structural and grammatical features. The author discusses approaches to classifying nouns proposed in Chinese linguistics. As the main grammatical feature of this class of words, Chinese grammars usually include their selective combination with measure words, up to the claim that it is impossible for collective nouns to collocate with single (discrete) measure words. A corpus-based analysis of language material, however, shows that this rule is not absolute and requires more detailed research, taking into account the achievements of the modern linguistic typology and grammatical semantics, since the meaning of collectiveness is relevant not only for the classification of nouns in the Chinese language, but also for the study of quantitative groups.

Keywords: Chinese, the Chinese language, Chinese grammar, noun, noun classes; collective nouns in Chinese, collectiveness.

For citation: Emelchenkova E.N. *Collective nouns in Modern Chinese*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 502-515.

оказывается релевантной не только для классификации китайских существительных, но и для исследования количественных отношений в системе вообще.

Ключевые слова: китайский язык, грамматика китайского языка, существительное

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья посвящена изучению способов выражения значения собирательности в современном китайском языке (СКЯ). До сих пор в отечественной синологической литературе это значение специального освещения фактически не получало, имеются лишь отдельные упоминания семантики собирательности в ряде работ по словообразованию и грамматике СКЯ. Между тем проблема собирательности затрагивает не только структурные и функциональные особенности соответствующих существительных, но и оказывается связанной с изучением ряда смежных семантических категорий в системе.

Объективная трудность сложившейся в современной науке ситуации заключается в нерешенности вопроса о границах категории собирательности, ее размежевании с категориями единичности и множественности в лингвистике и логике, отсутствии единых критериев (семантических, грамматических, лексико-грамматических и пр.) для выделения соответствующих имен в отдельный подкласс (разряд).

в китайском языке, разряды существительных, собирательные существительные, собирательность.

Для цитирования: Емельченкова Е.Н. *К вопросу о собирательных существительных в современном китайском языке*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 502-515.

В европейской науке на собирательность как специфическое значение обратили внимание довольно давно, рассматривая эту категорию сначала в рамках формальной логики. Согласно современному подходу, способность ряда языковых единиц представлять множество предметов как единое целое относится к языковым универсалиям и обнаруживается в том или ином виде во всех естественных языках, однако лингвоспецифические особенности этих единиц не столь часто попадали в фокус научного интереса исследователей, в связи с чем анализ этой семантической зоны в СКЯ представляется интересным и полезным как для описания грамматического строя языка, так и из практический соображений его преподавания.

Современная теория частей речи в СКЯ выделяет существительные, называющие совокупности предметов как единое целое, в отдельный разряд. Первое упоминание слов этого типа относится к «Новой грамматике китайского языка» Ли Цзиньси [Ли, 1924/ 2007, С. 96]. В дальнейшем для этого разряда именных слов в китайской лингвистической литературе

предлагалось несколько вариантов названия. Так, в поздних (переработанных и дополненных) изданиях университетского курса «Современный китайский язык» Хуан Божуна и Ляо Сюйдуна для описания существительных типа 车辆 chēliàng ‘автотранспорт, автомобили’, 布匹 bùpǐ ‘ткани’, 船只 chuánzhī ‘суда, флот’ используется термин 集合名词 jíhé míngcí [Хуан, Ляо, 2007, С. 9]. В «Практической грамматике современного китайского языка» Лю Юэхуа фигурирует разряд собирательных существительных 集体名词 jí tǐ míngcí, проиллюстрированный примерами 人类 rén lèi ‘человечество’, 人口 rén kǒu ‘население’, 书本 shū běn ‘книги’, 纸张 zhǐ zhāng ‘бумага’, 车辆 chē liàng ‘автотранспорт, автомобили’, 物资 wù zī, 河流 hé liú, 树木 shù mù [Лю, 2004, С. 46–47].

Чжао Юаньжэнь при описании грамматического строя китайского языка в своей англоязычной монографии «A grammar of Spoken Chinese» [Chao, 1968] пользовался термином collective nouns, в китайском переводе этот разряд существительных назван 集体名词 jí tǐ míngcí [Чжао, 2002, С. 257].

Кроме того, в литературе встречается терминологический вариант 群量名词 qún liàng míngcí, в качестве примеров слов этого типа в [Лю, 2003] предлагаются такие лексические единицы, как 军火 jūn huǒ ‘оружие и боеприпасы’, 车辆 chē liàng ‘автотранспорт, автомобили’, 夫妻 fū qī ‘супруги’.

В СКЯ собирательность не является грамматической категорией, впрочем, строго говоря, вряд ли можно говорить и о наличии в данной системе категории множественного числа существительных в принципе. В СКЯ не наблюдается «противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [ЛЭС 1990] — единственного и множественного числа. Присоединение к одушевленному существительному, называющим лиц, суффикса 们 -men факультативно, и немаркированная форма может обозначать как множество, так и единичный предмет или явление: словоформа 学生 xuéshēng ‘студент(ы)’ может в равной степени относиться как к одному студенту, так и к целой группе обучающихся, единственность или множественность называемых предметов определяется по контексту. Не имеющее в своей морфемной структуре суффикса 们 -men существительное является нейтральным с точки зрения категориального значения числа. Следовательно, морфологический признак в качестве критерия для выделения категории собирательности использоваться в данной системе не может (в отличие, например, от русского языка, где именно формальный (морфологический) критерий был положен в основу классификации категорий единичность — множественность — собирательность по «правилу треугольника»

А.А. Реформатского [Реформатский, 1987].

В СКЯ, как представляется, следует говорить о собирательных существительных как о лексико-грамматическом разряде, в который включаются слова, выражающие значение совокупности/ множественности, представленной как единое целое (семантический признак), и имеющие ограничения по сочетаемости со счетными словами (грамматический признак).

В случае когда в основу классификации кладется словообразовательный критерий, в морфемной структуре существительных в СКЯ должен присутствовать определенный элемент (знаменательная или служебная морфема), наличие которого объясняет значение собирательности в общей семантике получающегося при этом бинома.

В словообразовательной системе СКЯ такая возможность возникает в рамках копулятивной (сочинительной) модели, где имеет место «сложение функционально-синтаксически и семантически равноправных морфем (лексем), дающих в сумме единое значение» [Семенас, 1973, С. 63]. Здесь семантика совокупности, представленной как единое целое, возникает в результате соединения антонимичных или определенным образом соотносящихся (коррелятивных) знаменательных морфем. К этому подтипу собирательных существительных, в китайской науке названном 并

列式集合名词 bìngliè shì jíhé míngcí 'собирательные существительные копулятивной модели', относятся:

群众 qúnzhòng 'массы', 书籍 shūjí 'книги, литература', 花卉 huāhuì 'цветы', 时空 shíkōng 'время и место', 桌椅 zhuō yǐ 'столы и стулья', 父母 fùmǔ 'родители', 子女 zǐnǚ 'дети', 夫妇 fūfù 'супруги, муж и жена', 夫妻 fūqī 'супруги, муж и жена', 姐妹 jiěmèi 'сестры', 兄妹 xiōngmèi 'братья и сестры', 男女 nánǚ 'мужчины и женщины', 师生 shīshēng 'учителя и студенты', 亲友 qīnyǒu 'родственники и друзья', 人民 rénmin 'народ', 人马 rén mǎ 'войско', 车马 chē mǎ 'уличный транспорт', 树木 shù mù 'деревья', 灯火 dēnghuǒ 'огни, свет'.

В отдельный подтип выделяются двусложные существительные, в структуре которых именная морфема «достраивается» до бинома типичным для данного существительного счетным словом в постпозиции. Этот подтип в китайской литературе называют 名量式集合名词 míngliàng shì jíhé míngcí 'собирательные существительные структуры «имя + сч. сл.»'. К этому подтипу относят:

马匹 mǎpǐ 'лошади, конское поголовье', 信件 xìnjiàn 'письма, корреспонденция', 纸张 zhǐzhāng 'бумага (в листах)', 车辆 chēliàng 'автотранспорт, автомобили'.

Такой подход к классификации собирательных существительных представлен, например, в [Пэн, 1996].

Следует оговориться, что выделение данной группы в отдельный словообразовательный подтип условно, поскольку в китайской лингвистической традиции счетные слова были «выведены» за рамки класса существительных в самостоятельную часть речи СКЯ относительно недавно (в 50-е гг. XX века), поэтому бином может рассматриваться и как сочетание двух именных морфем, соединенных по копулятивной модели.

Анализ семантики элементов в структуре собирательных существительных этого словообразовательного подтипа позволяет сгруппировать их следующим образом.

Существительные, образованные соединением именной морфемы, называющей поддающийся пересчету предмет, в препозиции и счетного слова штучного/ дискретного типа (个体量词 *gètǐ liàngcí*) в постпозиции:

车辆 'chēliàng' автотранспорт, автомобили', 稿本 *gǎoběn* 'рукопись', 事项 *shìxiàng* 'положение, пункт, вопрос', 船只 *chuánzhī* 'суда, флот', 灯盏 *dēngzhǎn* 'лампа, фонарь, освещение', 马匹 *mǎpǐ* 'лошади, конское поголовье', 枪支 *qiāngzhī* 'оружие', 画幅 *huàfú* 'живопись, картины', 花束 *huāshù* 'цветы, букет цветов', 花朵 *huāduǒ* 'цветы'

Первый элемент во многих словах этого типа представляет собой синтаксически самостоятельное, односложное исчисляемое существительное.

Во вторую группу входят существительные, образованные соединением именной морфемы (неисчисляемого существительного), называющей вещество или недискретные, не поддающиеся пересчету предметы, и счетного слова, используемого для измерения этого вещества:

纸张 *zhǐzhāng* 'бумага (в листах)', 皮张 *pízhāng* 'кожа (в листах, шкурах)', 布匹 *bùpǐ* 'ткани', 地带 *dìdài* 'зона, район', 煤斤 *méijīn* 'уголь (как товар)', 银两 *yínlǎng* 'деньги', 田亩 *tiánmǔ* 'поля, возделанные земли'.

У существительных этого типа имеется ряд структурных особенностей.

В языке обнаруживаются близкие по значению единицы различной структуры. Так, для обозначения совокупности всех торговых или военных судов страны или отдельного бассейна используются два синонимичных собирательных существительных — 船舶 *chuánbó* 'корабли, флот, суда', построенное по копулятивной модели, и 船只 *chuánzhī* 'суда, флот', имеющее словообразовательную структуру «сущ + сч.сл.».

В постпозиции к одной и той же именной морфеме встречаются разные счетные слова, такие биномы могут не совпадать по объему значения или вообще иметь разную семантику:

事件 *shìjiàn* 'дело, вопрос, событие', 事项 *shìxiàng* 'положение, пункт, вопрос'

花束 *huāshù* 'цветы, букет цветов', 花朵 *huāduǒ* 'цветы'

Ограниченное число счетных слов в языке приводит к их возможным повторам. Так, для первой подгруппы довольно частотно использование одного и того же постпозиционного элемента, который в данном контексте выступает как дериватор, в результате получают следующие ряды лексических единиц:

- производные слова с компонентом 群 qún: 羊群 yáng qún 'отара (овец)', 鱼群 yú qún 'косяк (рыб)', 马群 mǎqún 'табун (лошадей)', 人群 rénqún 'толпа (народу)'.
- производные слова с компонентом 件 jiàn: 事件 shìjiàn 'дело, вопрос, событие', 物件 wùjiàn 'вещь', 信件 xìnjiàn 'письма, корреспонденция', 案件 ànjiàn 'дело'.
- производные слова с компонентом 本 běn: 书本 shūběn 'книги', 稿本 gǎoběn 'рукопись', 剧本 jùběn 'сценарий, пьесы'.
- производные слова с компонентом 口 kǒu: 人口 rénkǒu 'население', 牲口 shēngkǒu 'скот (домашний)', 户口 hùkǒu 'население'.

Как отмечалось в [Мушницкий 1984], возможно употребление одинакового постпозиционного элемента (счетного слова) и с именными морфемами разной природы, отнесенных к двум несовпадающим в нашей классификации подтипам — с дискретными и вещественными именными морфемами. Такой общий постпозиционный компонент обнаруживается у существительных: 马匹 mǎpǐ 'лошади, конское

поголовье' и 布匹 bùpǐ 'ткани'.

В китайской науке, в частности в [Ло, 2007] выделяется еще одна, малочисленная по составу подгруппа собирательных существительных атрибутивного типа (偏正式集合名词 piān zhèngshì jíhé míngcí). В качестве примеров языковых единиц, относящихся к этой подгруппе, приводятся такие лексические единицы, как:

军火 jūnhuǒ 'оружие и боеприпасы', 词汇 cíhuì 'лексика', 丛书 cóngshū 'библиотека'.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Сопоставление семантики существительных, имеющих структуру «именная морфема + счетное слово», со значением препозиционного именного элемента в бинеме, часто являющегося самостоятельным словом (существительным), показывает, что отнюдь не у всех языковых единиц этого типа обнаруживается значение собирательности или даже множественности. В ряде случаев наблюдается значительный семантический сдвиг:

人 rén 'человек, люди' => 人口 rénkǒu 'население'.

Однако различие между ними может относиться и к области стилистической синонимии, дифференцируя единицы различных функциональных стилей. В разговорном языке чаще используются однослоги, для остальных

стилей типичны двусложные варианты:

事 shì ‘дело, вопрос, событие’ и 事件 shìjiàn ‘дело, вопрос, событие’,

车 chē ‘автомобиль’ и 车辆 chēliàng ‘автотранспорт, автомобили’

Группы существительных, словообразовательная структура которых была рассмотрена выше, во многих грамматических описаниях СКЯ позиционируются как собирательные, однако при более детальном анализе их семантики и учете грамматических признаков такая их классификация неизбежно вызывает ряд вопросов.

Среди заявляемых в описаниях СКЯ как собирательные существительные примеров обнаруживается немало лексических единиц, в семантике которых значение собирательности отсутствует или его наличие можно оспорить. Так, судя по корпусному материалу, 房间 fángjiān ‘комната’, 灯盏 dēngzhǎn ‘лампа, фонарь’, 书架 shūjià ‘книжная полка’ могут называть либо единичные предметы (которые можно пересчитать) либо их недифференцированное множество, но не совокупность как единое целое. Это объясняет их сочетаемость с количественными группами, включающими штучные счетные слова: 一个房间 yī gè fángjiān ‘одна комната’, 两只灯盏 liǎng zhī dēngzhǎn ‘две лампы’, 三个书架 sān gè shūjià ‘три книжных полки’, что свидетельствует о том, что у части существительных этой словообразовательной структу-

ры значение собирательности выветрилось, если вообще когда-либо присутствовало.

Отсутствие единообразия среди анализируемых единиц в китайском языке можно, по-видимому, объяснить переходом от моносилабной нормы к двусложной и развитием полисемии лексических единиц. Известный пример собирательных существительных из школьного курса китайского языка для носителей представляют слова 群众 qúnzhòng ‘массы’ и 书籍 shūjí ‘книги’, которые, как сказано, не могут принимать в препозиции количественные группы, однако корпусной материал говорит о том, что в реальном употреблении у 群众 qúnzhòng имеются и контексты реализации собирательного значения, и контексты, где его явно нет. Это подтверждают и данные словарей. В [Словарь, 1996] в словарной статье 群众 qúnzhòng обнаруживается три различных значения, соответственно только одна из приведенных в вокабуле лексем должна быть отнесена к разряду собирательных существительных, характеризуясь несочетаемостью со штучными/ дискретными счетными словами. Допускающие в препозиции квантифицирующую группу типа 一个 yī gè существительные собирательными в строгом смысле этого термина не являются:

没有一个群众说个“不”字

Méi yǒu yī gè qúnzhòng shuō

NEG иметься один CLF народ говорить

gè "bù" zì

CLF нет слово

‘И никто из народа не сказал (им) нет’

В работах многих китайских грамматистов XX века для собирательных существительных утверждалась невозможность их оформления в СКЯ штучными счетными словами [Chao, 1968; Чжу, 1982] Основная грамматическая характеристика слов этого разряда определялась исследователями как несочетаемость с точными количественными группами, допуская оформление только собирательными счетными словами (群体量词 qúntǐ liàngcí), которые включают 部分 bùfèn ‘сч.сл., часть’, 批 pī ‘сч.сл., партия, группа’, 群 qún ‘сч.сл., толпа, стадо’, 套 tà ‘сч.сл., набор, комплект’, 系列 xìliè ‘сч.сл., серия’, или количественными группами, называемыми приблизительное количество 点 diǎn ‘чуть’, 些 xiē ‘немного’:

一批师生也观看了展览。

Yī pī shīshēng yě

Один CLF.группа учителя_и_ученики

тоже

guānkàn-le zhǎnlǎn

осмотреть-PFV выставка

‘Выставку также посетила группа учителей и студентов’.

这个同学词汇量很大，但有些词汇用错了。

Zhè ge tóngxué cíhuìliàng

hěn dà,

DEM CLF студент словарный_запас

очень большой

Dàn yǒu xiē cíhuì yòngcuò le

CONJ иметься CLF. Несколько лексика ошибаться PFV

‘У этого студента большой словарный запас, однако часть лексики он употребляет неверно’.

Как представляется, данное положение нуждается в уточнении, кроме того, следует определить, какие из существительных относятся к числу собирательных в строгом смысле, а какие таковыми не являются. Релевантным контекстом для выяснения этих особенностей представляется возможность/ невозможность их оформления числительными, счетными словами и указательными местоимениями.

Анализ употреблений существительных анализируемых типов свидетельствует о том, что большинство из них не является собирательными. Так, например, существительные, образованные соединением именной морфемы, называющей поддающийся пересчету предмет, в препозиции и штучного счетного слова в постпозиции (т.е. со структурой «имя + сч. сл.») свободно сочетаются со счетными словами и числительными, вплоть до числительного 一 yī ‘один’, то есть могут обозначать как конкретное, поддающееся пересчету множество, так и одиночный предмет данного класса: 一个文件 yī gè wénjiàn

‘один документ’, 五个剧本 wǔ gè jùběn ‘пять сценариев’.

Это подтверждают и примеры употребления таких существительных в составе конкретно-референтной именной группы с целью однозначной его идентификации или указания непосредственно на предмет внеязыковой действительности, что также свидетельствует об отсутствии значения собирательности. Такие контексты требуют оформления существительного указательным местоимением и штучным счетным словом: 那艘船只 nà sōu chuánzhī ‘то судно’.

Ряд существительных анализируемых типов обнаруживает сочетаемость непосредственно с числительными, называющими количество более одного, без необходимости присоединения счетного слова, эти именные группы обозначают поддающееся пересчету множество, но не один единичный предмет. В таком окружении значение собирательности также отсутствует: 百万人口 bǎi wàn rén kǒu ‘население в миллион человек’.

Сравнение сочетаемости существительных анализируемого типа с их односложными коррелятами показывает, что с собирательными существительными копулятивной модели чаще употребляются счетные слова с семантикой парности, множественности или собирательности:

一对夫妻 yī duì fūqī ‘супружеская пара, супруги’

一批师生 yī pī shī sheng ‘группу преподавателей и студентов’.

Употребление штучных счетных слов с существительными этой группы фактически приводит к перечеркиванию значения собирательности и индивидуализации каждого из называемых предметов. Сравним:

三对父母 sān duì fùmǔ ‘три пары родителей’ (представлены совокупно как единое целое)

三位父母 sān wèi fùmǔ ‘трое родителей’ (представлены индивидуализировано).

Особый интерес представляют случаи употребления существительных копулятивной модели со счетным словом, типичным для одного из компонентов бинома:

十本丛书 shí běn cóngshū ‘десять книг из собрания/ серии’ (употреблено счетное слово для книг),

三张桌椅 sān zhāng zhuōyǐ ‘три комплекта из (одного) стола и (одного) стула’ (употреблено счетное слово для столов, указывая на три разных пары предметов мебели).

Семантика подобных количественных групп, содержащих штучное счетное слово, отличается от семантики количественных групп с собирательным счетным словом:

十本丛书 shí běn cóngshū ‘десять томов из собрания/ серии’ (речь идет о десяти книгах,

входящих в серию из большего числа томов),
一套桌椅 yī tào zhuō yǐ '(один) гарнитур из
стола/ ов и стульев' (употреблено счетное сло-
во для набора мебели, предполагая их единство
по цвету, стилю и др., то есть указывая на сово-
купность предметов).

Употребляемые при двусложных суще-
ствительных вида «сущ + сч.сл.» в составе ука-
зательной или количественной группы счет-
ные слова должны быть отличны от тех пост-
позиционных элементов, которые входят в их
словообразовательную структуру. Исключения
из этого правила, по-видимому, все-таки име-
ются (так, по данным корпуса 枪支 qiāngzhī
'огнестрельное оружие' по-прежнему оформля-
ется счетным словом 支 zhī, в литературе встре-
чаются также ссылки на употребление 马匹
mǎpǐ 'лошади, конское поголовье' со счетным

словом 匹 pǐ, однако корпус таких примеров не
дает). Наиболее частотным в таких контекстах
оказывается универсальное штучное счетное
слово 个 gè, но возможны и другие единицы из
данного класса слов:

七个亲友 qī gè qīnyǒu 'семь родственников',

三个姐妹 sān gè jiěmèi 'три сестры',

两只灯盏 liǎng zhī dēngzhǎn 'две лампы',

三艘船只 sān sōu chuánzhī 'три судна'

100 多部车辆 100 duō bù chēliàng 'свыше
сотни единиц автотранспорта'.

В целом, на основании сочетаемости
с числительными и счетными словами разных
типов, опираясь на предложенную в [Ло, 2007]
схему, можно обрисовать сложившуюся в китай-
ской лингвистике типологию собирательных
существительных СКЯ следующим образом:

Типы собирательных существительных	Сочетаемость с количе- ственными группами	Пример употребления
Собирательные существительные в стро- гом смысле (не поддаются дискретизации)	Числ. + сущ. Числ.+собир. сч. сл. +сущ. Неопр. кол. гр. + сущ.	三万人口 sān wàn rén- kǒu 'население в 30 тысяч' 一批人群 yī pī rénqún 'группа людей' 一些鱼群 yī xiē yú qún 'косяки рыб'

Таблица 1. Модифицирована таблица из [Ло, 2007, С. 44].

Table 1. The table from [Lo, 2007, p. 44] has been modified.

Типы собирательных существительных		Сочетаемость с количественными группами	Пример употребления
Поддаются дискретизации	Собирательные существительные, представляющие совокупность как единое целое	Числ. + собир. сч. сл. +сущ. Неопр. кол. гр. + сущ	一批船只 <i>yī pī chuánzhī</i> 'группа кораблей', 一对姐妹 <i>yī duì jiěmèi</i> 'пара сестер', 一些群众 <i>yīxiē qúnzhòng</i> 'толпа народу'
	Собирательные существительные, представленные как множество дискретных предметов с указанием их точного количества	Числ. + штучн. сч. сл. +сущ.	3艘船只 <i>3 sōu chuánzhī</i> 'три корабля', 5个妯娌 <i>5 gè zhóulǐ</i> 'пять невесток', 6名群众 <i>6 míng qúnzhòng</i> 'шесть человек из масс', 6000件军火 <i>6000 jiàn jūnhuǒ</i> '6 000 единиц неприпасов'
	Собирательные существительные, представленные как дискретные предметы индивидуализированно / «поштучно»	一 <i>yí</i> 'один' + штучн. сч. сл. + сущ.	一艘船只 <i>yī sōu chuánzhī</i> '(один) корабль', 一名群众 <i>yī míng qúnzhòng</i> '(один) человек из масс'

Таблица 1. Модифицирована таблица из [Ло, 2007, С. 44]. Продолжение

Table 1. The table from [Lo, 2007, p. 44] has been modified. Continuation

ВЫВОДЫ

Приведенные данные показывают, что понимание категории собирательности в китайской лингвистике имеет свою специфику и не совпадает с отечественной традицией. К числу собирательных существительных в узком понимании можно отнести лишь небольшое число именных единиц, для остальных же следует учитывать семантику, поскольку у ряда существительных в результате семантического сдвига возникли значения, не являющиеся собирательными. Во-вторых, опора на грамматический критерий также требует дополнительного анализа на широком языковом материале. Очевидно, что сочетаемость со счетными словами у разных именных лексем будет не совпадать, что и демонстрирует рассмотренный на данном этапе исследования китайский материал.

Литература

1. 黎锦熙《新著国语文法》湖南教育出版社，2007年。Ли Цзиньси. Новая грамматика китайского языка. (переизд.) Хунань цзяоюй чубаньшэ, 1924/ 2007. № 3. С. 78–86.
2. 黄伯荣，廖序东，《现代汉语（下册）》，高等教育出版社，2007年。Хуан Божун，Ляо Сюйдун. Современный китайский язык. Том 2. Гаодэн цзяоюй чубаньшэ, 2007.
3. 刘月华《实用现代汉语语法》，商务出版社，2004年。Лю Юэхуа. Практическая грамматика китайского языка. Шанъу чубаньшэ, 2004.
4. Chao, Yuen Ren «A grammar of Spoken Chinese» Univ of California Press, 1968. Чжао Юаньжэнь. Грамматика разговорного китайского языка. Изд-во Университета Беркли, 1968.
5. 赵元任《中国话的文法》，中文大学出版社，2002年。Чжао Юаньжэнь. Грамматика китайского языка. Чжунвэнь дасюэ чубаньшэ, 2002.
6. 刘顺《现代汉语名词多视角研究》学林出版社，2003年。Лю Шунь. Всестороннее исследование существительных в современном китайском языке. Сюэлинь чубаньшэ, 2003.
7. Реформатский А.А. Число и грамматика // Лингвистика и поэтика. Москва : Наука, 1987. С. 76–87.
8. Семенов А.Л. О синтагматической семантике копулятивного сложения в китайском языке // Исследования по китайскому языку. М., 1973. С. 63–78.
9. 彭睿《名词和名词的再分类》// 胡明杨《词类问题考查》，北京语言文化大学出版社，1996年。Пэн Жуй. Существительные и их классификация. // Ху Минъян (ред.) Изучение частей речи. Бэйцзин юйянь вэньхуа дасюэ чубаньшэ, 1996.
10. Мушницкий Ю.Е. О существительных типа «именная морфема – счетное слово». // Солнцев В.М. (отв.ред.) II конференция по

- китайскому языкознанию. Сборник тезисов. М., 1984. С. 88–91.
11. 罗够华 《集合名词受个体量词修饰现象考查》 博士论文, 2007年. Ло Гохуа. Исследование оформления штучными счетными словами собирательных существительных. Магистерская дисс. 2007.
 12. 《现代汉语词典》 商务印书馆, 1996年. Словарь современного китайского языка. Шанъу иньшугуань, 1996.
 13. 朱德熙 《语法讲义》, 商务印书馆, 1982年. Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Шанъу иньшугуань, 1982.
 7. Reformatskiy, A.A. (1987) Chislo i grammatika [Number and grammar] // Linguistics and Poetics. Moscow: Nauka. Pp. 76–87.
 8. Semenas, A.L. (1973) O sintagmatischej semantike kopulyativnogo slozheniya v kitajskom yazyke [On the syntagmatic semantics of copulative addition in the Chinese language] // Research on the Chinese language. M., 1973. P. 63–78.
 9. Peng, Rui (1996) Nouns and their classification. // Hu Mingyang (ed.) Learning parts of speech. Beijing yuyan wenhua daxue chubanshe, 1996.
 10. Mushnitsky, Yu.E. (1984) O sushchestvitel'nyh tipa «imennaya morfema – schetnoe slovo» [About nouns of "nominal morpheme – measure word" type] // Solntsev V.M. (ed.) II Conference on Chinese Linguistics. Collection of abstracts. M.. Pp. 88–91.
 11. Luo, Guohua (2007) Analysis of collective nouns modified by individual measure word. Master's thesis.
 12. Dictionary of Modern Chinese. Shangu yinshuguan, 1996.
 13. Zhu, Dexi (1982) Lectures on grammar. Shangu yinshuguan.
 1. Li, Jinxi (1924/2007) New Chinese grammar. (reprinted) Hunan Jiaoyu Chubanshe, No. 3. Pp. 78–86.
 2. Huang, Borong, Liao, Xudong (2007) Modern Chinese. Volume 2. Gaodeng Jiaoyu Chubanshe.
 3. Liu, Yuehua (2004). Practical Chinese grammar. Shangwu Chubanshe.
 4. Chao, Yuen Ren (1968). A grammar of Spoken Chinese. Univ of California Press.
 5. Zhao, Yuanren (2002). Chinese grammar. Zhongwen daxue chubanshe.
 6. Liu, Shun (2003) A Comprehensive Study of Nouns in Modern Chinese. Xuelin Chubanshe.

References

Информация об авторе

Емельченкова Елена Николаевна,
доцент, к.ф.н.
Кафедра китайской филологии
Санкт-Петербургский государственный
университет
199034, Санкт-Петербург, Университет-
ская наб., д.11
Россия
emelchenkovae@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Information about the Author

Associate Professor, PhD (Linguistics),
Elena Emelchenkova
Department of Chinese philology
St Petersburg State University
199034, St.Petersburg, Universitetskaya
emb., Build. 11
Russia
emelchenkovae@gmail.com

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Intertextuality of the title as a text-forming category of a literary work and the problem of its translation

Интертекстуальность заголовка как текстообразующая категория
художественного произведения и проблема ее передачи при переводе

Запруднова А. А.

Герасименко Н. И.

НОП «Институт Конфуция» Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия

mrs.zaprudnova@gmail.com

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-515-524

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается объем и соотношение понятий художественное произведение и художественный текст, а также основания

ABSTRACT

The article examines the scope and correlation of the concepts of a literary work and a literary text, as well as the grounds for singling out text

для выделения текстовых категорий и их возможный статус. В качестве важнейшей текстообразующей категории художественного произведения признается интертекстуальность, которая, с одной стороны, обеспечивает единство идейного замысла и взаимосвязь таких компонентов, как заголовок и основной текст произведения, и которая, с другой стороны, наделяет все произведение новыми смыслами, давая читателю возможность взглянуть на него под новым углом. На материале романов китайских писателей Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» (钱钟书“围城”) и Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» (刘震云“我不是潘金莲”) изучается усиление смыслового потенциала как отдельных фрагментов текста, так и всего произведения в целом, вызванное интертекстуальностью заголовков этих произведений. На примере переводов отрывков из вышеуказанных романов изучается наиболее выгодная переводческая стратегия для передачи подобных аллюзий.

Ключевые слова: художественный текст, интертекстуальность, межтекстовое взаимодействие, аллюзия, метафора.

Для цитирования: Запруднова А. А., Герасименко Н. И. *Интертекстуальность заголовка как текстообразующая категория художественного произведения и проблема ее передачи при переводе.* Modern oriental studies. 2021; 3(4): 515– 524.

categories and their possible status. Intertextuality is recognized as one of the most important text-forming categories of a literary work, which, on the one hand, ensures its thematic and ideological unity and brings together such components as the title and the main text of a literary work, and on the other hand, enriches the entire work with new meanings, giving the reader an opportunity to look at the entire book from a new angle. Based on the novels of Chinese writers Qian Zhongshu "The Besieged City" (钱钟书 "围城") and Liu Zhenyun "I am not Pan Jinlian" (刘震云 "我不是潘金莲"), the authors study how the intertextuality of the titles of these works causes the strengthening of the semantic potential of both individual fragments of the texts and the entire works in general. Through completing actual translations of excerpts from the above novels, the authors study the most beneficial translation strategy for conveying the involved allusions.

Keywords: literary text, intertextuality, intertextual relation, allusion, metaphor.

For citation: Zaprudnova A. A., Gerasimenko N. I. *Intertextuality of the title as a text-forming category of a literary work and the problem of its translation.* Modern oriental studies. 2021; 3(4): 515-524,

ВВЕДЕНИЕ

Художественным произведением в литературоведении принято считать «всякий словесный текст, который в пределах данной культуры способен реализовать эстетическую функцию» [Лотман, 1992, С. 204]. При этом, как видно из определения, художественный текст оказывается компонентом художественного произведения, частью крупного идейно-эстетического кода. Эту точку зрения можно найти у Р. Барта [1989], согласно которому текст есть поле методологических операций и относится к идеальному уровню, в то время как произведение представляет собой вещественный фрагмент, способный поместиться в руке, и относится к реальному уровню. Вышесказанное можно проиллюстрировать следующей схемой:

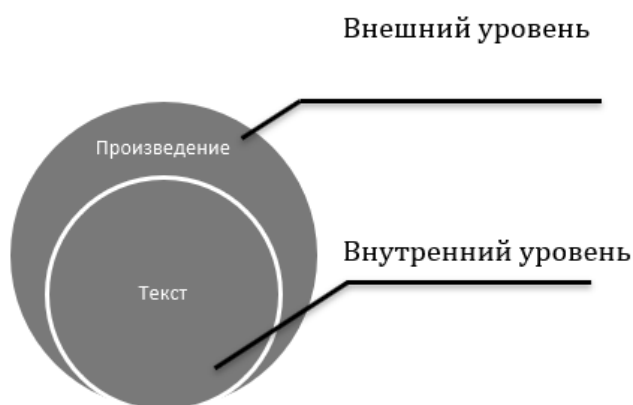

Схема 1. Взаимоотношения понятий

Scheme 1. The relationship between the concepts

Гальперин называет текстом «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 1981, с. 18-19].

Свойство текста, заключающееся в понятийно-смысловом единстве его компонентов, называется цельностью или когерентностью, а внутреннюю структурную связность его лингвистических средств между собой называют текстовой когезией. При чем, если мнение лингвистов относительно количества прочих текстообразующих категорий и оснований для их выделения расходятся, то две вышеупомянутые характеристики признаются универсальными и находятся в отношениях дополнительности и интегративности.

Так, разные лингвисты выделяют такие признаки текста, как информированность, членимость, континуум, автосемантия отрезков, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция [Гальперин], развернутость и последовательность [Новиков], антропоцентричность [Гончарова], социологичность художественного текста [Бахтин] и др. При этом те из

них, что получают конкретные средства выражения, обретают статус текстовой категории. С конца 20 века к числу таковых относят категорию интертекстуальности, которая выражается в свойстве текста вступать в диалогические отношения с другими текстами и в процессе этого взаимодействия увеличивать свой семантический потенциал. Автор может как намеренно, так и неосознанно включать в свое произведение отсылки к иным текстам. При этом прецедентные тексты, к которым обнаруживаются отсылки, не обязательно представляют собой конкретные произведения. Прецедентным текстом может выступать также творчество какого-либо автора или определенный тип культуры/ литературы, воспринимаемые в качестве идейной целостности, при которой «корпус текстов рассматривается как единый текст» [Козицкая, 1999].

Текст художественного произведения — это текст, повышенной по отношению к нехудожественным текстам, семантической нагрузки, где план выражения получает самостоятельную культурную ценность [Лотман, 1992, С. 205]. В художественном произведении взаимосвязь компонентов текста и его содержательная цельность могут обеспечиваться за счет средств других категорий, которые в свою очередь приобретают статус текстообразующих. В данной работе рассматривается, как

категория интертекстуальности обеспечивает единство идейного замысла и связь таких компонентов, как заголовок и основной текст произведения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В качестве материала исследования использованы романы современных китайских писателей Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» (钱钟书“围城”) и Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньлянь» (刘震云“我不是潘金莲”).

Рассмотрим, как в романе Цянь Чжуншу «Осажденная крепость» (钱钟书“围城”) благодаря интертекстуальности заголовка происходит усиление смыслового потенциала как отдельных фрагментов текста, так и всего произведения в целом.

С первых страниц может показаться, что «Осажденная крепость» — это роман о тяжелой судьбе людей во время японо-китайской войны 1937 года. Однако, при внимательном прочтении, оказывается, что заголовок — это аллюзия на известную французскую поговорку:

.....鸿渐果然说道：“希望褚先生别像罗素那样的三四次闹离婚。”.....慎明道：“关于Bertie结婚离婚的事，我也和他谈过。他引一句英国古话，说结婚仿佛金漆的鸟笼，笼子外面的鸟想住进去，笼内的鸟想飞出来；所以结而离，离而结，没有了局。”

苏小姐道：“法国也有这么一句话。不

过, 不说是鸟笼, 说是被围困的城堡
fortresse assiégée, 城外的人想冲进去, 城
里的人想逃出来。鸿渐, 是不?”鸿渐摇头
表示不知道。

... Фан Хунцзянь естественно связ-
вил: «Будем надеяться, что господин Чу не
разведется, как и Берти Рассел, три,
а то и четыре раза»... Чу Шенмин заме-
тил: «О браке и разводе я тоже говорил
с Берти. Он процитировал старую англий-
скую поговорку о том, что **брак подобен
золотой клетке. Птица, которая сна-
ружжи, хочет жить в клетке, а птица,
которая внутри, хочет на волю. Так
и продолжается, то туда, то сюда, и нет
этому конца**».

Мисс Су сказала: «Во Франции тоже
есть **похожая поговорка. Но не о птичьей
клетке, а об осажденной крепости** —
fortresse assiégée: **те, кто снаружжи,
хотят пробиться внутрь, а те, кто
внутри хотят сбегать. Хунцзянь, не
так ли?**» Хунцзянь лишь покачал головой —
мол, не знает.

В данном отрывке внимательный чита-
тель понимает, что название романа –
«Осажденная крепость» – это, на самом деле,
авторская метафора любви и брака, построен-
ная на интертекстуальной отсылке. Таким обра-
зом, интертекстуальность заголовка выступает

в качестве связующего элемента, организующе-
го все произведение, и позволяет осмыслить его
под иным углом.

Другим примером, когда интертекстуаль-
ный заголовок организует сюжет произведения,
порождая сложные внутритекстовые связи, яв-
ляется роман Лю Чжэньюня «Я не Пань
Цзиньлянь» (刘震云“我不是潘金莲”). Название
задает тон всему произведению, ведь Пань
Цзиньлянь — один из самых узнаваемых персо-
нажей китайской литературы, чье имя стало
 нарицательным и воплощает в себе коварство
и распутство. Это имя принадлежало героине
романа «Цветы сливы в Золотой вазе» («金瓶
梅»), «прославившейся» своим сладострастием
и дурным нравом. Распутство, вне всякого со-
мнения, является одним из основных концептов
образа Пань Цзиньлянь, однако в романе Лю
Чжэньюня реализуется многоуровневая отсыл-
ку к другому, более раннему источнику — рома-
ну «Речные заводи» («水浒传»), где одноимен-
ная героиня ко всем прочим грехам была еще
и замешана в убийстве собственного мужа.

Данный роман представляет собой сатиру
на современное общество: автор с иронией опи-
сывает запутанную бюрократическую систему
Китая, когда странные законы порождают запу-
танные пути их обхода, что в свою очередь по-
рождает новые и новые трудности. Героиня ро-
мана, деревенская женщина Ли Сюэлянь (мы

предлагаем обратить внимание на то, что последний иероглиф ее имени 李雪莲 совпадает с именем героини, вынесенной в заглавие романа — 潘金莲, вне всякого сомнения писатель неспроста прибегает к данной омонимии, как бы рифмуя имена двух женских персонажей), из желания сохранить второго ребенка, разводится с мужем, чтобы потом вновь сойтись с ним. Однако, ее хитрый план дает сбой — муж женится на другой, и теперь Лю Сюэлянь проходит все ступени судебной системы, чтобы доказать фиктивность развода и покарать неверного мужа. Однако ее история заканчивается плачевно: суд признает развод законным, список врагов Ли Сюэлянь растет, а муж к тому же обзывает ее Пань Цзиньлянь. В следующем внутреннем монологе героини мы можем почувствовать всю ее обиду от данного сравнения:

“你是李雪莲吗，我咋觉得你是潘金莲呢？”李雪莲如五雷轰顶。.....她万万没想到，秦玉河会说出这种话来。今天之前，她折腾的是她和秦玉河离婚真假的事，没想到折腾来折腾去，竟折腾出她是潘金莲的事。.....李雪莲当姑娘时算漂亮的，有许多男的想跟她好；在李雪莲与秦玉河结婚之前，李雪莲谈过几回恋爱；有两个跟她好到了一定程度，就发生了关系。.....潘金莲与西门庆勾搭成奸是在与武大郎结婚之后，李雪莲与人发生关系是结婚之前，那时与秦玉河还不认识；更何况，李雪莲并没像潘金莲

那样，与奸夫谋害亲夫，而是秦玉河另娶新欢在陷害她。:..... 潘金莲这事，可比离婚真假有趣多了；离婚真假，马上就显得不重要了。如果李雪莲成了潘金莲，谁愿意跟潘金莲生活在一起呢？世上还有谁，愿意娶一个潘金莲呢？

«Ты, значит, Ли Сюэлянь? А у меня такое чувство, что **ты — Пань Цзиньлянь.**» Ли Сюэлянь как громом поразило... Она совершенно не ожидала, что Цинь Юйхэ скажет такое. До сегодняшнего дня ее волновал лишь вопрос законности развода с Цинь Юйхэ, кто бы мог подумать, что в этой тяжбе дойдет до того, что ее сравнят с Пань Цзиньлянь! ... До замужества Ли Сюэлянь считалась завидной красавицей, многие парни хотели за ней приударить. Еще до свадьбы у нее несколько раз были романтические отношения, а с двумя парнями дело даже дошло до постели.... Но ведь **Пань Цзиньлянь в «Речных заводах» крутила интрижку с Симэнь Цином при живом муже, а у Ли Сюэлинь близкие отношения были до свадьбы, когда она Цинь Юйхэ знать не знала. Более того, ради своих любовных отношений она, в отличие от Пань Цзиньлянь, убийство мужа не замышляла, это Цинь Юйхэ женился на другой и предал ее.... Дело о Пань Цзиньлянь куда важнее дела**

о разводе. Если Ли Сюэлянь превратится в Пань Цзиньянь, кто захочет жить с ней? Разве найдется в мире такой человек, который захочет жениться на Пань Цзиньянь?

Это событие дает начало новому витку сюжета — теперь женщина пытается не отстоять свою правоту в бракоразводном процессе, а вернуть свое доброе имя. Эта тяжба тянется двадцать лет, и измученные чиновники восклицают:

“麻烦还在于，如果她是一个人还好对付，实际上她变成仨人了。”

郑重不解：

“啥意思？”

王公道：

“我们觉得她是‘小白菜’，她前夫说她是‘潘金莲’，她说自个儿冤得像‘窦娥’，这不就成仨人了？”

«Проблема еще в чем: будь она одним человеком, с ней еще можно было бы сладить, но ведь мы имеем дело с тремя личностями.

Чжэн Чжун растерялся: «Как это?»

Ван Гун пояснил: «Для нас она — **Сяо Байцай**, от дела которой зависит наша судьба, для бывшего мужа — **гулящая и коварная Пань Цзиньянь**, сама же она считает себя **обиженной умницей Доу Э**, вот тебе и три личины».

В данном отрывке мы обнаруживаем еще две аллюзии, которые позволяют увидеть героиню глазами других персонажей и дополняют интертекстуальность заголовка. Сравнение с другими известными китайскими персонажами позволяет автору создать лаконичный, объемный образ, который при этом поражает своей яркостью и легко декодируется китайским читателем. Доу Э — героиня юаньской драмы «Обида Доу Э», которая представляет собой эталон китайской жены: она верная, преданная, хотя и несправедливо обиженная. Ли Сюэлянь, сравнивая себя с этой героиней, пытается высветить и подчеркнуть всю несправедливость нанесенной ей обиды, которая неоднократно подчеркивается в тексте с помощью ряда художественных деталей. Так, только столкнувшись с бюрократической волокитой, Ли Сюэлянь, водрузив на себя табличку с надписью «Обиженная» (冤), осаждает начальника уезда.

Другая аллюзия – Сяо Байцай – представляет собой отсылку к героине громкого судебного дела конца эпохи Цин, в результате которого сняли с должностей многих чиновников, несправедливо признавших Сяо Байцай виновной в убийстве мужа.

Как мы видим, история самой Ли Сюэлянь неразрывно связана и переплетается с историями всех трех перечисленных женщин, портрет самой героини и развитие ее истории дается

через призму интертекстуальных отсылок, без правильного прочтения которых читатель окажется не в состоянии сделать взвешенный анализ и дать адекватную оценку действиям героини и всей ситуации. На наш взгляд, также уместно говорить о том, что данные отсылки могут рассматриваться как одно из средств сатиры — важнейшего средства выразительности в данном произведении.

Отказ от передачи обозначенных выше образов значительно обеднит перевод, сделав невозможным полноценное адекватное восприятие произведения. При этом следует помнить, что рассмотренные нами образы, особенно образ Пань Цзиньянь, который мы можем назвать центральным образом одноименного романа, совершенно незнакомы русскому читателю, а потому необходима их адаптация в тексте перевода. Однако, хотелось бы подчеркнуть, что следует избегать подмены образа и имплицитных смыслов. Так, при переводе названия экранизации романа «Я не Панцзиньянь» на ряд иностранных языков, был использован прием субституции: переводчик решил заменить прецедентное имя в аллюзии на героиню Г. Флобера Эмму Бовари, и данный фильм вышел в зарубежный прокат под названием «Я не Мадам Бовари». Однако, на наш взгляд, данная замена привела к подмене не только периферийных, но и ядерных характе-

ристик. Эмму Бовари Г. Флобер наделяет отрицательными чертами мещанина. Это, прежде всего, критика современного автору буржуазного сословия. И даже измены мадам Бовари мужу, хотя со временем все больше и больше подчеркивают начало процесса развращения героини, вызваны, по сути, той средой, в которой Эмма живет, и которая «взрачивает» ее ограниченность, что совершенно не характерно для героини «Речных заводов». К тому же Эмма не помышляет об убийстве мужа, что, как мы знаем, является ведущей сюжетной линией истории о Пань Цзиньянь.

Исходя из вышесказанного, более приемлемым вариантом является буквальный перевод с комментарием, который мы ненавязчиво вписываем в основной текст. Интересно, что в начале фильма дается краткий комментарий, относительно источника аллюзии, что наш взгляд, вполне уместно. При переводе собственно романа «Я не Пань Цзиньянь» на русский язык можно либо дать подобный комментарий, либо избежать объемных сносок и пояснений и вписать имплицитный смысл в основной текст произведения при помощи расширения тех ёмких комментариев, которые предлагает сам автор.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что интертекстуальность является важнейшей категориальной характеристикой художественного произведения, а в случае интертекстуальности заголовка она приобретает статус текстообразующей категории, не только организующей собственно художественный текст, но и ответственной за реализацию смыслового единства всех его компонентов. Интертекстуальность заголовка за счет диалогических отношений с иными текстами-источниками способна значительно обогатить фрагменты художественного произведения новыми смыслами и в некоторых случаях дать всему произведению способность к двойному прочтению.

Для адекватной передачи интертекстуальных художественных образов и вовлекаемых имплицитных смыслов наиболее выгодной стратегией оказывается буквальный перевод аллюзий с емким комментированием.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М. : Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: Наука, 1981. — 128 с.
3. Козицкая, Е.А. Смыслообразующая функция цитаты в поэтическом тексте: Пособие по спецкурсу / Е.А. Козицкая. — Тверь: Тверской гос. университет, 1999. — 140 с.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 203-216. — URL:<http://www.philology.ru/literature1/lotman-92a.htm/> (дата обращения: 15.09.2021).
5. 刘震云. 我不是潘金莲 (Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньлянь). — URL:<https://www.70wx.com/html/31759/> (дата обращения: 15.09.2021).
6. 钱钟书. 围城 (Цянь Чжуншу. Осажденная крепость). — URL:<https://www.huaidan1234.com/weicheng/> (дата обращения: 15.09.2021).

References

1. Bart R. Izbrannyye raboty: Semiotika: Poetika [Selected works: semiotics, poetics]. Moscow, Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russian).
2. Galperin I. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovaniya [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Science Publ., 1981, 128p. (in Russian).
3. Kozitskaya E. Smysloobrazuyushchaya funktsiya tsitaty v poeticheskom tekste: Posobiye po spetskursu [The semantic function of quotation in a poetic text: A guide for a special course]. Tver: Tver State University

Publ., 1999, 140 p. (in Russian).

4. Lotman Yu. Izbrannye statii [Selected articles]. Vol. 1. Tallinn, 1992. Pp. 203-216. – URL:<http://www.philology.ru/literature1/lotman-92a.htm/> (accessed: 15.09.2021) (in Russian).
5. 刘震云. 我不是潘金莲 — URL:<https://www.70wx.com/html/31759/> (accessed: 15.09.2021) (in Chinese).
6. 钱钟书. 围城. — URL:<https://www.huaidan1234.com/weicheng/> (accessed: 15.09.2021) (in Chinese).

Information about the Authors

Anastasia Zaprudnova

Confucius Institute, Dpt. of. Oriental Languages and Language Teaching Methodology

Ryazan State University named for S. A. Esenin
mrs.zaprudnova@gmail.com

Nadezhda Gerasimenko

Confucius Institute, Dpt. of. Oriental Languages and Language Teaching Methodology

Ryazan State University named for S. A. Esenin
nadezhda.gerasimencko@yandex.ru

Информация об авторах

Запруднова Анастасия Алексеевна

НОП «Институт Конфуция», кафедра восточных языков и методики их преподавания

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

Россия

mrs.zaprudnova@gmail.com

Герасименко Надежда Игоревна

НОП «Институт Конфуция»

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46.

Россия

nadezhda.gerasimencko@yandex.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Gender aspects of San Jiao
(Confucianism, Taoism, Buddhism)

Гендерные аспекты саньцзяо
(конфуцианство, даосизм, буддизм)

Бельченко Андрей Станиславович, Новоселова Майя Георгиевна

Российский университет дружбы народов

maykanov@list.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-525-535

АННОТАЦИЯ

В данной статье авторы видят своей задачей рассмотреть учения, входящие в круг «сань цзяо» (буддизм, даосизм, конфуцианство) с позиций гендерной проблематики. Проводится анализ различий в подходах трех религиозно-философских учений к проблемам, связанным с социальным положением женщины в рамках древнекитайского общества, и к вопросам гендерного равноправия в целом. Авторы приходят к выводу о том, что конфуцианство является андроцентричным учением в большей степени, чем даосизм и буддизм, которые в целом оказали важное влияние на процесс эмансипации китайских женщин.

Ключевые слова: китайская философия, конфуцианство, даосизм, буддизм, сань цзяо, гендер, социальное положение женщины, гендерная дискриминация.

Для цитирования: Бельченко А. С., Новоселова М. Г. *Гендерные аспекты саньцзяо (конфуцианство, даосизм, буддизм)*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 525-535.

ABSTRACT

The article examines the “Three Teachings” known as “San Jiao” (Buddhism, Daoism, Confucianism) from the viewpoint of gender issues. An analysis of the approaches towards the social status of a woman in the ancient Chinese society and questions of gender equality that were adopted by the three teachings is conducted. The authors come to a conclusion that Confucianism is more androcentric at its core than the teachings of Buddhism and Daoism which have greatly influenced the process of female emancipation in China.

Keywords: Chinese philosophy, Confucianism, Daoism, Buddhism, San Jiao, gender, female social status, gender discrimination.

For citation: Belchenko A.S., Novoselova M.G. *Gender aspects of San Jiao (Confucianism, Taoism, Buddhism)*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 525-535.

Гендерное неравенство, глубоко укорененное в китайской традиционной философии, по-разному проявляется в основных философских учениях Китая. Для начала представляется необходимым упомянуть о гендерных привязках в рамках древнекитайской школы натурфилософии, в той или иной мере отразившейся и на философско-религиозных учениях «саньцзяо». Основополагающая пара понятий древнекитайской натурфилософии «инь-ян», передающая дуализм окружающего мира, изначально не имела привязки к мужскому и женскому полу, однако впоследствии инь стало символом женского начала, а ян — мужского [8]. Абстрактным понятиям инь-ян вторит пара понятий цян и кунь из «Книги Перемен». В то время как триграмма цян выступала олицетворением мужчины, неба и коня, триграмма кунь передавала значение женщины, земли, коровы [23]. Обе теории (инь-ян и цян-кунь) выражают представления об универсальной дуализированности мира, однако один элемент из этих пар философских категорий всегда воспринимается как первостепенный, а второй — как ведомый и подчиняющийся первому [1, с. 144]. Об этом, в частности, говорят следующие строки из Книги Перемен: «Цян — могущество. Кунь — послушность», «Цян господствует. Кунь хранит» [23]. На «преобладание» ян над инь также указывает ряд оппозиций, оли-

цетворяемых ими: в то время, как ян заключает в себе активное, светлое, небесное начало, инь символизирует пассивное, темное и земное. Соответственно в древнекитайской философии укрепилось и восприятие женщины (инь/кунь) как второстепенной из двух противоположностей, роль женщины воспринималась как пассивная и зависимая.

В полной мере подобное восприятие женщины нашло отражение в рамках конфуцианской доктрины. Конфуцианство, долгое время, доминировавшее в качестве официальной государственной идеологии, в целом, имело достаточно противоречивую концепцию в вопросах, касающихся социального положения женщины. С одной стороны, конфуцианцы говорили о равенстве между мужчинами и женщинами, пропагандировали взаимоуважение между представителями разных полов. С другой стороны, конфуцианская доктрина включала патриархальные принципы, во многом носила андроцентричный характер, подчеркивала доминантную роль мужчины в рамках семьи и общества [10, с. 145]. Так, конфуцианцы рассматривали покорность и скромность в качестве главных добродетелей женщины. «Конфуций эпохи Хань» Дун Чжуншу проводил параллель между отношениями супружеской пары, родителей с детьми, начальником и подчиненным, утверждая, что жена должна быть покорна мужу как

сын своему отцу или министр императору [10, с. 146]. Подобное восприятие характерно и естественно для патримониально-патриархального древнекитайского общества [18, с. 269]. Создатель «Истории династии Тан» Бань Гу также писал о «превосходстве» мужа в семье и о необходимости расширения прав мужа в супружеской паре [5; 1, с. 146]. Конфуцианцы продвигали идею о том, что муж и жена должны делить и радости, и тяготы, и славу, и бесчестие. Однако если учитывать, что у женщин средневекового Китая не было самостоятельного социального статуса, а их репутация и положение в обществе во многом диктовались поведением мужа, представляется, что данное обязательство носило скорее односторонний характер [10, с. 146]. Известная китайская идиома «嫁鸡随鸡, 嫁狗随狗» («выходя замуж за курицу, становишься курицей, выходя замуж за собаку, становишься собакой») в полной мере отражает зависимость социального статуса, репутации и положения в обществе женщины от ее мужа [18, с. 269]. В соответствии с принципами философии конфуцианства в феодальном Китае считалось, что женщина должна подчиняться мужчине – отцу (пока она не вышла замуж), мужу (во время брака) или сыну (в качестве вдовы покойного мужа) [10, с. 145].

На основе идеалов конфуцианства в традиционной китайской семье существовало разделение труда, мужчины и женщины одной семьи жили в соответствии с утвержденными для них в конфуцианском обществе социальными ролями. Мужчина выступал центральной фигурой любой семьи, выполняя основную деятельность и работая «во внешнем мире», выстраивая карьеру [17]. Роль женщины, напротив, заключалась в поддержании хозяйства, работе по дому, бытовом обеспечении мужа [17]. Женщина ассоциировалась с домашним хозяйством, а место, считавшееся в конфуцианстве приемлемым и доступным для женщины, было у семейного очага [12, с. 4]. В традиционной китайской семье представительницы женского пола нечасто покидали родной дом, что, несомненно, накладывало определенный отпечаток на их социализацию. Основной же функцией женщины в семье считалось рождение детей. Подобное восприятие роли женщины и значение материнства в жизни китайской женщины, в частности, проявляются в китайских идиомах «孝有三, 无后为大» («среди трех видов непочтительности самый тяжкий грех – отсутствие потомства»), «母以子贵» («слава матери зависит от сына») [21, с. 29]. Здесь необходимо заметить, что, поскольку в конфуцианстве большой упор делался на почитание предков, его распространение привело к закреплению в обществе

предпочтения в пользу потомства мужского, а не женского рода (重男轻女). Поклонение предкам производилось по мужской линии, рождение мужского потомства означало продолжение родовой линии и возможность осуществления обязательств перед предками [17]. Соответственно и положение женщины в семье во многом зависело от пола рожденных ей детей. При отсутствии у женщины в браке детей ее могли вернуть родителям.

С конфуцианскими идеями о зависимом характере женщины косвенным образом связана и древняя традиция бинтования ног, практиковавшаяся в Китае начиная с X века. Такие исследователи, как Андреа Дворкин, рассматривают традицию бинтования ног как форму физической и духовной дегуманизации женщины, отражающей представления о низшем по сравнению с мужчиной положении женщины [6]. Уродование ног носило не только эстетическое значение (женщина-лотос стала частью традиционной китайской эстетики), но и буквально ограничивало движения женщины, способствуя снижению ее социальной активности и росту зависимости женщины от своей семьи и - в первую очередь - от своего мужа [4, с. 107]. О том, что бинтование ног отчасти ценилось за то, что снижало самостоятельность и дееспособность женщины, говорит, в частности, созданная одним китайским эссеистом классифи-

кация ног «женщины-лотоса», согласно которой «неправильной» считалась нога, которая, несмотря на длительное бинтование, сохраняла большую пятку, дающую возможность ка- рабкаться [6]. Существенным недостатком многих «лотосов» считалась также способность женщины «противостоять ветру» [6]. Бинтование ног определяло для женщины сферу ее деятельности в жизни, ограничивая ее до домашнего хозяйства и заботы о потомстве. Некоторые исследователи склонны видеть в самой процедуре бинтования ног — которая занимала несколько лет и требовала больших усилий, внимания и терпения со стороны девочки — своеобразную проверку на ее способность стать впоследствии достойной матерью и ухаживать за детьми. Опасная и унижительная по своей природе процедура бинтования ног при этом уберегала женщину от клейма «большего демона» и давала шанс на успешное замужество.

Стремление конфуцианцев каким-либо образом регламентировать поведение женщин, привить им идеалы покорности и послушания отразилось в создании ряда канонических трактатов. Так, наравне со сводом канонических конфуцианских текстов «Четверокнижие» было создано и «Четверокнижие для женщин» (女四书), призванное послужить основой для образования женщин в конфуцианском ключе. В «Четверокнижии для женщин»

пропагандировались нормы поведения для женщин (妇道), которыми необходимо было руководствоваться в повседневной жизни [7, с. 300]. В то время как придворные дамы читали и обсуждали «Четверокнижие для женщин», бедные и необразованные женщины просто заучивали эти конфуцианские тексты наизусть [18, с. 270]. Руке известной писательницы и историка эпохи Восточная Хань Бань Чжао принадлежит создание «Руководства для женщин», в котором также содержался ряд наставлений для молодых женщин аристократического происхождения, затрагивающих вопросы воспитания, этикета, личной жизни [18, с. 271]. «Руководство для женщин» Бань Чжао также проникнуто конфуцианскими представлениями о первостепенности мужчины, о пассивности и зависимости женщины и призывает представительниц женского пола к послушанию как к высшей добродетели [20]. Непосредственно в главном конфуцианском каноне «Лунь-юй» сравнительно редко упоминаются женщины и затрагиваются гендерные вопросы, однако встречающиеся замечания, которые касаются женщин, несут определенный мизогинный характер [14, с. 148]. Так, в аналекте 17.25 Конфуцию приписываются слова о том, что «труднее всего иметь дело с девушками и слугами / маленькими людьми», этими словами женщины приравниваются к категории людей, против-

поставляемых «благородному мужу» цзюнь-цзы, что говорит о соответственном негативном восприятии женщин. В аналекте 8-20 мы встречаем следующую фразу: «... при Чжоу, когда среди 10 помощников оказалась одна женщина. Так что их было всего девять». Это выражение можно рассматривать как критику способностей женщины в сфере управления государством и службы при дворе [14, с. 152].

Распространение в Китае идеалов конфуцианства, признание конфуцианской доктрины в эпоху династии Хань как официальной государственной идеологии привело к тому, что правовое положение женщины в средневековом Китае было крайне ограниченным. Женщина не полноценно располагала даже правом выйти замуж, решение о замужестве в большей мере принадлежало ее родителям [5, с. 520]. В качестве одной из иллюстраций жесткости китайского традиционного права в отношении женщины можно привести постановление о разводах эпохи Хань, известное как «семь допустимых оснований для развода со стороны мужа». В частности, одним из допустимых оснований для развода считалась болтливость жены [5, с. 519]. Относительно либеральный характер китайское законодательство по отношению к положению женщины в обществе имело лишь при династиях Тан и Сун, впоследствии законодательство стало носить более

выраженный патриархально-консервативный характер [5, с. 522].

В то время как конфуцианство было в большой степени ориентировано на патриархальные нормы, даосизм и буддизм, также получившие распространение в Китае, рассматриваются исследователями как менее андроцентричные и более либеральные по отношению к женщинам. Ссылаясь на неоднократное описание Дао как «матери всех вещей», «самки», метафорические отсылки к воде в классическом трактате «Дао дэ цзин», современные исследователи утверждают, что основоположник даосизма Лао Цзы с почтением относился к «женскому» [13; 22]. Впрочем, есть основания полагать, что при последующем развитии даосизма как философской системы позитивное восприятие «женского» начала сменил акцент на признание первостепенности «мужского» [13].

Большой интерес представляет феномен «женской алхимии» (女丹), являющийся частью даосской этико-религиозной системы. «Женская алхимия» представляла собой сочетание теоретических представлений и практических методик самосовершенствования для женщин, с помощью которых последовательницы могли достичь состояния «сяней». Изучение теоретических основ «женской алхимии» позволяет делать выводы об общем восприятии даосскими философами гендерных вопросов. Пути самосо-

вершенствования для женщин и мужчин, которые предлагает даосизм — и, в частности, «женская алхимия» — коренным образом отличаются. Различие путей самосовершенствования, целей, ставящихся в работе над собой, теоретически обосновывается особенностями строения женского организма: «женщина представляет собой грязное иньское начало, её тело состоит из крови и жидкости» [3, с. 382]. Поэтому путь Дао женщины (имеющий в конце те же цели, что и мужской путь — самосовершенствование, достижение бессмертия и состояния «сяней», вознесение на небеса) гораздо дольше и тернистее, чем путь мужчин-даосов. Первостепенная задача, стоящая перед даосками в рамках теории «женской алхимии» — с помощью различных методик добиться прекращения менструаций, «обезглавить красного дракона», обратив кровь в янское дыхание-ци [2, с. 374]. Осуществляя подобный переход от иньского начала к мужскому янскому, женщина приобретает андрогинные черты внешности (в частности, одним из свидетельств «очищения тела» у женщин является уменьшение груди) [2, с. 374], теряет способность к деторождению, отрекается от своей женской природы. Следует также заметить, что, согласно представлениям основоположников даосизма, даже претерпевая вышеописанные изменения, совершая добродетельные дела и самосовершенствуясь,

женщина не может до конца очистить свою иньскую природу, она вынуждена ждать спасения, чтобы вознестись на небо и войти в число небожителей-сяней [3, с. 383]. Правда, взгляды последователей даосизма в XX веке в вопросе о возможности женского спасения расходятся с представлениями раннего даосизма. Так, даос Чэнь Ин-нина, известный благодаря своим комментариям к сочинению «Десять правил женской алхимии» (女丹十則) из коллекции Хэ Лун-сяна «Собрание работ по женской алхимии», утверждал, что мужчины и женщины равны в возможностях стать небожителями [2, с. 376].

Как мы видим, даосизм, в отличие от конфуцианства, не преследует цели как-либо регламентировать повседневную жизнь и поведение женщин, не поддерживает идей о первостепенной роли мужчины в семье и обществе. Однако определенные даосские практики свидетельствуют о том, что иньское начало носило негативный смысловой оттенок в даосизме, даосизм поощрял (и считал необходимым для последовательниц учения) не только духовное самосовершенствование, но и отказ от женственности и способности к деторождению, влекущий за собой глубокие физиологические изменения. В некоторой степени можно также говорить об определенной закрытости и недоступности даосизма для женщин (до популяризации «женской алхимии» путем публикаций

работ Чэнь Ин-нина и издательства журнала «Славим добро») [1, с. 116]. Упомянутый выше Хэ Лун-сян объяснял немногочисленность женщин-даосок ограниченным количеством книг по «женской алхимии», низким уровнем грамотности среди женского населения, а также низкой мобильностью женщины в традиционном китайском обществе (у женщин было меньше возможностей покинуть дом, чтобы встать на путь Дао).

Иную картину восприятия женщины и подходов к гендерным вопросам мы наблюдаем в буддийской религиозной системе. Буддологи неоднозначно оценивают и интерпретируют теоретические постулаты буддизма и отдельные исторические эпизоды, связанные с проблемой положения женщин в рамках буддийской парадигмы. С одной стороны, последователи раннего буддизма придерживались мнения о том, что восьмеричный путь Будды доступен как мужчинам, так и женщинам [9, с. 134]. В буддийских практиках, ориентированных на мужчин и женщин, мы не находим таких разительных отличий, как в даосизме. Пол адепта — как и его принадлежность к социальному классу — не рассматривался как препятствие на пути к достижению просветления. Утверждалось, что женщины могут наравне с мужчинами следовать пути Будды, становиться архатами, добиваясь освобожде-

ния от «колеса перерождений» [16, с. 8]. Традиция приписывает слова о равных способностях женщин и мужчин в самосовершенствовании и просветлении самому Будде Шакьямуни в ответ на вопрос своего ученика Ананды [11]. Будда также лично позволил женщинам-последовательницам во главе со своей приемной матерью Махапраджапати основать сангху и исповедовать буддизм, что было беспрецедентным для других религий примером отношения к женщинам-адептам как к равным (правда, подобное решение было принято им не сразу, благословлению на основание сангхи предшествовало три отказа).

С другой стороны, Будда ограничил деятельность женщин в буддийской общине восемью гарундхаммами, каждый из которых подчеркивает зависимое положение буддийских монахинь от монахов-мужчин. Впрочем, и последователи буддизма, и многие буддологи склонны объяснять создание гарундхамм стремлением Будды Гаутамы защитить монахинь в рамках патриархального древнеиндийского общества, выстроить уклад монашеской жизни в соответствии с действующими социальными нормами [16, с. 17], [9, с. 137]. Наиболее резонными представляются получившие некоторую популярность в буддологии взгляды Алана Спонберга, который утверждал, что изначально теорию буддизма можно счи-

тать гендерно-нейтральной с сотериологической точки зрения, однако в ходе последующей институционализации буддизм приобрел андроцентристские черты. Он также указывает на то, что в более позднем буддизме заметна попытка переосмысления прежних андроцентристских идей, смещение акцента на восприятия всех адептов, следующих по восьмеричному пути, как равных вне зависимости от их пола [16, с. 24], [11]. Следует также учитывать, что непосредственно в Китае из основных ветвей буддизма наибольшее распространение получила Махаяна, в рамках которой популярны идеи о недвойственности (в отношении гендерных вопросов встречаются весьма радикальные философские концепции, утверждающие, что женского и мужского пола не существует в принципе, все половые различия иллюзорны) [16, с. 23]. Буддизм в меньшей степени по сравнению с другими философско-религиозными системами занят вопросами социальной роли женщин и мужчин в обществе (большой акцент в буддизме делается на вопросы сотериологического характера, связанные со спасением и освобождением последователей), однако распространение буддизма в Китае обычно рассматривается как определенное противодействие патриархальным нормам конфуцианства.

Таким образом, как мы видим, существовавшее в древнекитайском обществе гендерное

неравенство в большой степени было связано с культурой конфуцианства. Конфуцианская доктрина носила патриархальный характер, ей были присущи черты мизогинии. В рамках философско-религиозной системы конфуцианства предпринимались попытки жесткого контроля поведения женщин в обществе, ограничения доступных для них сфер деятельности. В учении даосизма также можно найти отдельные черты андроцентризма, доказательства превалирования позитивного отношения к «мужскому» и одновременно критического подхода к «женскому». Однако нет оснований утверждать, что последователи даосизма сознательно покровительствовали патриархальному укладу древнекитайского общества. Напротив, даосизм предоставил женщинам той эпохи возможности саморазвития и самореализации, а следование даосскому «пути» стало своеобразной альтернативой для женщины в рамках древнекитайского общества. Наиболее либеральным с точки зрения гендерной проблематики из трех философско-религиозных учений «саныцзяо» представляется буддизм. Тезисы о равенстве мужчины и женщины органично вписывались в теоретическую доктрину буддизма. Ограничения, которым были подвергнуты первые буддийские монахини, представляются скорее вынужденной мерой, направленной на их защиту. Вероятно, буддизм вкпе

с даосизмом послужил своеобразным инструментом, способствовавшим некоторой эмансипации женщин, и сделал возможным приход к власти выдающейся императрицы У Цзэтянь, которая в свою очередь во многом покровительствовала обоим учениям [15, с. 5].

Литература:

1. Белая И.В. В поисках «женской алхимии»: история создания «нью дань хэ бянь» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. - 2018. - №2. - С. 111-129.
2. Белая И.В. Госпожа Люй Би-Чэн спрашивает, даос Чэнь Ин-нин отвечает: 36 вопросов о «женской алхимии» // Общество и государство в Китае. - 2016. - № 46 (2). - С. 354-379.
3. Белая И.В. Ответы госпоже Люй Би-Чэн на тридцать шесть вопросов // Общество и государство в Китае. - 2016. - № 46 (2). - С. 380-399.
4. Брянская Т.И. Этнокультурные особенности китайского сексизма // Ойкумена. - 2011. - № 2. - С. 104-110.
5. Волкова С. В., Малышева Н. И. Правовое положение китайских женщин в средние века // Вестник СПбГУ. Право. - 2017. - Т. 8. Вып. 4. - С. 516-523.
6. Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории. - Минск, 2000, - С. 7-29.

7. Мыльникова Ю.С. «Четверокнижие для женщин» (Нюй сы шу 女四书) // Общество и государство в Китае. - 2012. - С. 300.
8. Рифтин Б.Л. Инь-ян // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М.Л.Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. - М.: Вост. лит. 2006 – Т. 2. Мифология. Религия / ред. М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов, Д.Г.Главева, С.М.Аникеева. - 2007. - С. 471.
9. Усалко О.В., Кальдинова Г.П. Гендерное равенство и буддийская культура // Вестник Калмыцкого университета. - 2019. - №4 (44). – С. 134-140.
10. Chen C., Bo Q. The Ancient Origins of Chinese Traditional Female Role: a Historical Review from Pre-Qin Dynasty to Han Dynasty [Электронный ресурс]. URL: // www.seidatcollection.com/search/download-file.php?id=7584 (Дата обращения: 13.10.2016).
11. De Silva S. The place of Women in Buddhism. A Talk given to the Midlands Buddhist Society (UK) on Sanghamittâ Day, 1988 [Электронный ресурс]. URL: // www.enabling.org_ia_vipassana_DeSilva.pdf (Дата обращения: 09.10.2020).
12. Hu Y., Scott J. Family and Gender Values in China: Generational, Geographical and Gender Differences // Journal of Family Issues. - 2014. - №1 (27). – P. 62-76.
13. Huang C. J., Valussi E., Palmer D.A. Gender and Sexuality in Chinese Religious Life // Chinese Religious Life. – 2011.
14. Kinney A.B. Women in the Analects // A Concise Companion to Confucius, First Edition. Edited by Paul Goldin. John Wiley & Sons. - 2017. - P. 148-163.
15. Menke A. The Development of Feminism in China // Undergraduate Theses and Professional Papers. - 2017. – P. 1-20.
16. Sponberg A. Attitudes toward Women and the Feminine in Early Buddhism // Buddhism, Sexuality and Gender / Ed. by J. Cabezon. - State University of New York Press, 1992. - P. 3-36.
17. Yang M. Women in Chinese Religions [Электронный ресурс]. URL: // https://doi.org/10.1007/978-1-4614-6086-2_9023 (Дата обращения: 09.10.2020).
18. Zhan H. J. Chinese Feminity and Social Control: Gender-role Socialization and the State // Journal of Historical Sociology. - 1996. - №9 (3). – P. 269-289.
19. 班固。白虎通 (Bai Hu Tong) // URL: <https://ctext.org/bai-hu-tong> (last accessed date: 15.10.2016).
20. 班昭。女诫 (Nujie) [Электронный ресурс]. URL: // <http://wyw.5156edu.com/html/z1376m1027j2493.html> (Дата обращения: 09.07.2021).

21. 陈世芸。从女权运动发展看中国的解放 // Journal of Chongqing Social Work Vocational College. - 2004. - №4 (Sum №15).
22. 老子。道德经 (Dao De Jing) [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.5000yan.com/> (Дата обращения: 09.07.2021).
23. 易经。说卦传 (Shuo Gua Zhuan) [Электронный ресурс]. URL: // http://www.360doc.com/content/17/1119/16/49477407_705289968.shtml (Дата обращения: 09.07.2021).

Peoples' Friendship University of Russia

belchenko-as@rudn.ru

Maya G. Novoselova

Department of Theory and History of International Relations

Peoples' Friendship University of Russia

maykanov@list.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Информация об авторах

Бельченко Андрей Станиславович, кан.

ист. наук, доцент

Кафедра теории и истории международных отношений

Российский университет дружбы народов

belchenko-as@rudn.ru

Новоселова Майя Георгиевна

Кафедра теории и истории международных отношений

Российский университет дружбы народов

maykanov@list.ru

Information about the Authors

Andrey S. Belchenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Department of Theory and History of International Relations

The Chinese embroidery on pillows as part of the national spiritual culture (part 1)

Китайская вышивка на подушках как предмет духовной культуры (часть 1)

Исаева Людмила Ивановна

Институт Дальнего Востока РАН

miladina@rambler.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-536-548

АННОТАЦИЯ

В статье впервые в российском китаеведении подробно исследуется такое удивительное явление, как китайская культура оформления и украшения спальных подушек. Автор статьи раскрывает особенности изготовления мягких подушек, а предметом особого внимания исследователя является вышивка на них.

В исследовании приводится подробная классификация так называемых вышивок для торцов подушек (чжэнь-дин сю), распространённых на севере страны, и убедительно показывает, как в Китае обычные бытовые предметы превращаются в удивительные образцы прикладного искусства, являясь ярким отражением не только материальной, но и духовной культуры народа.

В этом контексте большое внимание в статье уделяется показу и анализу глубочайшей символики, которой китайские мастерицы наделяли привычное изделие, придавая ему утончённую одухотворённость и глубочайший

ABSTRACT

For the first time in the Russian Sinology, the authors thoroughly analyzes such an amazing phenomenon as the Chinese culture of decorating sleeping pillows. The article reveals the peculiarities of soft pillows workmanship and especially pay attention to the embroidery on them.

The study provides a detailed classification of the so-called embroidery for the pillow side faces (zhen-ding xiu), which is widespread in the north of the country. The author demonstrates how in a Chinese ordinary household these items are transformed into amazing examples of applied art, being a vivid reflection of not only the material, but also the spiritual culture of the people.

In this context, the author displays and scrutinizes the deepest symbolism with which the Chinese craftswomen endowed these ordinary products, giving it a refined spirituality and deepest meaning. Therefore, embroidery on the pillow side faces, as a kind of the Chinese embroidery art, has become a minimized reflection of the culture

смысл. Так вышивка на боковых поверхностях подушек, как разновидность китайского вышивального искусства, превратилась в минимизированное отражение культуры моления о счастье и благополучии в традиционном китайском обществе.

В вышивке чжэнь-дин сю, как подчёркивает автор статьи, проявляются этнические особенности психологии китайцев, их ценностные воззрения, эстетическое сознание, обычаи и нравы, а также религиозные верования, поэтому скромные квадратики шёлка с вышивкой — бесценное историческое и культурное наследие.

Ключевые слова: вышивка на торцах подушек, символические знаки, талисманы, маски, намёки, омофоны, национальное искусство вышивки, культурное наследие нации, духовная культура китайцев.

Для цитирования: Исаева Л.И. *Китайская вышивка на подушках как предмет духовной культуры*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 536-548.

Omne ignotum pro magnifico (lat.)

Всё неведомое кажется нам великолепным

Everything unknown is taken as grand

ВВЕДЕНИЕ

Тема статьи, на первый взгляд, очень необычная. Между тем на подушке люди проводят треть своей жизни, и потому нельзя недо-

оценивать этот бытовой предмет. История этой постельной принадлежности очень интересна. Подушками пользуются люди во всех странах и очень давно. Впрочем, самой первой «подушкой» человека считается рука, согнутая в локте и положенная под голову. В изречениях Конфуция есть фраза об этом. В главе под названием «Шу эр», где он выражает свою жиз-

As the author of the article emphasizes in the zhen-ding xiu embroidery the craftswomen reveal the ethnic characteristics of the psychology of the Chinese people, their values, aesthetic consciousness, customs and mores, as well as religious beliefs, therefore, the modest squares of silk with embroidery are an invaluable historical and cultural heritage.

Keywords: embroidery on the pillow side faces, symbolic signs, talismans, mascots, hints, homophones, national art of embroidery, cultural national heritage, spiritual culture of the Chinese people.

For citation: Isaeva L.I. *The Chinese embroidery on pillows as part of the national spiritual culture*. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 536-548.

оценивать этот бытовой предмет. История этой постельной принадлежности очень интересна. Подушками пользуются люди во всех странах и очень давно. Впрочем, самой первой «подушкой» человека считается рука, согнутая в локте и положенная под голову. В изречениях Конфуция есть фраза об этом. В главе под названием «Шу эр», где он выражает свою жиз-

ненную позицию, говорится о том, что для счастья достаточно есть овощи и грубое зерно, пить прохладную воду и спать, подложив под голову руку (饭疏食，饮水，曲肱而枕之)¹.

Первоначально, ещё до нашей эры, подушки изготавливали из камня или дерева. Их подкладывали под голову не только для комфорта, но и для того, чтобы во время сна насекомые не попали в уши или в нос. У разных народов в разные времена подушку наделяли и мистическими, и лечебными, и защитными, и волшебными свойствами.

С течением времени люди научились изготавливать более красивые и удобные подушки для головы или затылка, например, изогнутые дощечки на невысокой ножке, расширяющейся книзу, которую украшали резьбой. Или деревянные изогнутые подставки для затылка, крепящиеся на двух дощечках, напоминающие игрушечную лавочку. Такими изделиями пользовались, конечно, только богатые.

Гораздо позже в Древней Греции впервые появились и мягкие подушки, гораздо более удобные. В древние времена подушка, и твёрдая, и мягкая, считалась предметом роскоши, атрибутом состоятельного человека, и чем больше подушек имелось у одного владельца, тем выше был его статус.

О материалах, используемых для набивки подушек в Европе всем хорошо известно: пух, перья, шерсть и пр.; интересной мне показалась информация об использовании на Украине вишнёвых косточек, действие которых напоминает китайскую акупрессу. При этом небольшую подушечку с косточками кладут поверх обычной, и она якобы снимает напряжение в области шеи, улучшает мозговое кровообращение и приносит другие блага организму.

В древнем Китае подушки тоже изготавливали из разных материалов: камня, дерева, бамбука, фарфора, глины, бронзы или нефрита. Их часто украшали изображениями людей, животных или растений. Считалось, что материалы, из которых сделана подушка, могут быть полезными для человека, который её использует [3].

Например, полагали, что нефритовая подушка способствует повышению интеллекта, и пользовались такой, конечно же, только очень богатые люди. Их вырезали из цельного камня в виде лежащих тигра, ребёнка или женщины с удобной выемкой для головы.

Китайцы умели делать и мягкие подушки, набивая их шерстью животных, лечебными травами, гречишной шелухой. Кстати, шелуха гречки остаётся популярной в качестве набивки и сегодня благодаря своим гипоаллергенным и массажным свойствам, особенно —

¹ Лунь-юй, глава Шу эр (论语.述而第七) <https://www.thn21.com/wen/famous/28593.html>

в деревнях на севере Китая, потому что на юге спать на таких слишком жарко, и южане предпочитают подушки из прохладного бамбука.

Если сравнивать два вида подушек, твёрдые и мягкие, то считается, что во время сна на мягких человек теряет жизненную энергию, и они ухудшают кровообращение, в то время как жёсткие подушки способствуют улучшению здоровья и умственных способностей. Кроме того, и в Китае, и в других странах жёсткие подставки для головы или шеи использовали, в том числе и для того, чтобы сохранить сложные причёски. Сейчас необходимость в этом отпала, и в огромном Китае с разными климатическими зонами каждый выбирает тот вариант, который наиболее удобен и комфортен ему.

Утверждают, что в Китае и Корее подушка служила индикатором благосостояния человека. По форме затылка ребёнка можно было сказать, из какой он семьи: если затылок плоский — семья бедная, и у них в качестве подушки используют квадратные или круглые валики, а то и вообще спят без подушек; если же затылок округлой формы — семья обеспеченная, и её члены спят на мягких перьевых подушках, которые пришли с Запада.

Не случайно в Китае существует немало поговорок, относящихся к «культуре подушек»: если подушка высокая, нет печалей и забот (高枕无忧), если подушка высокая, хорошо спится (高枕而卧), если подушка высокая, спится спокойно (高枕安卧) и пр.

Хотя подушками китайцы пользовались с древности, но записи, имеющие отношение к этому предмету, сохранились, начиная с эпохи Хань («Шовэнь цзецзы», «说文解字»²) и заканчивая династией Цин (энциклопедический труд «Гуцзинь тушу цзичэн», «古今图书集成»³).

Как уже упоминалось, в Китае использовались твёрдые и мягкие подушки. Фарфоровые всегда ценились выше, чем иные, и в 1954 г. была выпущена первая книга о них под названием «Фарфоровые подушки» («陶枕»), знакомящая с исследованиями, посвящёнными этому предмету постельной принадлежности. Имя автора — Чэнь Ваньли (陈万里). Естественно, коллекционеров таких сокровищ в Китае оказалось немало, и у собирателей именно фарфоровые заняли главенствующее место среди подушек. Книга Чэнь Ваньли оказалась первой, посвящённой культуре китайских подушек вообще [1, с. 2].

² «Шовэнь цзецзы» («Происхождение китайских иероглифов», «Объяснение простых и толкование сложных знаков») — первый словарь иероглифов, составленный и упорядоченный по принципу иероглифического «ключа», а также с приведённым анализом строения иероглифического знака.

³ «Гуцзинь тушу цзичэн», или «Тушу цзичэн» («Полное собрание книг древности и современности»), — китайская энциклопедия 18 в.

В Китае и в древности существовали, и сейчас встречаются подушки-сундучки, или подушки-сейфы с замочком (箱枕), в которые на ночь можно сложить все драгоценности. Такие подушки изготавливают из дерева, обтягивают кожей чёрного или красного цвета, затем красиво расписывают снаружи благопожелательными символами. Внутри часто наносят рисунки эротического характера.

Мягкие шили из шёлка, ткани и кожи, и они, в свою очередь, делились на два вида: заморские (洋枕), квадратные, образцы которых попали в Китай из Европы, и традиционные китайские, удлинённые, которые шили из текстиля и украшали вышивкой на боковых поверхностях. Такая вышивка называется *чжэнь-дин сю* (枕顶绣).

На простонародные мягкие подушки с вышивкой на торцах мало кто из серьёзных учёных обращал внимание, а между тем, они гораздо интереснее, поскольку демонстрируют и культуру, и ремесленные таланты, и искусство народа, и его традиции. О китаянках в народе говорили: «Вся их жизнь проходит в рукоделии; в 13 лет они уже умеют ткать шёлковую ткань, в 14 учатся кроить одежду». Чудесные женские ручки сучили и пряли нити, плели пояса, расшивали одежду, всю жизнь они занимались данным ремеслом.

Мне удалось собрать довольно большое количество этих шедевров — вышивок на торцах подушек, и собирательство постепенно подвигло к изучению данной темы, к классификации и описанию необычных изделий.

Полагаю, что многие синологи никогда не слышали об этом аспекте китайской культуры, поэтому цель данного исследования — ознакомить всех интересующихся Востоком с малоизвестным и восхитительным видом прикладного искусства. Вышивка на боковых поверхностях подушек, как разновидность китайского вышивального искусства, является минимизированным отражением культуры моления о счастье и благополучии в традиционном китайском обществе.

В вышивке *чжэнь-дин сю* проявляются этнические особенности психологии китайцев, их ценностные воззрения, эстетическое сознание, обычаи и нравы, а также религиозные верования, поэтому скромные квадратики шёлка с вышивкой — бесценное историческое культурное наследие.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Чжэнь-дин сю

«Зимняя тыковка, зимняя тыковка — с обеих сторон дивная вышивка» («冬瓜冬瓜, 两头绣花»). Это распространённая старинная загадка, а её разгадка — вышивка с двух торцов подушек, которые до последнего времени были очень популярными в деревнях.

Вышивка *чжэнь-дин сю* представляет собой картонный квадрат (иногда с закруглёнными углами) размером от 10x10 до 18x18 см., с натянутой на него шёлковой тканью, украшенной вышивкой. Эти квадраты приклеивались на боковые поверхности продолговатых подушек, которые поддерживали, скорее, шею, чем голову. Высота подушек зависела от того, кому они предназначались: мужчине, женщине или ребёнку. Торцы детских подголовников были прямоугольными, напоминающими, скорее, широкую полосу, в которой высота меньше ширины.

Рис. 1. Красная подушка с вышитым торцом

Fig. 1. Red pillow with an embroidered end

Фон для вышивки — это, как правило, шёлк ярко-красного, жёлтого, белого, фиолетового и др. цветов; главное — чтобы окраска была яркой и свежей, жизнерадостной и жизнеутверждающей. Затем на шёлке вышивали разноцветными нитками пожелания или назидания, используя знаменитую китайскую символику. Это могли быть и узоры-орнаменты, и пейзажи, и цветы-птицы-рыбы-насекомые, и растительность-фрукты-овощи, и благовещие животные, и герои знаменитых пьес, романов, легенд и мифов, и даже поэтические строки.

Рис. 2. Желтая шелковая подушка с вышитым торцом и вышивкой

Fig. 2. Yellow silk pillow with an embroidered butt and embroidery

Встречается немало вышивок с иллюстрацией пословиц и поговорок, ярких народных выражений, а также метафорических сравнений и аналогов, двусмыслиц и омофонов.

Всё перечисленное по сути является символами счастья и удачи, демонстрируя мечты людей о прекрасной жизни. Работа, чаще всего, очень искусная: мастерицы умудрялись на крошечных личиках, выполненных гладью,

вышить тончайшей ниточкой и глаза, и брови, и даже красную точку между бровей, изобразить все мелкие детали одежды, которые интересно рассматривать.

Рис. 3. Лю Хар и Юй-вэн

Fig. 3. Liu Har and Yu-wenxia

Рис. 4. Три звезды

Fig. 4. Three stars

Рис. 5. Герои оперы

Fig. 5. Characters of an opera

И хотя далеко не все вышивки можно назвать произведениями искусства, каждая из них вызывает восторг. Прежде чем приступить

к работе, женщина наносила на ткань рисунок с помощью карандаша. Не каждая владела навыками рисования, у иных мастериц страдало чувство пропорции и перспективы, а потому изображения порой получались примитивными и даже смешными, но именно они — наиболее трогательные, ведь, несмотря на несовершенство работы, женщина старалась порадовать членов своей семьи, вкладывала трудолюбие, усердие, душевные помыслы и энергию, без слов высказывала своё понимание эстетики, любовь к жизни. Поэтому расшитые торцы подушек как будто повествуют нам о внутреннем мире каждой мастерицы.

Любой вышитый прямоугольник шёлка — намёк, ребус, который интересно разгадывать, потому что почти всегда используются омофоны — одинаково звучащие слова, которые записываются разными иероглифами. Если рядом с ребёнком вышита ветка цветущей душистой корицы (гуй), мы понимаем, что дитя очень дорого матери, потому что «дорогой» звучит так же: гуй. Какой предмет, животное, насекомое, птица или цветок как расшифровывается — знает практически каждый китаец, и из этих символов можно составить целый словарь.

Подушки, как правило, шили из чёрного или тёмно-синего холста, удлинённой формы, а наполнителем служили различные высушенные растения, в том числе и шелуха гречки.

Такой предмет для поддержания головы во время сна, украшенный вышивкой, помимо *чжэн-дин сю*, называли ещё *чжэньтоу ду* (枕头堵), что значит «подушка с наполнителем, *чжэнь-хуа* (枕花) или *чжэнь-дин хуа* (枕顶花).

Для чехла хозяйки могли использовать и домотканый мягкий шёлк, и хлопчатобумажную ткань, и белый креп, а в качестве подкладки употребляли старые, ненужные тряпки, а то и сшитые лоскуты. Их накладывали слой за слоем и пропитывали клейстером, чтобы получилось твёрдое и прочное полотнище. На севере Китая такой способ называли *да гэбэй* (打格褙), т.е. «изготавливать подошвенный материал», потому что именно так делали подошвы для самодельной обуви — склеивали лоскуты и обрезки ткани. Затем лицевую ткань приклеивали к *гэбэй*.

Что касается формы подушки, то, помимо прямоугольных, с квадратом в торце, могли, проявив фантазию, пошить и в виде валика с кругом или овалом в торце, а также в форме *ямба*, т.е. серебряного или золотого слитка (元宝形), или напоминающие шестигранник, если взглянуть сверху. И всё же с квадратным торцом оказались самыми распространёнными.

Длина подушки в среднем составляла 30 см, а подушки для супругов шили намного длиннее обычных; соответственно, *чжэнь-дин сю* на них делали чуть крупнее. Но существова-

Рис. 6. Сорока на ветке сливы

Fig.6. 喜鹊登梅

ли ещё и подушки для уха — *эрчжэнь* (耳枕), символизирующие заботу о спящем, и плоские подушечки — *бяньчжэнь* (扁枕); вышивка на торцах таких постельных предметов получалась небольшого размера [2].

Тканевую подушку покрывали небольшим полотенцем, которое можно было постирать по мере загрязнения, а наклеенная *чжэнь-дин сю* могла служить долго, но не бесконечно, и через какое-то время её приходилось менять на новую. Для этой цели женщины вышивали впродолжение довольно большое количество *чжэнь-дин сю* для всех членов семьи (как правило, многочисленной) и хранили их в сундучке. Вышивку,

ещё не прикреплённую к подушке, называют *чжэнь-дин сюнянь* (枕顶绣片).

Именно благодаря такой запасливости в домах на севере и северо-востоке Китая их скопилось огромное количество, и в 90-х годах прошлого столетия на Блошином рынке в Пекине, который официально называется Сад семьи Пань (潘家园), прямо на земле, на газете, можно было увидеть буквально груды уникальных изделий. Ими мало интересовались китайцы, а европейцы и подавно проходили мимо такого «мусора» под ногами.

Действительно, в грудё сокровищ далеко не все вышивки были чистыми; помимо новых торговцы выкладывали и старые, срезанные с подушек. Разве что японцы, которые в своё время переняли у китайцев культурные, политические, юридические и религиозные традиции, с большим интересом и знанием дела «прочёсывали» лавки древностей, отбирая и приобретая прекрасные образцы вышивки. Причём, из-за плохого знания китайского языка, спокойно выкладывали и 300 юаней вместо названных 30, и 3000 вместо требуемых 300: они-то понимали истинную ценность народных изделий.

Заметив, что иностранцы интересуются стариной, перекупщики объезжали сначала ближайшие к Пекину труднодоступные горные деревушки, а через несколько лет — и находящиеся на большом расстоянии. Среди *чжэнь-*

дин сюнянь, в изобилии представленных в 90-х годах прошлого столетия на рынках древностей в Пекине, преобладали уникальные изделия конца династии Цин и периода Китайской республики. Выполнены они мастерицами северных районов Китая, представительницами таких национальностей, как хань, маньчжуры, корейцы и монголы, т.к. в тех краях холодный климат, и мягкие подушки получили широкое распространение.

На рынке их можно было перебирать часами, любясь и откладывая понравившиеся. Казалось, что и через пять, и через десять лет их будет так же много в продаже, в завалах среди рухляди. Но даже самое большое количество произведений народного творчества рано или поздно иссякает, и они превращаются в раритет, редкие находки. И хотя сами подушки уже преданы забвению, их украшения в виде

Рис. 7. 白云初晴

Fig.7. 白云初晴

торцевых вышивок теперь, когда их осталось очень мало, вызывают большой интерес и у китайцев, и у иностранцев, которые ценят народное искусство.

Вышивка на боковых поверхностях подушек чрезвычайно богата по содержанию, а количество сюжетов трудно перечислить. Если сказать коротко, то они воплощают традиционные китайские благопожелательные символы. Поскольку работа мастерицы представляет собой вышитые квадратики ткани с двух торцов, то тема вышивки каждый раз является парной, и в этой паре изображения связаны между собой. Они могут быть тождественными, а могут быть и комплексными, а то и составлять целый комплект, состоящий из двух, четырёх и восьми пар, содержательно соединённых в одно целое, согласно правилам изображения узоров и рисунков: «в рисунке должен быть смысл, а смысл должен иметь отношение к благоприятным пожеланиям» [2].

Если систематизировать знаменитые работы, то, с точки зрения особенностей вышивки и её композиции, можно разделить их на чисто ляонинские (провинция Ляонин), а также маньчжурские, имея в виду мастериц, проживавших в провинциях Ляонин и Гирин. Ляонинские женщины располагали вышивку внизу квадрата, оставляя верхнюю часть свободной. Маньчжурские *чжэнь-дин сю* отличаются раз-

Рис. 8. Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай

Figure 8. Liang Shan-bo and Zhu Ying-tai

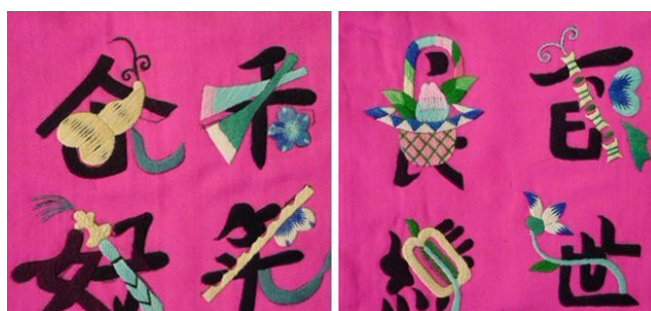

Рис. 9. Невидимые 8 бессмертных

Fig. 9. The Invisible 8 Immortals

нообразием тем, богатством красок, тонкостью работы и ярко выраженным национальным колоритом. Вышивка располагается в центре квадрата.

Основное содержание вышивок

Познакомим вас с несколькими видами самых распространённых символов (象征符号) и узоров-орнаментов (图案纹样), вышиваемых на торцах подушек. Они демонстрируют самобытную культуру китайцев и глубокий смысл традиционного моления о счастье китайских крестьян. Разнообразие узоров и рисунков со скрытым смыслом можно свести к следующим наиболее популярным категориям:

- птицы и звери; сюда же относятся и земноводные, и рыбы (鸟兽);

- цветы и травы; сюда же относятся деревья, плоды и насекомые (花卉);
- персонажи произведений (人物故事);

Рис. 9. Обезьяны и Три барана

- архитектурные строения (建筑);
- предметы и орудия (器物);
- иероглифы; сюда же относятся стихи и известные высказывания (文字);
- геометрические узоры (几何形).

Представители животного мира часто используются для символических намёков. Среди птиц, насекомых, представителей водной фауны и благовещих зверей наиболее популярными являются *дракон* и *феникс* (намекают на императора с императрицей), *сорока* (предвестница счастливого события, часто — свадьбы; ещё она символизирует счастливую судьбу), райская или *долгохвостая мухоловка* (символизирует долголетие; по-китайски она так и называется: птица, несущая долголетие, 绶带鸟, 寿带鸟, потому что первый иероглиф её названия *шоу* звучит так же, как иероглиф «долголетие», *шоу*), *манда-риновые утки* (счастливое супружество), *летучая мышь* (самый яркий намёк на счастье).

В слове *стрекоза*, *цин-тин* (蜻蜓), первый иероглиф является омофоном другого иероглифа *цин* (清) со значением «правильный», «незапятнанный», «неподкупный». В старом Китае чиновники носили на одежде жадеитовую стрекозу, намекая на свою неподкупность и справедливость.

Не менее популярны *бабочка* (символ счастья и любви; если она изображена рядом с кошечкой, то намекает на очень старого человека, и вместе они — пожелание супругам дожить до глубокой старости), *пчела* (намёк на повышение в карьере, т.к. иероглиф *фэн* омонимичен китай-

Рис. 10. 八仙庆寿

Fig. 10. Monkeys and Three sheep

скому слову «жаловать чины и звания»), *журавль* (мир, гармония — по созвучию; он также является одним из главных атрибутов бога Долголетия Шоу-сина), *олень* (карьера), *рыба* (пожелание достатка и даже излишков) и пр.

При этом надо подчеркнуть, что некоторые изображения имеют несколько смыслов, как видно из приведённых примеров. Вот ещё один пример. Драконы, парящие в небе и отнимающие друг у друга жемчужину — символ

Рис. 11. Маньчжурский дракон

Fig. 12. The Manchurian Dragon

наступления весны и благодатного дождя. «Взлетающий дракон и танцующий феникс» (龙飞凤舞) — исключительно красивый почерк; «встреча самочки феникса и дракона-самца предвещает радостное событие» (龙凤呈祥), т.е. в Поднебесной наступят мир и спокойствие.

Летучая мышь *бянь-фу* (蝙蝠) в Китае — символ счастья, потому что иероглифы *фу* (蝠) и *фу* (福) являются омофонами. На вышивке её можно встретить в самых разных сочетаниях.

Если летучая мышь подлетает к человеку, это намёк на то, что счастье приближается (进福): оно как бы спускается с небес.

Орнаменты из летучих мышей можно встретить самые разнообразные, например, изображение мыши вверх ногами означает «счастье пришло». Известны изображения «две летучие мыши» (双蝠) — двойное счастье, «четыре мыши подносят счастье, карьеру и долголетие» (四蝠捧福祿寿), «пять летучих мышей» (五蝠) — намёк на пять видов счастья. Летучая мышь, изображённая с лошадей «расшифровываются» как «скорое обретение богатства» (马上得福).

Персик, вышитый рядом с летучей мышью, означает пожелание полного счастья и долгой жизни (福寿双全); пион вместе с летучей мышью символизируют знатность, богатство, счастье и долголетие (富贵福寿).

Выражаем надежду, что в следующем номере журнала мы продолжим знакомство с основным содержанием вышивок, а также с их тематикой, в зависимости от того, кому из членов семьи предназначалась подушка.

Вторая часть исследования будет представлена в следующем выпуске журнала.

Литература

1. Ли Хун-фу. Чжэньдэ фэнцин — чжунго миньцзянь чжэнь-дин сю [Ли Хунфу. Очарование подушек — китайская народная вышивка на торцах подушек], Юньнань жэньминь чубаньшэ, 2005. (На кит.)
2. Инкоу боугуань цан чжэнь-дин цысю вэньян цзеси [Анализ узоров вышивки на торцах подушек из музея г. Инкоу]. URL: <http://www.ykbwg.com/xsyj/newsinfo.php?id=226> 24.02.2016. (На кит.). Ли Хун-фу. Чжэнь-дин сюдэ вэньхуа июнь цзи сяньчжэн фухао яньцзю [Скрытый смысл культуры вышивки на торцах подушек и исследование символических знаков]. URL: <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?file-name=2004073333.nh&dbcode=CDFD&dbname=CDFD2004&v=> (На кит.).
3. Цысю чжэнь-дин чжань [Выставка шёлковой вышивки на торцах подушек] URL: https://www.chinasilkmuseum.com/yz/info_18.aspx?itemid=28155 (На кит.).

References

1. Li Hongfu. Zhende fengqing — zhongguo minjian zhending xiu [Li Hongfu. The charm of pillows – the Chinese folk embroidery on the pillow side faces]. Yunnan renmin chubanshe, 2005. (In Chinese).
2. Yingkou bowuguan cang zhending cixiu wenyang jiexi [The analysis of embroidery patterns on the pillow side faces from the Yingkou Museum]. URL: <http://www.ykbwg.com/xsyj/newsinfo.php?id=226> 24.02.2016. (In Chinese).
3. Li Hongfu. Zhending xiude wenhua yiyun jixiangzheng fuhao yanjiu [The hidden meaning

of the culture of embroidery on the pillow side faces and the study of the symbolic signs]. URL: <https://gb.global.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?file-name=2004073333.nh&dbcode=CDFD&dbname=CDFD2004&v=> (In Chinese).

file-

name=2004073333.nh&dbcode=CDFD&dbname=CDFD2004&v= (In Chinese).

4. Cixiu zhending zhan [Exhibition of silk embroidery on the pillow side faces]. URL: https://www.chinasilkmuseum.com/yz/info_18.aspx?itemid=28155 (In Chinese).

Информация об авторе

Исаева Людмила Ивановна

Старший научный сотрудник Центра изучения культуры Китая

Институт Дальнего Востока РАН

117997, Москва, Нахимовский пр., 32

Россия

miladina@rambler.ru

Information about the Author

Lyudmila I. Isaeva

Senior Researcher, Center for the Study of Chinese Culture

Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997

Russia

miladina@rambler.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

**Breach of rights of Russian businessmen in the Uryankhai region
of the beginning of the 20th century in reports of I.Ya. Korostovets
(on the prehistory of the “Uryankhai question”)**

**Нарушение прав российских предпринимателей в Урянхае начала XX в.
в записках И.Я. Коростовца (к предыстории «Урянхайского вопроса»)**

Почекаев Роман Юлианович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

rpochekaev@hse.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-549-562

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются дипломатические записки российского дипломата и востоковеда И.Я. Коростовца посвященные проблеме притеснения российских предпринимателей цинскими властями в Урянхайском крае в конце 1900-х гг. В контексте сложного и противоречивого развития отношений Российской и Цинской империй в начале XX в. эти события, по сути стали отправной точкой для постановки так называемого «Урянхайского вопроса», т.е. проблемы принадлежности Урянхайского края (Тувы). Приступив к решению этой проблемы с попыток восстановления нарушенных прав российских торговцев и промышленников, И.Я. Коростовец в дальнейшем сосредоточился на необходимости укрепления влияния Российской империи в регионе в целом и, к тому же, возможностях использования его противоречивого правового статуса, не урегулированного международными соглашениями

ABSTRACT

The article is an analysis of diplomatic notes of I.Ya. Korostovets, Russian diplomat and orientalist, devoted to the problem of oppression of Russian businessmen in the Uryankhai Region by Qing authorities at the end of 1900s. Within the context of intricate and controversial Russian-Chinese relations during this time this problem became a starting point in the development of so called “Uryankhai question”, i.e., problem of affiliation of Uryankhai Region (Tuva). Korostovets decided to solve this problem by attempts of restoration of broken rights of Russian businessmen, but soon he concentrated on the necessity of further strengthening of Russian positions in the region in general as well as on possibilities of using the “question” as an instrument of diplomatic pressure on the Qing Empire including aspects which were not connected with the Russian interests in the Uryankhai Region. The base of the research archival and published documents – dispatches and

в качестве дополнительного инструмента дипломатического давления на империю Цин, в т.ч. в вопросах, не связанных непосредственно с российскими интересами в Урянхайском крае. Основу исследования составил анализ архивных и опубликованных документов — депеш и писем И.Я. Коростовца, занимавшего в то время пост российского посла в Пекине, однако уже тогда активно интересовавшегося глобальной проблемой взаимоотношений России, Китая и Монголии. Предложения И.Я. Коростовца, вызвавшие интерес и в значительной степени поддержку российских властей, способствовали не только возникновению (и в скором времени решению) «Урянхайского вопроса», но и отразили более широкую панораму политики империи Цин в Монголии и других северных регионах во второй половине 1900-х гг., а также акцентировали внимание на слабых сторонах российской политики в отношении империи Цин в рассматриваемый период

Ключевые слова: Русско-китайские отношения, Российская империя, империя Цин, Урянхайский край, Монголия в начале XX в., И.Я. Коростовец, право международной торговли

Для цитирования: Почекаев Р.Ю. *Нарушение прав российских предпринимателей в Урянхае начала XX в. в записках И.Я. Коростовца (к предыстории «Урянхайского вопроса»).* Современные востоковедческие исследования. 2021; 3 (4): 549-562.

letters of I.Ya. Korostovets who was a Russian ambassador in Beijing this time but already was deeply interested in the global problem of relations between Russia, China and Mongolia. The propositions of I.Ya. Korostovets were interesting for Russian authorities and later substantially contributed to formation (and soon decision) of the “Uryankhai question”. At the same time they accentuated the problems of Russian policy towards the Qing Empire at the second half of 1900s as well as covered the Qing policy in Mongolia and other northern imperial regions this time.

Keywords: Russian-Chinese relations, Russian Empire, Qing Empire, Uryankhai Region, Mongolia at the beginning of the 20th c., I.Ya. Korostovets, international trade law

For citation: Pochekaev R.Yu. *Breach of rights of Russian businessmen in the Uryankhai region of the beginning of the 20th c. in reports of I.Ya. Korostovets (on the prehistory of the “Uryankhai question”).* Modern oriental studies. 2021; 3 (4): 549-562.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина 1900-х гг. в истории Цинской империи ознаменовалась активизацией политики «колонизации» и «китаизации» тех регионов, которые до этого времени пребывали в значительной степени в статусе вассалов с широкими правами внутренней автономии.

Подробные сведения о процессе «китаизации» Урянхайского края нашли отражение в записках выдающегося российского дипломата и востоковеда Ивана Яковлевича Коростовца (1862–1933), ряд лет возглавлявшего российские посольства в Китае и Монголии. В данной статье предпринимается анализ ряда дипломатических документов (депеш и писем) И.Я. Коростовца, посвященных данному вопросу. При этом большой интерес вызывает причина, по которой дипломат поднял этот вопрос: речь идет о притеснении представителями цинской администрации российских предпринимателей, которые уже в течение длительного периода осуществляли торговую или промышленную деятельность в Урянхайском крае. Их тесные связи с местным населением препятствовали планам цинских властей, почему на русских торговцев и промышленников и обрушились репрессии.

И.Я. Коростовец вступил в активную переписку и с администрацией империи Цин, и с российскими властями центрального и ре-

гионального уровня по поводу защиты интересов русских подданных. Однако, не преуспев в решении данной локальной проблемы дипломатическим путем, он обратился к причинам самой проблемы, по сути, сформировав повестку гораздо более локальной проблемы — неопределенности правового статуса самого Урянхайского края и его территориальной принадлежности. Тем самым было положено начало обсуждению так называемого «Урянхайского вопроса», который в скором времени получил широкое освещение в российской специальной, научной и публицистической литературе [см., напр.: Баранов, 1913; Кузьмин, 1996; Март-оол, 2002; Василенко, 2015; Кузьмин, 2018] и, в конечном счете, был решен установлением над Тувой российского протектората.

В статье предпринимается попытка проследить как частный вопрос, связанный с нарушением прав нескольких русских предпринимателей в одном из отдаленных регионов империи Цин, И.Я. Коростовец достаточно быстро и органично перевел в глобальную плоскость, убедительно показав, что этот конкретный случай – всего лишь частное следствие ошибок российской политики в отношении Китая, и предложив комплекс мер по изменению ситуации в русско-китайских отношениях к лучшему. Основу исследования составляет ряд дипломатических документов, подготовленных

И.Я. Коростовцом в 1910 г., часть из которых уже была опубликована, а часть анализируется по архивным материалам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг. привело не только к внутренней дестабилизации и первой русской революции, но и к значительному ухудшению международного статуса Российской империи. Одним из последствий этой тенденции стала активизация империи Цин в тех регионах, которые формально находились в вассальной зависимости от маньчжурских императоров, но фактически уже около полувека пребывали в сфере влияния российских властных и предпринимательских кругов — речь идет, в первую очередь, о Маньчжурии, Внешней Монголии и Урянхайском крае.

Когда японцы сумели ослабить положение России в этих регионах, цинская администрация увидела удобную возможность не только по восстановлению, но и по дальнейшему усилению своего контроля над ними. В результате в регионах начался процесс китаизации, который сопровождался не только значительным урезанием прав местного населения и его интеграцией в политико-правовое пространство Цинской империи, но и вытеснением российских агентов влияния, к которым наряду с дипломатами принадлежали и довольно мно-

гочисленные представители предпринимательских кругов — торговцы и промышленники.

Современники событий — российские путешественники, а также последующие исследователи достаточно подробно осветили этот процесс на примере Внешней Монголии (Халхи) [Новицкий, 1907; Давидов, 1911; Дроботущенко, Ланцова, 2019]. Однако он имел место и в других регионах с аналогичным статусом — в частности, в Урянхайском крае (современная Тува). Именно вопиющее нарушение прав российских предпринимателей, которые вели здесь дела, привлекло внимание И.Я. Коростовца, который в это время являлся послом Российской империи в Пекине. О произволе цинской администрации Урянхайского края, повлекшего ущерб российских торговцев дипломату стало известно от российского консула в Улясутае В.В. Долбежева, который, в свою очередь, узнал об этом от самих потерпевших.

Согласно их показаниям, в ноябре 1908 г. улясутайский цзянь-цзюнь (генерал-губернатор Западного Китая) и кобдоский амбань (губернатор в Западной Монголии) приказали местной администрации Урянхайского края выдворить из своих земель российских торговцев. Русские предприниматели, проживавшие в урянхайских землях Улясутайского ведомства, вовремя обратились к консулу, который немедленно заявил протест цзянь-цзюню, и тот был

вынужден отменить свой приказ [Русско-китайские отношения, 2014, с. 451].

Что же касается русских торговцев и промышленников, ведших дела в землях Кобдоского ведомства, то у них в силу отдаленности от русского дипломатического представительства такой возможности не было. В результате пострадал целый ряд российских предпринимателей. На основе отчета В.В. Долбежева И.Я. Коростовец подробно перечислил лиц, поенсших ущерб от действий маньчжурских властей в своем обращении в цинское Министерство иностранных дел («Вй-ву-бу»). Так, на озере Толбу-нор были разрушены до основания четыре здания, принадлежавших купцу Головину (причем материал, из которого они были построены, растащили местные жители), общие потери составили 37 430 руб. На р. Саксая пострадали постройки предпринимателей Никифорова, Дробинина, Плехова и Лучшева, часть строений была разрушена, часть испорчена. На р. Харганат была разорена лавка купца Радыгина: само здание и ограда были разрушены, а товары раскрадены. На р. Джаланды была разрушена шерстомойня Булгакова, лавка и шерстомойня Постоволова, сарай и лавка Мальцева. При этом в большинстве случаев нападения на русских торговцев проходили по одной и той же схеме: дождавшись отъезда самих хозяев, представители маньчжурских вла-

стей разрушали их строения, а с работников, которые не могли вмешаться, собирали расписки, «что при разрушении построек никаких ссор между русскими и урянхами не было» [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 9 об.–10].

Уже в апреле 1909 г. консул В.В. Долбежев, получив сведения о бесчинствах цинских властей, немедленно обратился к кобдосскому амбаню Си Хэну, который заявил, что «мера эта была, будто бы, предпринята лишь в отношении беспокойного и частью преступного элемента, не имевшего никаких установленных документов на жительство» [Русско-китайские отношения, 2014, С. 451]. Однако консул представил ему доказательства того, что нападениям подверглись люди, которые издавна вели дела в Урянхе и пользовались уважением среди местного населения.

Амбань какое-то время тянул с ответом, заявляя, что «не имеет на это разрешения из Пекина», однако, в конце концов, в июне 1909 г. все был вынужден оправдываться, правда, всю вину возложив на непосредственных исполнителей, т.е. мелких урянхайских чиновников: «было решено и сообщено заинтересованным сторонам, что возмещение убытков должно произойти по соглашению русских подданных с урянхайскими властями» [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 9 об.].

Однако по прошествии длительного времени никаких шагов по возмещению причиненного ущерба предпринято не было, и И.Я. Коростовец, продолжив изучение ситуации, обнаружил гораздо большие злоупотребления амбана Си Хэна. Оказалось, что он присвоил себе право «разбирать единолично поступки русско-подданных при посредстве киргизских и урянхайских чиновников» и «применил к русским меру наказания, то есть высылку по своему усмотрению и разрушением построек причинил им большие убытки». К тому же он запретил местным жителям принимать на постой русских подданных, а тем из них, кто жил в пределах Улясутая в юртах, приказал немедленно покинуть город [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 10]. Более того, он совершенно запустил пограничные дела, и когда на границе произошло несколько убийств, он не позволил провести международный пограничный съезд, которые обычно проводились в таких случаях [см.: Моисеев, 2004; Сизова, 2017], несмотря на запрос иркутского генерал-губернатора, который он проигнорировал [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 10–10 об.].

Причины такого поведения амбана стали очевидны для И.Я. Коростовца по итогам изучения им ситуации. Еще в 1905 г. Си Хэну было поручено «китаизировать» Урянхайский край, куда он привез с собой 2 000 маньчжурских

и китайских солдат и большое количество китайских торговцев [Русско-китайские отношения, 2014, С. 454]. Естественно, для последних, до сих пор не ведших дел в этом регионе, российские предприниматели были опасными конкурентами, которые, к тому же, не ограничивались деятельностью только среди урянхайцев, но и постоянно (начиная еще с 1870-х гг.) выезжали с торговыми целями в Халху [Старцев, 2013, с. 165]. В свете открытых обстоятельств не приходилось удивляться враждебности маньчжурских властей по отношению к русским предпринимателям.

Впрочем, оказалось, что Си Хэн имел куда более далеко идущие планы, чем просто выдворение русских купцов из Урянхайского края. Он намеревался переселить местное население вглубь региона, а непосредственно на границе планировал поселить китайцев и разместить гарнизоны. Это, как совершенно справедливо отмечал И.Я. Коростовец могло повлечь окончательную потерю российского влияния в Урянхайском крае [Русско-китайские отношения, 2014, С. 452]. Чтобы этого не произошло, он предложил целый комплекс мер по сохранению российского влияния в регионе.

Прежде всего, с подачи В.В. Долбежева он направил в российский МИД предложение об учреждении российского консульства в городе Шара-Сумэ, который абмань Си Хэн сделал

своей резиденцией. Отметив, что вышеупомянутые российские предприниматели пострадали от действия цинских властей из-за того, что не успели вовремя обратиться к русскому консулу, он предлагал перенести резиденцию последнего в город, где тот мог бы оперативно обратиться к амбаню и потребовать отмены незаконных распоряжений. В настоящее время, как сообщал Коростовец, интересы купцов в Кобдосском ведомстве представляет только избранный старшина, которые не пользуются влиянием среди китайских властей, да еще и допускает многочисленные злоупотребления. Учреждение же консульства в Шара-Сумэ должно повысить защищенность русских подданных и, к тому же, не противоречит условиям русско-китайского договора 1881 г. [[РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 10; Русско-китайские отношения, 2014, С. 455].

В марте 1910 г. новый российский консул в Улясутае В.Ф. Люба предложил усилить охрану консульства и прислать ему для этой цели 24 сибирских конных казака. Когда российский МИД обратился к И.Я. Коростовцу, чтобы узнать его мнение, тот не только поддержал идею консула, но и напомнил, что В.В. Долбежев в свое время предлагал прислать в Урянхайский край не несколько десятков, а 200 конных казаков и 2 артиллерийских орудия — что было, вообще-то, обычной практикой в русско-

китайских отношениях в случаях, если российским дипломатическим представительствам или подданным в том или ином регионе грозила опасность [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 27–27 об., 39–39 об.].

Наконец, самым убедительным, по мнению посла аргументом в отношениях с цинскими властями должно было стать заявление, что Урянхайский край до сих пор не имеет четкого международно-правового статуса и, следовательно, действия в нем маньчжурской администрации против российских подданных незаконны. Уже в своем сообщении китайскому внешнеполитическому ведомству после разрушения строений русских предпринимателей в ноябре 1908 г. он впервые отметил, что эти действия были совершены «на территории, принадлежность коей Китаю или России еще не является установленным». И китайские власти должны ценить, что «доверяя прежним мирным и добрососедским отношениям, русские не заявляют своих прав в спорных пограничных местностях», что не является обстоятельством «для совершения над ними насилия» [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 10 об.].

Для подтверждения своей позиции И.Я. Коростовец обратился к иркутскому генерал-губернатору за содействием, и тот направил в Пекин полковника В.Л. Попова, прекрасно знавшего ситуацию в Урянхайском крае. Попов

представил дополнительные сведения о том, что китайские власти не пользуются авторитетом со стороны урянхайцев, которые уже много лет взаимовыгодно взаимодействуют с российскими торговцами и промышленниками. Естественно, его слова не могли остаться без ответа со стороны «Вай-ву-бу», однако, как писал Коростовец, «вынес впечатление, подтвердившее прежнее мнение, что данные, коими располагает Китай для доказательства своих прав владения, довольно шатки, и что если мы до сих пор не возбуждали этого вопроса, то лишь вследствие индифферентизма, отличавшего нашу пограничную политику с Китаем, и желания во что бы то ни стало поддерживать дружественные отношения с соседом, чтобы не создавать инцидентов». При этом, сообщал российский посол в Пекине, цинские дипломаты уже «дрогнули», поскольку в ответ на его жалобы по поводу нарушения прав русских купцов, стали оправдываться и, в конечном счете, предложили урегулировать вопрос «в смешанной комиссии», что, по его мнению, представляло собой «косвенное признание существования русских интересов в Урянхайском крае» [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 39–39 об.].

Таким образом, резюмировал И.Я. Коростовец, предъявление Россией претензий на Урянхайский край может стать «серьезным средством давления» на власти империи Цин,

причем не только в связи с российскими интересами в этом регионе. Он был уверен, что подобного рода аргументы, например, могут помочь отменить наложенный маньчжурскими властями запрет на торговлю русским хлебом в Маньчжурии [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 38 об., 39 об.]. При этом Коростовец всячески подчеркивал, что «далек от мысли создавать инциденты или осложнять без того сложные отношения к Китаю», но советует не оставлять без ответа «новых агрессивных шагов нашего соседа». Т.е., речь шла об использовании неопределенного статуса Урянхайского края исключительно как аргумента в дипломатических переговорах с Пекином [Там же, л. 40].

Аргументы И.Я. Коростовца были внимательно изучены властями Иркутского генерал-губернаторства и Министерством иностранных дел. Центральное ведомство достаточно противоречиво оценило его предложения. С одной стороны, они позволяли, и в самом деле, в случае необходимости ввести войска в пределы империи Цин и даже занять часть китайской территории. Однако, как утверждалось в соответствующей справке российского МИДа, представленной председателю Совета министров П.А. Столыпину, использовать претензии на Урянхайский край вряд ли будет эффективно при решении проблем в Маньчжурии. Обширность цинских владений не позволит

маньчжурским властям соотнести российские действия в отношении Урянхайского края с проблемами на другом конце ее пограничных владений: скорее всего, в ответ на такие действия российских властей цинская администрация лишь ограничится протестом, но никак не изменит своей позиции по поводу торговли русским хлебом в другом своем регионе [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 44–44 об.].

Естественно, пассивность Министерства иностранных дел раздражала И.Я. Коростовца. Он поручил консулу в Улясутае подготовить карту границы Урянхайского края с российскими владениями, на основании которой вновь стал доказывать исторические права Российской империи на этот регион. И если имперские власти не поспешат, сообщал он в очередной своей депеше, то китайцы укрепят границу и населят регион, и тогда он будет окончательно потерян для России [РГИА, ф. 1276, оп. 6, д. 504, л. 55–56].

В отличие от МИДа, российские региональные власти лучше осознавали опасность, о которой говорил посол в Пекине. 28 февраля 1911 г. при иркутском генерал-губернаторе Л.М. Князеве состоялось совещание, на котором были выработаны предложения по активизации политики России в Урянхайском крае. В решении по его итогам (позднее направленном П.А. Столыпину) был представлен целый комплекс мер, реализация которых не только

должна была укрепить российское влияние в регионе, но и передать под контроль России ряд его территорий. Так был, наконец, поднят тот самый «Урянхайский вопрос», который уже через три года результировался в установлении протектората Российской империи над Тувой [Русско-китайские отношения, 2014, С. 455–465].

В заключение считаем небезынтесным отметить один момент: когда в Монголии произошла революция, и местные князья провозгласили независимость от империи Цин, в переговорах с Россией они, в свою очередь, стали претендовать на власть над Урянхайским краем. И тот же самый И.Я. Коростовец, который прежде отказывался признавать права Китая на этот регион, в переговорах с монголами, стал заявлять, что будет решать его судьбу не с ними, а исключительно с китайцами [Коростовец, 2004, С. 255]. Таким образом, как видим, неопределенность статуса Урянхайского края продолжала оставаться важным козырем в дипломатической борьбе на территории Центральной Азии с участием различных политических игроков.

ВЫВОДЫ

И.Я. Коростовец, которого современные авторы называют «создателем» Автономной Монголии [Дудин, 2017], как видим, являлся и одним из авторов «Урянхайского вопроса».

В значительной степени именно на основании его записок в скором будущем этот вопрос был поднят российскими властями сначала на региональном, а затем — и на центральном уровне и в дальнейшем решен путем установления российского протектората над Тувой. И началось все, казалось бы, с довольно незначительного эпизода — попрания прав и интересов нескольких русских предпринимателей в Урянхайском крае.

Однако, что не следует считать, что действия цинских властей против русских торговцев и промышленников стали для И.Я. Коростовца просто поводом для постановки глобального вопроса об Урянхайском крае и о давлении через него на империю Цин. Несомненно, как ответственный дипломатический представитель, он уделял существенное внимание положению российских подданных в империи Цин, и причинение ущерба одному из них в глазах дипломата означало нанесение вреда престижу России в целом. Поэтому он с большим вниманием изучал отчеты российских консулов в Западной Монголии, военных разведчиков и других лиц, информация которых имела отношение к «Урянхайскому вопросу».

А уже тот факт, что он сумел его связать с глобальными отношениями между Российской и Цинской империями и предложить в качестве средства воздействия на китайские вла-

сти — это уже результат его аналитической деятельности. В связи с этим нельзя не отметить, что дипломатический статус и способности И.Я. Коростовца препятствовали ему в высказывании объективной оценки российской политики в отношении Китая, в т.ч. и с упоминанием ее просчетов и ошибок и формировании довольно радикальных рекомендаций по ее исправлению. Вместе с тем нет никаких оснований считать, что он призывал Россию к эскалации конфликта с Китаем, лишь советуя проявлять решительность в защите собственных интересов, но отнюдь не в развязывании военных действий и завоевании китайских земель.

В заключение отметим, что проанализированные записки И.Я. Коростовца представляют ценную информацию не только по истории русско-китайских отношений, но и по китайской политике в Северной Монголии и Туве в рассматриваемый период, когда она претерпевает существенную эволюцию по сравнению с предыдущими периодами.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Литература

1. Баранов А. Урянхайский вопрос. Харбин: Типоитография Заамурского округа, 1913. 48 с.
2. Василенко В.А. «Урянхайский вопрос» в международной политике России, Монголии, Китая (первая четверть XX века): источниковедение и историография проблемы // Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука). Кн. 5. Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. С. 99–114.
3. Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу). Владивосток: Восточный ин-т, 1911. 185 с.
4. Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н. Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (4). С. 924–931.
5. Дудин П.Н. И.Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г. // Былые годы. 2017. Т. 43. № 1. С. 274–284.
6. Коростовец И.Я. От Чингис хана до советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
7. Кузьмин С.Л. Урянхайский вопрос и монголо-тувинские отношения в начале XX в. // Oriental Studies. 2018. Vol. 37. No. 3. P. 2–14.
8. Кузьмин Ю.В. «Урянхайский вопрос» в общественной мысли России // Восток и Россия: взгляд из Сибири : материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск, 16–18 мая 1996 г. Иркутск: ИГУ, 1996. С. 256–259.
9. Март-оол В.Д. «Урянхайский вопрос» и протекторат // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Вып. XIX. 2002. С. 4–11.
10. Моисеев В.А. Новый памятник обычного права казахов. «Эреже» международного съезда 1908 г. в Чубар-Агаче // Восточный архив. № 11–12. 2004. С. 107–112
11. Новицкий В.Ф. По Восточной Монголии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXX. СПб.: Военная типография, 1907. С. 1–32.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. № 1276 «Совет министров (1905–1917).
13. Русско-китайские отношения в Центральной Азии в XIX – начале XX в.: Документы и извлечения / Сост. А.В. Старцев, Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, С.В. Моисеев,

Н.В. Кольцова, М.В. Стурова. Барнаул: Азбука, 2014. 624 с.

14. Сизова А.А. Судопроизводство по «смешанным» делам в практике российско-монгольско-китайских отношений во второй половине XIX – начале XX вв. // Россия – Монголия: история, вызовы XXI века, перспективы. Материалы Международной научной конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических отношений между Россией и Монголией (Москва, 13–14 ноября 2016 г.). Улан-Батор: Ин-т истории и археологии Монгольской академии наук, 2017. С. 144–152.
15. Старцев А.В. Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. 414 с.

References

1. Baranov A. (1913) Uryankhayskiy vopros [Uryankhai question]. Kharbin: Typolithography of Trans-Amur District. 48 p.
2. Vasilenko V.A. (2015) «Uryankhayskiy vopros» v mezhdunarodnoy politike Rossii, Mongolii, Kitaya (pervaya chetvert' XX veka): istochnikovedenie i istoriografiya problemy [“Uryankhai question” in the international policy of Russia, Mongolia and China (first quarter of the 20th century: source study and historiography of the problem)] // Rossiya i Mongoliya v pervoy polovine XX veka: kontseptual'nye voprosy rossiysko-mongol'skikh otnosheniy (diplomatiya, ekonomika, nauka) [Russia and Mongolia in the first half of the 20th century: conceptual questions of Russian-Mongolian relations (diplomacy, economy, science)]. Bk. 5. Ulan-Bator; Irkutsk: Baikal State University Press, pp. 99–114.
3. Davidov D.A. (1911) Kolonizatsiya Man'chzhurii i S.-V. Mongolii (oblasti Tao-Nan'-Fu) [Colonization of Manchuria and North-East Mongolia (Tao-Nang-Fu region)]. Vladivostok: Oriental Institute. 185 p.
4. Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N. (2019) Materialy k istorii kolonizatsii Kitaem mongol'skikh zemel' v nachale XX v. [Materials on Chinese colonization of Mongolian lands in the early 20th c.] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 21 (4), pp. 924–931.
5. Dudin P.N. (2017) I.Ya. Korostovets, «sozdatel' Mongolii», i russkaya diplomaticheskaya missiya v Urge v 1912 g. [I.Ya Korostovets, “the creator of Mongolia”, and Russian diplomatic mission in Urga in 1912] // Bylye gody. 43, 1, pp. 274–284.
6. Korostovets I.Ya. (2004) Ot Chingis khana do sovetской respublikі (Kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom noveyshego vremeni [From Chinggis Khan to the Soviet republic

- (Brief history of Mongolia with special account for the newest times]]. Ulan-Bator: Emgent. 560 p.
7. Kuz'min S.L. (2018) Uryankhayskiy vopros i mongolo-tuvinskie otnosheniya v nachale XX v. [The Uryankhai question and Mongol-Tuvan relations in the early 20th c.] // *Oriental Studies*. 37, 3, pp. 2–14.
 8. Kuz'min Yu.V. (1996) «Uryankhayskiy vopros» v obshchestvennoy mysli Rossii [“Uryankhai question” in the public opinion of Russia] // *Vostok i Rossiya: vzglyad iz Sibiri : materialy i tezisy dokladov k nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Irkutsk, 16–18 maya 1996 g. [Orient and Russia: view from Siberia: materials and abstracts for scientific-practical conference. Irkutsk, May 16–18, 1996]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 256–259.
 9. Mart-ool V.D. (2002) «Uryankhayskiy vopros» i protektorat [“Uryankhai question” and protectorate] // *Uchenye zapiski Tuvinskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. 19, pp. 4–11.
 10. Moiseev V.A. (2004) Noviy pamyatnik obychnogo prava kazakhov. «Erezhe» mezhdunarodnogo s"ezda 1908 g. v Chubar-Agache [the new monument of Kazakh customary law/ “Ereje” of the international conference of 1908 in Chubar-Agach] // *Vostochniy arkhiv*. 11–12, pp. 107–112
 11. Novitskiy V.F. (1907) Po Vostochnoy Mongolii [Across the Eastern Mongolia] // *Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vol. 80. St. Petersburg: Military Press. pp. 1–32.
 12. Rossiyskiy gosudarstvenniy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. № 1276 «Sovet ministrov (1905–1917)» [Council of Ministers (1905–1917)].
 13. Startsev A.V., Lysenko Yu.A., Anisimova I.V., Moiseev S.V., Kol'tsova N.V., Sturova M.V. (comp.) (2014) Russko-kitayskie otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XIX – nachale XX v.: Dokumenty i izvlecheniya [Russian-Chinese relation in the Central Asia in 19th – beginning of 20th c.: Documents and extracts]. Barnaul: Azbuka. 624 p.
 14. Sizova A.A. (2017) Sudoproizvodstvo po «smeshannym» delam v praktike rossiysko-mongol'sko-kitayskikh otnosheniy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Legal procedure on “mixed” cases in the practice of Russian-Mongolian-Chinese relations in the second half of 19th – beginning of 20th cc.] // *Rossiya – Mongoliya: istoriya, vyzovy XXI veka, perspektivy*. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 95-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy mezhdru Rossiei i Mongoliey (Moskva, 13–14 noyabrya 2016 g.)

[Russi – Mongolia: history, challenges of the 21st century, prospects. Materials of the International scientific conference on the occasion of the 95th anniversary establishing of diplomatic relations between Russia and Mongolia (Moscow, November 13–14, 2016)]. Ulan-Bator: Institute of History and Archeology of Mongolian Academy of Sciences. pp. 144–152.

15. Startsev A.V. (2013) Rossiysko-mongol'skie trgovno-ekonomicheskie otnosheniya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Russia-Mongolian trade and economic relations in the second half of 19th – beginning of 20th c.] Barnaul: Altai State University Press. 414 p.

Information about the Author:

Professor, Dr.Sci. (History), Ph.D. (Law)

Roman Pochekaev

Department of Theory and History of Law and State

National Research University Higher School of Economics

198099, St. Petersburg, Promyshlennaya str., 17
Russia

rpochekaev@hse.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Информация об авторе

Почекаев Роман Юлианович

Профессор, д.и.н., к.ю.н.

Кафедра теории и истории права и государства

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 17

Россия

rpochekaev@hse.ru

Soviet policy towards China in the context of the Manchurian crisis: from the Manchurian incident to the beginning of the Soviet-Japanese negotiations on the sale of the Chinese Eastern Railway (1931 – 1933)

Политика СССР в отношении Китая в условиях маньчжурского кризиса: от маньчжурского инцидента до начала советско-японских переговоров о продаже КВЖД (1931 – 1933 гг.)

Филинов Андрей Владимирович

*Автономная некоммерческая организация «Национальный научно-образовательный центр
«Большая российская энциклопедия», редакция школьной версии*

fiann@inbox.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-563-581

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу внешнеполитических мероприятий руководства СССР в отношении Китайской республики в ранние периоды маньчжурского кризиса (1931–1933 гг.). На основе как опубликованных источников, так и архивных материалов рассмотрены два основных аспекта (дипломатический и военный), в рамках которых советско-китайские отношения в указанный период развивались от состояния напряжённости к урегулированию, по крайней мере, части имеющихся противоречий. Отмечается, что советское руководство (в первую очередь, И. В. Сталин) с самого начала маньчжурского кризиса не считало ситуацию в Китае угрожающей непосредственно интересам СССР и придерживалось тактики

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the foreign policy measures of the leadership of the USSR in relation to the Republic of China in the early periods of the Manchurian crisis (1931–1933). On the basis of both published sources and archival materials, two main aspects (diplomatic and military) are considered, within the framework of which Soviet-Chinese relations during this period developed from a state of tension to the settlement of at least some of the existing contradictions. It is noted that the Soviet leadership (first of all, I.V. Stalin) from the very beginning of the Manchurian crisis did not consider the situation in China to threaten directly the interests of the USSR and adhered to the tactics of neutrality. It is stated that, nevertheless, Moscow's fears at this stage

нейтралитета. Констатируется, что всё же имевшиеся у Москвы опасения на данном этапе были связаны скорее не с угрозой со стороны Японии, сколько со страхом перед тем, что инцидент в Китае – лишь первая часть спланированной коалицией буржуазных стран (в том числе, Китаем) агрессии против Советского Союза. В связи с этим поддерживается мнение исследователей, полагающих, что СССР в указанный период не оказывал прямой военной помощи китайским властям и вооружённым силам, стремился до определённого момента также избегать политической поддержки Гоминьдана. Однако указывается, что советское руководство с помощью разведки пристально следило за антияпонским движением в Маньчжурии. При этом позиция СССР в отношении Китая постепенно изменялась в связи с разными факторами. В том числе, например в связи с недружественными, с точки зрения советской элиты, действиями со стороны Японии.

Ключевые слова: Маньчжурский кризис, маньчжурский инцидент, советско-китайские отношения, интернирование, пакт о ненападении, Китайская республика, СССР.

Для цитирования: Филинов А.В. Политика СССР в отношении Китая в условиях маньчжурского кризиса: от маньчжурского инцидента до начала советско-японских переговоров о продаже КВЖД (1931–1933 гг.). Modern oriental studies. 2021; 3(4): 563-581.

were connected rather not with the threat from Japan, but with the fear that the incident in China was only the first part of the aggression against the Soviet Union planned by the coalition of bourgeois countries (including China). In this regard, the opinion of researchers is supported, who believe that the Soviet Union during this period did not provide direct military assistance to the Chinese authorities and the armed forces, and until a certain moment also tried to avoid political support for the Kuomintang. However, it is indicated that the Soviet leadership, with the help of intelligence, closely followed the anti-Japanese movement in Manchuria. At the same time, the position of the USSR in relation to China gradually changed due to various factors. Including, for example, in connection with unfriendly, from the point of view of the Soviet elite, actions on the part of Japan.

Key words: Manchurian crisis, Manchurian incident, Soviet-Chinese relations, internment, non-aggression pact, Republic of China, USSR.

For citation: Filinov A.V. *Soviet policy towards China in the context of the Manchurian crisis: from the Manchurian incident to the beginning of the Soviet-Japanese negotiations on the sale of the Chinese Eastern Railway (1931 – 1933).* Modern oriental studies. 2021; 3(4): 563-581.

ВВЕДЕНИЕ

В историографии [1, 2, 3] достаточно широко известны термины «маньчжурский (мукденский) инцидент» и «маньчжурский кризис». Маньчжурский инцидент, т. е. подрыв железной дороги около Мукдена (ныне Шэньян) 18–19 сентября 1931 г. и последовавшее за этим наступление японской Квантунской армии на китайские позиции, стал началом захвата северо-восточного Китая и предвестием Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Маньчжурский инцидент положил начало маньчжурскому кризису - внешнеполитической ситуации, сложившейся вследствие оккупации Японией Маньчжурии и дальнейшего продвижения японской Квантунской армии в сторону советских границ, что вызывало в разные периоды кризиса различную реакцию со стороны руководства СССР. При этом маньчжурский кризис формально продлился для Китая и стран Запада до мая 1933 г., а для СССР — до марта 1935 г., завершившись лишь с продажей КВЖД Японии.

Реакция советского руководства на маньчжурский кризис находила своё отражение как во внутри-, так и во внешнеполитических мероприятиях советского правительства, в том числе в отношении Китайской республики. Хронологические рамки статьи связаны, с одной стороны, с началом маньчжурского кризиса (середина-конец сентября 1931 г.). С другой —

с подписанием японо-китайского соглашения в Тангу в мае 1933 г. и официальным началом советско-японских переговоров о продаже КВЖД в июне 1933 г. Последние обстоятельства не только напрямую затрагивали интересы Китая, так и заметно влияли на дальнейшее развитие советско-китайских отношений.

В первую очередь необходимо отметить реакцию руководства СССР на события в Китае в сентябре 1931 г. Первыми, что вполне закономерно, высказались дипломаты. 19 сентября 1931 г. в рамках проходившей в Москве советско-китайской конференции по вопросу о продаже КВЖД Китаю, заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан, (который ещё со времён совместной работы с Г.В. Чичериным руководил восточными отделами наркомата [4, с. 64]), в разговоре с китайским представителем Мо Дэхоем уведомил последнего о нескольких телеграммах из Шанхая. В них сообщалось об оккупации японскими войсками Мукдена и населённых пунктов в Южной Маньчжурии [5, с. 527–528].

Китайский «полпред» [6, с. 65], собравшись с мыслями, нашёл в себе силы предположить, что всё дело вероятно в широко известной истории с расстрелом японского капитана Накамуры и его спутников [2, р. 67], которая вполне могла стать поводом для обвинений Китая в недостаточной охране японских

резидентов. Мо Дэхой, кроме того, оценил Японию как «сильную и агрессивную империалистическую державу», с которой не обладающий «воинственным характером» Китай не собирается воевать [5, с. 527–528].

23 сентября 1931 г. появилась первая реакция И. В. Сталина на события в Маньчжурии. В своём послании Л. М. Кагановичу и В. М. Молотову генсек указывал, что «1) Вероятнее всего, что интервенция Японии проводится по уговору со всеми или некоторыми великими державами на базе расширения и закрепления сфер влияния в Китае. 2) Не исключено, но мало вероятно, чтобы Америка подняла серьёзную бучу в защиту Чансуеляна [Чжан Сюэляна] против Японии, ибо при нынешнем положении она может обеспечить себе «свою долю» в Китае и без конфликта с Японией, даже с согласия самих китайцев. 3) Не исключено, и даже вероятно, что японцы имеют согласие на интервенцию со стороны некоторых влиятельных милитаристских групп Китая, вроде старомукденцев типа Чандзосяна [Чжан Цзолиня], или всех этих групп вместе [7, с. 116].

Учитывая эту точку зрения, фактически определявшую дальнейшую линию поведения в отношении маньчжурского инцидента, можно согласиться с мнением В. В. Чубарова. Он полагает, что первоначально советское правительство, как, впрочем, и правительства западных

стран, не придавало серьёзного значения действиям Квантунской армии. Т. е. считало, что Япония осуществляет акцию, близкую по содержанию советской в 1929 г., направленную на то, чтобы «наказать» китайцев, которые не хотят выполнять существующие договорённости [8, с. 119–120].

Кроме того, по мнению И. В. Сталина, какое-либо вмешательство, в то числе дипломатическое, исключались, «так оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились». Однако, тем не менее, представлялось необходимым «запросить японцев, чтобы они держали нас в курсе событий, конечно, следует, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин» [7, с. 116]. Аналогичные указания относительно «аккуратного информирования Москвы о происходящих событиях» и уклонении от любых демонстративных шагов и даже разъяснений, были направлены Политбюро, но только уже на этот раз советским дипломатам [6, с. 66].

Так, например, Л. М. Карахан ещё накануне ответа генсека Л. М. Кагановичу, 22 сентября направил дипломатическому агенту НКВД в Хабаровске И. И. Спильвануку шифрограмму. В ней замнаркома по иностранным делам давал распоряжение своему подчинённому связаться с дальневосточными партийными организациями, «чтобы не допускать никаких

демонстраций или выступлений в связи с событиями в Маньчжурии». Кроме того, Лев Михайлович указывал на то, что «комментарии газет должны равняться по комментариям «Известий» и «Правды»» [9, с. 31].

23 сентября состоялась новая встреча Л. М. Карахана с Мо Дэхом, отметившим, что «если не удастся ликвидировать события мирным путем, Китай примет другие меры для защиты своих интересов». Замнаркома в свою очередь, заметив, как бы между прочим, что отсутствие дипломатических отношений между СССР и правительством Чан Кайши мешает объективной оценке ситуации и определению Советским Союзом своей позиции по конфликту, в чём заинтересован именно Китай, заверил Мо Дэха, что советская сторона ни в коем случае не намерена осложнять и без того непростое положение в Маньчжурии [5, с. 533-535]. В связи с этим американский журналист У. Дюранти (корреспондент «Нью-Йорк Таймс» в СССР в 1919, 1921–1934 гг.) более чем через 2 месяца после этой встречи советского и китайского дипломатов высказывал догадку, что «...Карахан не совсем уверен, является ли китайский гость таким ценным человеком в переполненной Москве». Также Дюранти считал, что «в известном смысле, пожалуй, русские не так уж возмущены японской агрессией, как может показаться при чтении передовиц «Правды» [10, л. 2].

В то же время отношения с японцами оказались подпорчены, когда в конце октября 1931 г. в Китае и в Японии получили широкое распространение слухи о том, что одному из сподвижников «молодого маршала» Чжан Сюэляна генералу Ма Чжаньшаню, возглавившему в провинции Хэйлунцзян (губернатором которой он являлся) сопротивление японским войскам и их китайским союзникам из СССР, якобы была поставлена партия оружия. Интересно, что впоследствии, Ма Чжаньшань поддержал создание Маньчжоу-Го, хотя затем вновь поднял восстание против японцев [8, с. 123]. Есть мнение, что эти слухи были инспирированы самим генералом Ма с целью укрепить собственные позиции, и также втянуть Советский Союз в политическую (а, возможно, и военную «игру»), заодно повысив боевой дух своих войск [11, с. 64].

Официальный Токио, судя по всему, был изрядно шокирован подобными новостями, поскольку действительно опасался вмешательства СССР в случае продвижения японских войск на север Маньчжурии [Там же]. Доказательством того, что Япония всё-таки поддалась на провокацию хитроумного китайца, служит визит посла империи Хиротой Коки к Л. М. Карахану 28 октября 1931 г. Японский дипломат в своём обращении буквально потребовал разъяснений у руководства СССР, всячески

напирая на то, что «если будут посланы войска СССР на КВЖД, это будет ухудшать атмосферу и обострять положение и Японское Правительство вынуждено было бы для охраны своих резидентов и для охраны железной дороги <...> принять необходимые меры защиты. Таким образом, существует большая опасность, что сфера конфликта расширяется» [5, с. 625-626].

На следующий же день, действуя согласно постановлению Политбюро [6, с. 68], Л. М. Карахан сделал заявление, больше похожее, несмотря на сдержанность тона, на раздражённую отповедь. В заявлении утверждалось, что запрос, представленный Хиротой накануне, ссылается «на лишённые всякой почвы измышления и слухи, исходящие от безответственных лиц из японских или китайских кругов» [5, с. 627].

Однако посол на этом не успокоился и 29 октября состоялась новая встреча, в ходе которой Хирота заявил о получении им новой информации, основанной на сведениях «какого-то очевидца» об отправлении в Маньчжурию 21 октября с советской территории 2 зенитных, 12 скорострельных орудий и 1 вагона со снарядами. Л. М. Карахан в ответ дважды выразил «крайнее удивление»: отдельно относительно поведения самого посла, который после полученного накануне исчерпывающе ясного заявления, находит возможным, по мнению советского дипломата, перепроверять «явный

вздор». И отдельно замнаркома высказался по поводу реакции представляемого послом японского правительства, «которое не может не знать о том, что мы никакой поддержки китайским генералам в Маньчжурии не оказываем» [12, л. 60].

Хирота попытался аргументировать запрос стремлением его правительства внести ясность, на что Л.М. Карахан заметил, что с его точки зрения, в сгущении атмосферы виновата японская пресса, распространяющая подобную информацию [12, лл. 60–61]. Замнаркома ещё раз подтвердил своё отношение к действиям японской стороны, и особенно, прессы в ходе беседы с Хиротой на приёме у М. И. Калинина по случаю годовщины революции 7 ноября 1931 г. По словам японского посла, его правительство было «удовлетворено» советским ответом от 29 октября, что, по мнению Л.М. Карахана, было само собой разумеющимся. Но в то же время, замнаркома обратил внимание Хироты на противоречие между реакцией японского правительства и действиями японской прессы, японских телеграфных агентств (в частности, связанных с правительственными кругами «Симбун Ренго» - по существу официального, и «Демпо Цусин»), которые распространяли «злостные провокационные измышления по адресу Советского Союза».

Японский дипломат же сослался на свою неосведомлённость, относительно информации, распространявшейся указанными агентствами, и при этом от имени правительства откrestил-ся от ответственности за данные сведения, указывая, в частности, на то, что «Демпо Цусин» связано с оппозиционной партией Сейюкай. Л. М. Карахан, в свою очередь, смотрел на проблему проще и считал, что если руководство Японии «удовлетворено нашим заявлением и оно не согласно с распространением вредной для наших отношений информацией...оно всегда может найти средства для того, чтобы принять меры против такой враждебной нам провокационной кампании» [12, л. 62].

Выход из положения советский дипломат видел в публичных разъяснениях, данных японским правительством общественному мнению империи и распространении заявления, которое положило бы конец «вредным для японо-советских отношений информациям» [12, л. 63].

Что же касается позиции историков, то с точки зрения В.П. Сафронова, В.В. Чубаров ошибается, когда ссылаясь на китайские источники, утверждает, что факт помощи генералу Ма действительно имел место и якобы советские организации, в самом деле, оказывали определённую помощь китайским войскам в Северной Маньчжурии (перевозка и снабжение войск), на что японские военные реагиро-

вали резко отрицательно [8, с. 120]. С мнением Сафронова можно согласиться, поскольку советское руководство весьма опасалось какого-либо участия в маньчжурских событиях, особенно на ранних этапах кризиса.

Вероятно, именно этим объяснялось и нежелание Москвы в конце февраля 1932 г. разрешать эвакуацию японских граждан, живших в районах восточной линии КВЖД, ближайших к советской границе на территории Приморья на время, вплоть до очищения восточной линии от китайских войск старогиринецев. Старогиридцами называлась часть войск гиринской провинции во главе с Дин Чао, оставшаяся на стороне нанкинского правительства после японской оккупации Маньчжурии и образовавшая своё правительство в Харбине. Другую часть войск возглавил генерал Си Ся — бывший начальник штаба китайских войск в провинции Гирин. Через некоторое время после начала японской интервенции в Маньчжурии 26 сентября 1931 г. генерал Си Ся провозгласил независимость провинции, а себя — её генерал-губернатором. В январе 1932 г. войска генерала Си Ся при активном участии японских войск предприняли наступление на Харбин (Гиринскую экспедицию) и в начале февраля взяли его, оттеснив войска генерала Дин Чао на восток по линии КВЖД [13, с. 726-727].

Свой запрос японское руководство мотивировало уже имевшим место ранее случаем, когда такая эвакуация производилась из Цицикарской провинции во время боевых столкновений японцев как раз-таки с войсками генерала Ма. Тогда советское правительство допустило подобную эвакуацию. Но на этот раз советская сторона ответила, что она охотно предоставит японским резидентам лишь проезд через Приморье до Владивостока для эвакуации их в Японию. От предоставления им даже временного убежища в Приморье Москва отказалась, объясняя это большим стечением в этом районе китайцев, враждебно настроенных по отношению к японцам, что представляло собой большую опасность для эвакуирующихся японских резидентов [14, л. 18].

В то же время, СССР обязал своих представителей в Маньчжурии проявлять сугубую осторожность в отношениях с китайскими властями, дабы не оказаться втянутым в конфликт и не попасть под подозрение в любой попытке сближения с генералом Ма, никак не реагировать на просьбы и предложения, постоянно подчёркивая при этом невмешательство Советского Союза в дела других стран [11, с. 363; 15, л. 94].

Ещё одним косвенным аргументом в пользу мнения о том, что советское руководство не оказывало никакой помощи генералу Ма и видело насквозь все ухищрения китайско-

го военачальника, стремившегося, судя по всему, в первую очередь, половить «рыбку» в «мутной воде» происходящего в Маньчжурии, является карикатура, опубликованная в газете «Известия» в апреле 1932 г. Этот материал, озаглавленный «МАгические трансформации», видимо, должен был наглядно продемонстрировать мнение руководящей верхушки СССР о непрерывной «эволюции» китайского генерала: от Ма, борющегося с японцами до Ма, получающего от них оружие и даже становящегося военным министром маньчжурского правительства и затем вдруг являющегося советским агентом, разоблачающим замыслы японцев [16].

Более того, уже в мае 1932 г. сам генерал Ма опубликовал документ, в котором опровергались утверждения о поставках оружия из СССР [11, с. 363]. Позднее, однако, Ма всё же окажется на территории Советского Союза.

В целом же, по мнению некоторых современных исследователей, отнюдь не внешнеполитические и идеологические расхождения между Японией и Советским Союзом способствовали началу японской агрессии в Маньчжурии. В сентябре 1931 г. всё ещё не были восстановлены прерванные в 1929 г. советско-китайские дипломатические и консульские отношения, что явилось одним из обстоятельств, облегчивших вторжение Японии в Китай. Их восстановление в полном объёме явилось

одним из прямых последствий японской агрессии в Маньчжурии [17, с. 284].

Резкое обострение международной обстановки и очевидный кризис Версальско-Вашингтонской системы, не способной обеспечить суверенитет Китая, равно как и слабость самой республики, привели к тому, что в правительстве Чан Кайши усилились позиции сторонников нормализации советско-китайских отношений. В то же время советское правительство, принимая решения по вопросам своей дальневосточной политики, учитывало, что не только Китай, но и СССР не был готов к войне с Японией, а тем более - к войне на два фронта.

Поэтому, когда 6 июня 1932 г. Центральный политический совет Гоминьдана принял решение о проведении секретных переговоров с СССР, сведения о которых просочились в печать, то представители советского руководства восприняли эти новости благожелательно. Политбюро обсуждало данный вопрос на заседании 16 июня 1932 г. [18, с. 164]. И.В. Сталину о прощупывании китайцами почвы для ведения переговоров было доложено ещё 12-го числа [18, с. 165-166]. Уже на следующий день он дал ответ информировавшим его В.М. Молотову и Л.М. Кагановичу, в котором соглашался с инициативой своих соратников о необходимости получения от Нанкина конкретных предложений в письменном виде [18, с. 166].

Тем не менее, в частном порядке (в послании главе советского правительства от 19 июня 1932 г.) генсек высказался о китайской стороне достаточно нелицеприятно: «Предложение нанкинцев о пакте ненападения — сплошное жульничество. Вообще нанкинское правительство состоит сплошь из мелких жуликов. Это не значит, конечно, что мы не должны считаться с этими жуликами, или их предложением о пакте ненападения; но иметь в виду, что они мелкие жулики, — всё же следует» [19, с. 240-241].

Тем временем, 26 июня 1932 г. представитель Китайской республики на Женевской конференции по разоружению Янь Хуэйцин вручил наркому по иностранным делам СССР М.М. Литвинову письмо, в котором предлагалось восстановить дипломатические отношения между двумя странами и обсудить вопрос о заключении договора о ненападении между Советским Союзом и Китаем. Примечательно, что полугодом ранее, судя по телеграмме от 20 января 1932 г., направленной военным атташе Японии в Москве подполковником Касахара Юкио помощнику начальника Генштаба Японии, другой делегат на конференции по разоружению, генерал-майор Татэкава Ёсицугу (начальник оперативного отдела Генштаба сухопутных войск Японии) во время пребывания в Москве высказал следующее мнение: «...в какой бы форме Япония не стала бы сейчас утверждать своё

влияние в политическом и экономическом отношении в Сев. Маньчжурии — СССР не примет никаких контрмер. Если Советскому Союзу придётся применить вооружённую силу, то ему, в силу экономических затруднений, грозит развал изнутри. Необходимо использовать настоящий момент для того, чтобы незамедлительно утвердить своё влияние в Северной Маньчжурии. Что касается количества войск в Северной Маньчжурии, то можно ни с кем не считаться. Необходимо сейчас же отправить в Маньчжурию возможно большее количество войск» [20, л. 194].

Так или иначе, через несколько дней на заседании Политбюро было принято решение поручить Литвинову заявить от своего имени, что советское правительство «не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придёт как естественный результат восстановления отношений» [18, с. 171]. В соответствии с этим распоряжением членов Политбюро, 6 июля 1932 г. М.М. Литвинов предложил китайскому дипломату начать переговоры о подписании договора о ненападении и восстановлении дипломатических отношений [21, с. 400-401].

Пока шли переговоры, параллельно в Москве внимательно следили за продолжавшимся противостоянием Китая и Японии. Это

подтверждает справка IV-го (разведывательного) Управления Штаба РККА «Об антияпонском и партизанском движении в Маньчжурии» от 17 ноября 1932 г., подписанная К. Е. Ворошиловым и адресованная М.И. Калинину. Любопытно, что справку наркомвоенмор проводил припиской, в которой уведомлял «всесоюзного старосту» о том, что «приказал моему народу посылать тебе все наиболее интересные материалы по этим вопросам» (т.е. об антияпонском и партизанском движении в Китае) [22, л. 2].

Как документ, так и приписка к нему явно свидетельствуют об определённом доверии, которое питал к главе ЦИК СССР даже не столько Ворошилов, сколько Сталин. Ведь очевидно, что информация военной разведки имела высокую степень секретности и если к главе НКВД попадала «по должности», то для Калинина, скорее всего, нужно было специальное разрешение, причём самого генсека. Также всё это может говорить о достаточной степени посвящённости Михаила Ивановича в происходившие в Маньчжурии события.

По мнению авторов записки, исходя из характера, состава и политических целей всё антияпонское и партизанское движение можно было разбить на четыре вида. 1) отряды, руководимые китайским генералитетом и офицерством, а также отдельно действующие

отряды солдат бывшей мукденской армии (численность около 90 тыс. чел.); 2) крестьянские отряды (40-50 тыс. чел.); 3) революционные отряды корейских и китайских партизан (до 5-6 тыс. чел.) [22, лл. 13-14, 17]. В качестве 4-го вида сотрудники советской военной разведки называли «люмпен-пролетарские и бедняцкие» отряды хунхузов, численность которых по разным оценкам колебалась от 20-30 до 50-60 тыс. чел. Точный учёт был невозможен «в виду наличия самых разноречивых сведений об их численности, участия их совместно с различного рода антияпонскими отрядами...» [22, лл. 10, 13, 17].

Что касается хунхузских отрядов, то некоторые работы исследователей демонстрируют двойственное отношение к этому вопросу. С одной стороны, отмечается, что «с созданием Маньчжоу-Го участились диверсии на КВЖД и провокации против обслуживающего дорогу советского персонала со стороны специально подготовленных отрядов хунхузов, действовавших на территории Северной Маньчжурии». Готовили эти отряды, разумеется, никто иные как «японские милитаристы», с целью вызвать военную конфронтацию между Японией и СССР [23, л. 125]. В то же время, как бы вслед за секретными материалами советской военной разведки, можно встретить и совершенно противоположные утверждения. Например, о том,

что «отряды хунхузов, формировавшиеся из разорившихся крестьян и люмпен-пролетарских элементов, не всегда представляли организации уголовного характера. Некоторые из них вели борьбу с произволом помещиков и местных милитаристских властей. Это придавало их борьбе политический характер и открывало возможности подключения таких отрядов к национально-освободительному движению» [23, с. 293].

А это движение, судя по всему, было значительным: «...100 тыс. массе японских войск противопоставляются активно действующие антияпонские партизанские отряды, общей численностью (по далеко не полным данным) до 150 тыс. чел.» [22, л. 18]. Такую же численность, причём со ссылкой на информацию «соседей» (т.е. военной разведки) ещё в апреле 1932 г. указывал в своих заметках генконсул СССР в Харбине М.М. Славущий [24, 424].

Деятельность китайских патриотов не могла не радовать советское руководство, поскольку, по мнению докладчиков из IV-го Управления, «...антияпонское движение замедляет темпы оборудования маньчжурского плацдарма для действий против СССР». Однако, при этом, отмечали военные разведчики, хотя «...действия японских войск против партизан и напоминают обычные тактические учения или манёвры с целью тренировки и обучения

армии», но «такое положение может быть объяснено двояко. Или неумением вести борьбу с партизанскими отрядами, или приучением войск к возможным действиям против СССР в условиях горного театра, насыщенного партизанскими отрядами...» [22, лл. 19–20].

Возвращаясь к советско-китайским переговорам, стоит отметить, что 10 декабря 1932 г. И.В. Сталин и другие члены Политбюро подтвердили прежнюю мысль о том, что вопрос о заключении пакта «может быть разрешён после фактического восстановления отношений в дипломатическом порядке» [18, с. 230]. Уже через два дня дипломатические отношения между СССР и Китаем были восстановлены [21, с. 680-681].

Однако, переговоры о заключении договора о ненападении завершились неудачей, вероятно, во многом из-за того, что в Нанкине и столицах ряда иностранных государств надеялись, что нормализация советско-китайских отношений может ускорить начало японо-советской войны. Советский полпред Д.В. Богомолов, прибывший в Китай в начале 1933 г., в одном из первых докладов в Москву писал, что в китайском обществе широко обсуждается возможность пограничных столкновений советских и японских войск. Правительство Чан Кайши не исключало также, что восстановление дипломатических отношений с СССР

будет способствовать стабилизации японо-китайских отношений [17, с. 285].

В свою очередь, вполне вероятно, что восстановление советско-китайских дипломатических отношений негативно повлияло на решение японского правительства отказаться от заключения пакта о ненападении с СССР. Официальный ответ из Токио с отказом в Москве был получен 13 декабря 1932 г., когда министр иностранных дел Утида Я. вручил советскому полпреду А.А. Трояновскому конфиденциальную ноту с отказом от пакта. Официальной мотивировкой было то, что обе страны подписали Антивоенный пакт (пакт Бриана – Келлога), который делает дополнительные двусторонние соглашения излишними. Кроме того, по мнению некоторых специалистов, было хорошо известно отрицательное отношение самого министра к советским предложениям [21, с. 683; 25, с. 524].

Учитывая постепенное налаживание (а в итоге и восстановление) дипломатических отношений с Нанкином (и в то же время отказ японского правительства от подписания пакта о ненападении с СССР), советское руководство стало вести себя более лояльно по отношению к китайским войскам, оказывавшимся на территории СССР.

27 сентября 1932 г. «армия спасения Родины» под командованием китайского генерала Су Бинвэня (как раз с осени начавшего

сотрудничать с Ма Чжаньшанем), расположенная в северо-западной части Маньчжурии, выступила против японских войск и властей Маньчжоу-Го. При этом ещё 21 сентября 1932 г. в своей телеграмме Л. М. Карахану консул СССР в г. Маньчжурия В.В. Смирнов сообщал, что хотя «настроение гарнизонов на уч[аст]ке Маньчжурия – Фуляэрди антияпонское и последние месяцы не прекращаются разговоры о возможности антияпонского наступления», но «генералам Су и Чжан и их комсоставу не хочется, по-видимому, терять занимаемых постов. К тому же они боятся ехать в сферу влияния японцев, поэтому балансируют, добиваясь от японцев и Цицикара сохранения в своём районе статус кво» [26, л. 6]. Японцам удалось подавить выступление. Войска Су Бинвэня 5 декабря 1932 г. были вытеснены на территорию СССР. Всего на территорию СССР перешло 2 890 военных и 1 200 гражданских лиц (в том числе женщины и дети). Все они были интернированы и, в основном, содержались в районе Томска [27, с. 237]. Эти данные, судя по цифрам, были взяты исследователем из официального сообщения ТАСС, опубликованного 21 декабря 1932 г. в газете «Известия». При этом сведения об общем числе интернированных в СССР китайцев разнятся. В циркуляре ОГПУ от 7 декабря 1932 г. «по приблизительному подсчёту» указывается 3 147 чел. По данным известного синоведа и участни-

ка событий М.И. Сладковского, всего было интернировано 4 117 чел. [28, с. 19]

Тогда же, в декабре 1932 г. японцы потребовали от советских властей выдать генерала Су и всю его армию японским военным. При этом в беседах с советскими дипломатами в других странах их японские коллеги отрицали ультимативный характер заявлений своего правительства. Согласно дневнику советника полпредства СССР в Польше и уполномоченный ВОКС Б.Г. Подольского японский посланник в Варшаве Каваи выражал сомнения в том, чтобы японское правительство предъявляло подобные требования. По его мнению, оно могло только просить советское правительство. С точки зрения посланника, «такие вопросы решаются в порядке международного права и СССР вольно самому решить судьбу этого генерала», однако (sic!) «учитывая интересы Японии, с которой у Советского Союза хорошие взаимоотношения» [29, л. 1].

Так или иначе, но Л. М. Карахан заявил об официальном отказе советского правительства и выразил возмущение подобным требованием Токио, напомнив, что СССР никогда не настаивал на выдаче «десятков тысяч вооружённых белогвардейцев, борющихся на территории Маньчжоу-Го против СССР». В начале января 1933 г. из Маньчжурии перешло ещё 5 тыс. китайцев во главе с генералами Ли Ду и Вань

Дэмином[30]. По данным ОГПУ Восточно-Сибирского края в течение только 9 и 10 января 1933 г. на советскую территорию интернировалось около 4 тыс. китайских солдат и офицеров. По данным НКВД СССР, 9-13 января 1933 г. на территорию Советского Союза перешло около 3.5 тыс. чел. из армии Ван Дэлиня и из армии генерала Ли Ду более 2 тыс. чел.[28, с. 20] В феврале-марте 1933 г. интернированные китайцы были по решению Политбюро ЦК ВКП (б) репатриированы в Китай.

После обмена посольствами между СССР и Китаем, в 1933 г. начались переговоры о заключении торгового договора и пакта о ненападении, по «Синьцзянской проблеме», вопросу о КВЖД и др. Переговоры имели место в Китае, Москве, столицах европейских государств. С точки зрения Р.А. Мировицкой, трудно было ожидать, что переговоры будут носить результативный характер, но путь к диалогу с Советским Союзом был открыт. Трудность заключалась в том, что дипломатическая служба Китая вела «собственную политику». Это было связано во многом с положением министра иностранных дел, который не являлся членом ЦИК Гоминьдана и не приглашался на его заседания, поэтому далеко не всегда находился в курсе принимаемых правительственных решений [31, 146-147].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты исследования, в котором вводятся в научный оборот некоторые новые архивные материалы, могут быть использованы при дальнейшем изучении проблем внешней политики СССР в первой половине 1930-х гг. на Дальнем Востоке (в первую очередь, применительно к Китайской республике). Также содержание статьи может оказаться полезным при разработке учебных пособий и курсов, проведении различных занятий по определённому кругу вопросов в первую очередь политической и военной истории межвоенного периода существования Советского Союза.

ВЫВОДЫ

В первые дни после маньчжурского инцидента, постепенно переросшего в кризис, руководство СССР стремилось не более чем разобратся в происходящем в Маньчжурии. Для этого предпринимались попытки получить комментарии по дипломатической линии одновременно от правительств Китая и Японии, однако, безрезультатно. Представители Гоминьдана и империи сами знали немногим больше, чем советские лидеры. В связи с этим, до получения разъяснений Москва откладывала принятие конкретных решений по Дальнему Востоку. Параллельно с этим на переговорах с китайскими представителями НКВД в лице Л. М.

Карахана намекал на возможность восстановления дипломатических советско-китайских дипломатических отношений, что было бы в новых условиях определённо в интересах Нанкина.

Что же касается реакции И.В. Сталина, то он в начале маньчжурского кризиса придерживался мнения, что инцидент — это спланированная Японией провокация, к организации которой привлечены западные державы и возможно, некоторые китайские генералы. Таким образом, по мнению генсека, любое вмешательство в маньчжурские события исключалось, и сохранялся строгий нейтралитет для того, чтобы не допустить объединения «империалистов» против СССР.

Однако слухи о поставках советского оружия генералу Ма Чжаньшаню, которым японское правительство определённо поверило, были серьёзным обвинением, которое советское руководство просто не могло оставить без внимания. Наиболее вероятно, что слухи были инспирированы самим Ма с целью укрепления собственных позиций, а также для того чтобы попытаться втянуть в борьбу с Японией мощного потенциального союзника. Позднее сам генерал открыто признал факт отсутствия помощи со стороны Москвы, однако было уже поздно. Отношения с японцами оказались подпорчены. При этом, когда отношения с Китаем стали постепенно сдвигаться в сторону улучше-

ния осенью – в начале зимы 1932 г., изменилось и отношение СССР к терпевшим поражения от Японии войскам китайских генералов Ма, Су Бинвэня, Ли Ду. Советский Союз в ответ на требование империи отказался их выдать, а вместо этого сначала интернировал на своей территории, а затем и вовсе репатриировал на родину.

Ухудшавшиеся в течение всего 1932 г. отношения с Японией способствовали тому, что советские лидеры решились на предложенные Китаем переговоры, которые могли восприниматься как противовес инициативам в отношении Японии. Кроме того, в тот момент СССР по-прежнему ещё не был готов к открытой конфронтации с империей, как, впрочем, и Нанкин. При этом руководство Советского Союза не питало особого доверия к Чан Кайши, но в сложившейся ситуации вынуждено договариваться с тем партнёром, кто был в большей степени расположен к диалогу.

При этом Китай планировал не только восстановление дипломатических отношений. Очевидно, Гоминьдан гораздо больше был заинтересован в заключении пакта ненападения, который мог бы стать базой для развития отношений двусторонних отношений и фундаментом будущего союза, в том числе военно-политического. СССР же в условиях неопределённости с Японией не желал торопиться и считывал в первую очередь восстановить

дипломатические контакты. Это было сделано, но вопрос о пакте ненападения повис в воздухе. Скорее всего, это произошло потому, что восстановление отношений с Советским Союзом имело для Гоминьдана, прежде всего утилитарный характер. Необходимо было с одной стороны улучшить отношения с Японией, а с другой столкнуть СССР и Японию между собой на почве советско-китайского сближения. Отчасти этот план удался, т.к. Япония вскоре отказывается от пакта ненападения официально.

Несмотря на активное налаживание советско-китайских отношений, тем не менее, переговоры по ключевым вопросам двусторонних отношений – о пакте ненападения, торговом договоре, проблеме Синьцзяня закончились безрезультатно. Одну из важнейших причин их провала некоторые исследователи видят в несамостоятельности китайского МИДа, который не имел непосредственного отношения к выработке внешнеполитического курса, сосредоточенного в руках руководства Гоминьдана. Здесь налицо явное сходство с положением дипломатического ведомства в СССР, в котором ни М.М. Литвинов, ни возглавляемый им Наркоминдел в целом не играли важной роли в определении советской внешней политики, в том числе на дальневосточном направлении.

В то же время подписание соглашения в Тангу между Японией и Китаем в мае 1933 г.

означало завершение маньчжурского кризиса лишь для стран Запада и Китая. Однако для СССР кризис продолжался, в том числе потому, что так и не была решена проблема КВЖД.

Литература

1. Smith S.P. The Manchurian crisis, 1931 – 1932: a tragedy in international relations. Greenwood Press, 1948. 281 p.
2. Ferrell R.H. The Mukden Incident: September 18-19, 1931. // The Journal of Modern history. Vol. 27. No. 1. 1955. Pp. 66-72.
3. Lensen G.A. The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crises 1924 – 1935. The Diplomatic Press, 1974. 533 p.
4. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа. 1930 – 1939 гг. / Пер. с фр. Э.М. Кустовой. – М.: РОССПЭН, 2009. 319 с.
5. Документы внешней политики СССР. Т. 14 (1931 г.). – М.: Политическая литература, 1968. 872 с.
6. ВКП (б), Коминтерн и Япония. 1917 – 1941 гг. / Сост. Адибеков Г.М., Адибекова Ж.Г., Вада Х. и др. – М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.
7. Сталин и Каганович: Переписка. 1931 – 1936 гг. / Сост.: Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У., Кошелева Л.П. и др. – М.: РОССПЭН, 2001. 797 с.
8. Чубаров В.В. Военные конфликты в Китае и позиция СССР (1927 – 1933 гг.). // Советская внешняя политика 1917 – 1945 гг. Поиски новых подходов. – М.: Международные отношения, 1992. С. 119-126.

9. Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.). / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.
10. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0100. Оп. 15. П. 162. Д. 4.
11. Сафронов В.П. СССР, США и японская агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане: 1931-1945 гг. – М.: ИРИ РАН, 2001. 452 с.
12. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 14. П. 146. Д. 1.
13. Пограничные войска СССР 1929-1938 гг. сб. док и материалов. / Сост. Иванчишин П.А., Чугунов А.И. – М.: Наука, 1972. 775 с.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р6502. Оп. 1. Д. 48.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 12.
16. Известия. 18.04.1932.
17. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С.Л. Тихвинский / Т. VII: Китайская Республика (1912-1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Наука — Вост. лит., 2013. 863 с.
18. ВКП (б), Коминтерн и Китай: Документы / Т. IV. ВКП (б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931 – 1937. (в 2-х ч.). / Ред. Коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер и др. / Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 2003. 856 с.
19. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925-1936 гг. Сб. документов. / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1995. 303 с.
20. Российский государственный военный архив Российской Федерации (РГВА РФ). Ф. 4. Оп. 19. Д. 13.
21. Документы внешней политики СССР. Т. 15 (1932 г.). – М.: Политическая литература, 1969. 867 с.
22. РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 9. Д. 46.
23. История Северо-Восточного Китая XVII-XX вв. В 2 кн. Кн. 2. Северо-Восточный Китай. 1917 – 1949 гг. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 349 с.
24. АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 16. П. 168а. Д. 13.
25. Молодяков В.Э. От вражды к партнёрству: Сиратори Тосио и внешняя политика Японии в отношении СССР. 1930 – 1941 гг. // Новый мир истории России. Форум японских и российских следователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. / Под ред. Бордюгова Г., Исии Н., Томита Т. – М.: АИРО-XX, 2001. С. 521 – 544.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 84.
27. Усов В.Н. Последний император Китая Пу И (1906 – 1967). – М.: «Олма-пресс», 2003. 415 с.
28. Китай и Вторая Мировая война / Отв. ред. Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. – М.: ЛЕНАНД, 2017. 264 с.
29. АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 15. П. 149. Д. 3.
30. Силонов С.М. Интернирование в Советском Союзе китайских армий Ли Ду и Ван Дэлиня. // Россия и АТР. 2011, № 4 (74). С. 76-80.

31. Мировицкая Р.А. Советский Союз в стратегии гоминьдана (20-30-е годы). – М.: Наука, 1990. 237 с.

References

1. Smith S.P. The Manchurian crisis, 1931 – 1932: a tragedy in international relations. Greenwood Press, 1948. 281 p.
2. Ferrell R.H. The Mukden Incident: September 18-19, 1931. // The Journal of Modern history. Vol. 27. No. 1. 1955. Pp. 66-72.
3. Lensen G.A. The Damned Inheritance. The Soviet Union and the Manchurian Crises 1924 – 1935. The Diplomatic Press, 1974. 533 p.
4. Dyullen S. Stalin i ego diplomaty`: Sovetskij Soyuz i Evropa. 1930 – 1939 gg. / Per. s fr. E.M. Kustovoj. – M.: ROSSPE`N, 2009. 319 s.
5. Dokumenty` vneshnej politiki SSSR. T. 14 (1931 g.). – M.: Politicheskaya literatura, 1968. 872 s.
6. VKP (b), Komintern i Yaponiya. 1917 – 1941 gg. / Sost. Adibekov G.M., Adibekova Zh.G., Vada X. i dr. – M.: ROSSPE`N, 2001. 808 s.
7. Stalin i Kaganovich: Perepiska. 1931 – 1936 gg. / Sost.: Xlevnyuk O.V., De`vis R.U., Kosheleva L.P. i dr. – M.: ROSSPE`N, 2001. 797 s.
8. Chubarov V.V. Voenny`e konflikty` v Kitae i poziciya SSSR (1927 – 1933 gg.). // Sovetskaya vneshnyaya politika 1917 – 1945 gg. Poiski novy`x podxodov. – M.: Mezhdunarodny`e otnosheniya, 1992. S. 119-126.
9. Russko-kitajskie otnosheniya v XX v. T. III: Sovetsko-kitajskie otnosheniya (sentyabr` 1931 – sentyabr` 1937 gg.). / Otv. red. S.L. Tixvinskij. – M.: Pamyatniki istoricheskoy my`sli, 2010. 861 s.
10. Arxiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (AVP RF). F. 0100. Op. 15. P. 162. D. 4.
11. Safronov V.P. SSSR, SShA i yaponskaya agressiya na Dal`nem Vostoke i Tixom okeane: 1931-1945 gg. – M.: IRI RAN, 2001. 452 s.
12. AVP RF. F. 0146. Op. 14. P. 146. D. 1.
13. Pogranichny`e vojska SSSR 1929-1938 gg. sb. dok i materialov. / Sost. Ivanchishin P.A., Chugunov A.I. – M.: Nauka, 1972. 775 s.
14. Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (GA RF). F. R6502. Op. 1. D. 48.
15. Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv social`no-politicheskoy istorii (RGASPI). F. 17. Op. 162. D. 12.
16. Izvestiya. 18.04.1932.
17. Istoriya Kitaya s drevnejshix vremen do nachala XXI veka: v 10 t. / gl. red. S.L. Tixvinskij / T. VII: Kitajskaya Respublika (1912-1949) / otv. red. N.L. Mamaeva; In-t Dal`nego Vostoka RAN. – M.: Nauka — Voct. lit., 2013. 863 s.
18. VKP (b), Komintern i Kitaj: Dokumenty` / T. IV. VKP (b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931 – 1937. (v 2-x ch.). / Red. Kollegiya: M.L. Titarenko, M. Lejtner i dr. / Ch. 1. – M.: ROSSPE`N, 2003. 856 s.
19. Pis`ma I.V. Stalina V.M. Molotovu. 1925-1936 gg. Sb. dokumentov. / Sost. L. Kosheleva, V. Lel`chuk, V. Naumov, O. Naumov, L. Rogovaya, O. Xlevnyuk. – M.: Izd. centr «Rossiya molodaya», 1995. 303 s.
20. Rossijskij gosudarstvenny`j voenny`j arxiv Rossijskoj Federacii (RGVA RF). F. 4. Op. 19. D. 13.

21. Dokumenty` vneshnej politiki SSSR. T. 15 (1932 g.). – M.: Politicheskaya literatura, 1969. 867 s.
22. RGASPI. F. 78. Op. 9. D. 46.
23. Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII-XX vv. V 2 kn. Kn. 2. Severo-Vostochny`j Kitaj. 1917 – 1949 gg. – Vladivostok: Dal`nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 349 s.
24. AVP RF. F. 0100. Op. 16. P. 168a. D. 13.
25. Molodyakov V.E`. Ot vrazhdy` k partnyorstvu: Siratori Tosio i vneshnyaya politika Yaponii v otnoshenii SSSR. 1930 – 1941 gg. // Novy`j mir istorii Rossii. Forum yaponskix i rossijskix sledovatelej. K 60-letiyu professora Vada Xaruki. / Pod red. Bordyugova G., Isii N., Tomita T. – M.: AIRO-XX, 2001. S. 521 – 544.
26. RGASPI. F. 17. Op. 120. D. 84.
27. Usov V.N. Poslednij imperator Kitaya Pu I (1906 – 1967). – M.: «Olma-press», 2003. 415 c.
28. Kitaj i Vtoraya Mirovaya vojna / Otv. red. D.V. Buyarov, D.V. Kuznecov. – M.: LENAND, 2017. 264 s.
29. AVP RF. F. 0146. Op. 15. P. 149. D. 3.
30. Silonov S.M. Internirovanie v Sovetskom Soyuze kitajskix armij Li Du i Van De`lina. // Rossiya i ATR. 2011, № 4 (74). S. 76-80.
31. Miroviczkaya R.A. Sovetskij Soyuz v strategii gomin`dana (20-30-e gody`). – M.: Nauka, 1990. 237 s.

Информация об авторе

Филинов Андрей Владимирович, науч-
ный редактор

Редакция школьной версии

Автономная некоммерческая организа-
ция «Национальный научно-
образовательный центр «Большая рос-
сийская энциклопедия».

109028, Москва, Покровский бульвар, д. 8
стр. 1А.

Россия

fiann@inbox.ru

Information about the Author

Scientific editor **Andrey V. Filinov**

Editorial office of the school version

Autonomous non-profit organization

«National Scientific and Educational Center
"Big Russian Encyclopedia"»

109028, Moscow, Pokrovsky blvd., 8, str. 1A.

Russia

fiann@inbox.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

**Liao Ping (1852 - 1932) in the historiography
of modern neoconfucianism****Ляо Пин (1852 – 1932) в историографии
современного неоконфуцианства***Мартынов Дмитрий Евгеньевич,**Мартынова Юлия Александровна,**dmitrymartynov80@mail.ru**DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-582-590***АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена восприятию наследия неоконфуцианского философа Ляо Пина (1852–1932) в современной историографии. Вскоре после его кончины в Китае Цянь Му и Фэн Юлань именовали его «последним конфуцианским каноником». Периодически возникала дискуссия о степени взаимодействия систем мысли Ляо Пина и Кан Ювэя, раздавались обвинения в плагиате. После 1980-х гг. сычуаньские ученые много сделали для исследования интеллектуального наследия Ляо Пина, в 2015 г. было опубликовано полное собрание его сочинений. В западной историографии эталонное отношение было заложено Джозефом Левенсоном в 1950-е гг.: сычуаньский учёный был последним бесплодным представителем умирающей конфуцианской культуры, и в этом он полностью противопоставлялся Конфуцию. Первые исследова-

ABSTRACT

Abstract. The article describes the perception of the legacy of the neo-Confucian philosopher Liao Ping (1852-1932) in modern historiography. Soon after his death in China, Qian Mu and Feng Yulan called him "the last Confucian canonologist." From time to time there was a discussion about the degree of interaction between the systems of thought of Liao Ping and Kang Yuwei, there were accusations of plagiarism even. After the 1980s Sichuan scholars have done a lot to research Liao Ping's intellectual heritage; in 2015, the complete compilation of his works was published. In Western historiography, the reference attitude was laid down by Joseph Levenson in the 1950s: the Sichuan scholar was the last representative of a dying Confucian culture, and in this he was completely opposed to Confucius. The first researchers of Liao Ping in the PRC repeated the same judgments.

тели Ляо Пина в КНР повторяли эти же суждения. Факт, что наследие Ляо Пина востребовано в современном Китае, опровергает левенсоновский тезис «окостеневания» конфуцианства, который в его понимании маркировал исчезновение китайского культурно-исторического типа.

Ключевые слова: Синология, история Китая, династия Цин, Ляо Пин, Джозеф Левенсон.

Для цитирования: Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. *Ляо Пин (1852 – 1932) в историографии современного неоконфуцианства. Современные востоковедческие исследования.* 2021; 3 (4): 582-590.

Имя Ляо Пина (廖平, 1852–1932) известно любому специалисту-синологу, который интересовался истоками идей Кан Ювэя (康有为, 1858–1927). К сожалению, историографическое освещение его наследия чрезвычайно неравномерно. Изучение указателей к фундаментальной энциклопедии «Духовная культура Китая» выдает единичные упоминания; то же касается наших собственных статей. На английском языке нам известны ровно две публикации общего характера: новаторская статья Джозефа Левенсона (1920–1969) [1] и статья Ван Цинцзя в «Глобальной энциклопедии исторической науки» [2]. В Китае, особенно в родной для Ляо Пина провинции Сычуань, с 1980-х гг. его твор-

The fact that Liao Ping's legacy is in demand in modern China refutes Levenson's thesis of "ossification" of Confucianism, which in his understanding marked the disappearance of the Chinese cultural-historical type.

Keywords: Chinese Studies, History of China, Qing dynasty, Liao Ping, Joseph Levenson.

For citation: Martynov D.Ye., Martynova Yu.A. *Liao Ping (1852 - 1932) in the historiography of modern neoconfucianism.* Modern oriental studies. 2021; 3(4): 582-590.

чество широко изучается, регулярно проводятся научные конференции, посвященные его памяти, выпущены фундаментальные биографии мыслителя, монографические обзоры его творчества, защищаются диссертации.

Несколько слов о жизненном пути Ляо Пина. Он происходил из небогатого семейства торговца чаем из Сычуани. В 1873 г. удостоился первой ученой степени сюцай, а на провинциальных экзаменах 1876 г. обратил на себя внимание Чжан Чжидун (張之洞, 1837–1909), который возглавлял тогда экзаменационную комиссию. Ляо Пин был вызван в Пекин и учился у знаменитого представителя «Школы канонов современных знаков» Ван Кайюня (王闿运, 1833

–1916), хотя дважды проваливался на столичных экзаменах. В 1880-е гг. он ездил по Китаю, и в 1889 г. познакомился в Гуанчжоу с Кан Ювэем, который тогда возглавлял собственную школу. В 1890 г. Ляо Пин удостоился второго места на столичных экзаменах, что открывало блестящие карьерные перспективы, но он предпочел стать учителем. Из-за участия в движении за реформы 1898 г., Ляо Пин потерял место в Чэнду, странствовал в поисках работы, пока в 1907 г. вновь не осел в Чэнду. В 1911 г. Лю Шипэй пригласил его преподавать в столице. В 1913 г. Ляо Пин даже был избран в Парламент Китайской республики от Сычуани, после начала гражданской войны жил в Шанхае. Участвовал в движении по созданию конфуцианской церкви. В 1914 г., окончательно разочаровавшись в политике, Ляо Пин вернулся в Сычуань, где стал основателем университета. После его кончины первый некролог написал великий традиционалист-радикал Чжан Бинлинь.

Американский историк Джозеф Левенсон известен как чрезвычайно авторитетный в 1950–1960-е гг. специалист по конфуцианству, чьи работы сформировали в глобальной повестке дня «эталонный» набор персоналий, определивших образ интеллектуальной истории Китая. Для методологии Левенсона характерны крайний презентизм и редукционизм, не случайно, что его критики утверждали ото-

рванность теоретических конструкций от живой истории. Неудивительно, что его статья начинается с набора уничижительных эпитетов: «бесплодие карьеры Ляо Пина... подтверждает пустоту его мысли», «его произведения полны ...старой конфуцианской мерзости, пустых слов»; при этом его «личностное ничтожество может иметь историческое значение» [1, р. 317]. Значение Ляо Пина в интеллектуальной истории трактовалось диалектически и ретроспективно: сычуаньский учёный был последним бесплодным представителем умирающей конфуцианской культуры, и в этом он полностью противопоставлялся Конфуцию [там же]. Примечательно, что и Ли Яосянь, автор одной из первых современных биографий Ляо Пина, использовал практически ту же лексику [3, с. 10]. Чжан Нань, защитивший о политической философии Ляо Пина диссертацию, обращал на эти пассажи особое внимание [5, с. 4].

Чуть ниже мы рассмотрим особенности подхода Левенсона, однако элементарная добросовестность требует краткого обзора интеллектуальной судьбы Ляо Пина. Не случайно, что в истории китайской философии его имя постоянно ставится рядом с Кан Ювэем, и в известном смысле, их можно рассматривать по контрасту. В известном смысле, оба они были консервативными реформаторами, которые хотели использовать конфуцианский канон для

обоснования эволюции и реформ, призванных сохранить традиционную культуру Китая в современном мире. Цянь Му (1895–1990) в своей обобщающей истории философии эпохи Цин, мало писал о Ляо Пине, но при этом упоминал, что его идеи о трактовке трёх эр и искажении изначального конфуцианства могли быть заимствованы Кан Ювэем. Он же заложил несколько пренебрежительное отношение к Ляо, которого, якобы «подкупил» Чжан Чжидун [4, с. 722]. Дело в том, что одним из важнейших принципов конфуцианства именовалось «постоянство Дао» (формулировку этого принципа приписывали великому ханьскому конфуцианцу Дун Чжуншу). Тот же Кан Ювэй откровенно пытался подстраивать события своей биографии к жизнеописанию Конфуция (якобы, его изгнание за пределы Китая соответствовало этапам странствий Первоучителя) [6, с. 297–298]. Более того, в автобиографии Кан Ювэй заявил, что полностью сформировал свое учение к 30-летнему возрасту и с тех пор даже свои новые труды неизменно датировал периодом до конца XIX в., породив в историографии большую путаницу. Большим «грехом» для современников стала декларируемая эволюция взглядов Ляо Пина, который сам выделил в своей биографии «шесть изменений», которые перечисляются в любой работе о нём. «Изменения» были частью нумерологической доктрины Ляо

Пина, связанной с его учением о мудреце. Он утверждал, что любой ученый должен корректировать свои теории раз в десятилетие, а «малые изменения» должны происходить раз в три года. Это маркирует отличие «великого таланта» от «отреченного» (не способного на большие перемены) и «посредственного таланта» (не способного двигаться трехлетним циклом) [1, р. 319].

Первое изменение (1883–1887) привело к формированию представлений о том, что древность и современность неодинаковы в сущностном отношении, а ритуальная система конфуцианства от династии Инь (XIV – XI вв. до н.э.) прошла четыре больших этапа.

Второе изменение (1887–1897) привело Ляо Пина к идее «уважения к настоящему и удаления от древности». Он утверждал, что существующие ныне редакции текста конфуцианского канона (в версии «современных знаков») являются переписанными Конфуцием и принадлежащими его авторству. Тексты «древних знаков» были подделаны Лю Синем (50 г. до н.э. – около 23 г. н.э.) и его учениками.

Третье изменение (1897–1906) знаменовало рассуждения Ляо Пина о философии истории. Он решительно противопоставил древнее «Великое единение» (Датун), «Малому единству» (Сяотун) современности. Выражением

этих концепций были разные группы канонов, одни из которых были адресованы Конфуцием последующим поколениям.

Четвертое изменение (1906–1918) — формулирование философии Небесного и человеческого пути и их различий.

Пятое изменение (1918–1921) — синтез идей третьего и четвертого этапов. Классификация конфуцианского канона на «великие» и «малые» тексты, которые относятся к природе и разуму человека.

Шестое изменение (1921–1932) обратило Ляо Пина к исследованиям конфуцианской космологии, зашифрованной в «Книге перемен» и «Каноне поэзии».

Чжан Нань полагал, что Левенсон, при всей резкости не был полностью не прав, поскольку идейная эволюция Ляо Пина привела его фактически к выходу за пределы конфуцианства. Собственно, первым об этом заявил ещё Фэн Юлань (1893–1988) [5, с. 6].

Интеллектуальная судьба Ляо Пина — хороший пример того, как историческая реальность противостоит априорным схемам, которые отражают, скорее, личную эрудицию своих создателей. Ляо Пин прожил долгую жизнь, имел многих учеников, разветвленные социальные связи, и, вплоть до начала японо-китайской войны (1937–1945) его труды привлекали внимание исследователей первого ря-

да, таких как Лян Цичао и Чжан Бинлинь, Гу Цзеган, хотя в основном были местным сычуаньским феноменом. В 1980-е гг. наследие Ляо Пина сделалось общекитайским явлением, предметом истории каноноведения и интеллектуальной истории, хотя основная часть трудов, посвященных ему, закономерно публиковалась в Сычуани.

В библиографическом аппарате статьи Дж. Левенсона в изобилии цитируются ранние исследования наследия Ляо Пина того времени. Как и в случае с другими цинскими мыслителями, огромную работу проделали японские исследователи, особенно Найто Торадзиро (内藤虎次郎, 1866–1934) и Одзима Сукэма (小島祐馬, 1881–1966), первые публикации которого относились ещё к 1917 г. Одзима в 1922 г. описал и этапы интеллектуального развития Ляо Пина [1, р. 386–387]. Однако Левенсон не был оригинален, называя Ляо Пина последним конфуцианским каноником, ибо впервые данный эпитет предложил Фэн Юлань в двухтомной версии «Истории китайской философии» (1934), переведенной затем на английский язык.

Среди ученых, занявшихся наследием Ляо Пина после 1980-х гг., выделяются Ли Яосянь, Хуан Кайго и Чэнь Вэньхао. Если Ли Яосянь соглашался с периодизацией наследия самого Ляо Пина, называл его «последним каноником», и стремился собрать максимальное число

источников [3, с. 14–15], то Хуан Кайго отказался от «шести изменений», и стремился доказать объективный характер эволюции его мышления и его линейный, а не дискретный характер. Чэнь Вэньхао впервые использовал местные сычуаньские источники для перепроверки фактов жизни, сообщаемых Ляо Пинем, и уточнил хронологию, а также полностью опроверг легенду о подкупе Чжан Чжидуна и конформизме Ляо Пина [5, с. 9–10].

Предпринимались и попытки вписать наследие Ляо Пина в более широкий контекст. Так, Лю Сяофэн пытался применять к его наследию методы сравнительной философии, что выразилось в статье «Хайдеггер и Китай». Лю Сяофэн утверждал, что конфуцианство Ляо Пина было попыткой легитимизации парадигмы революции в Китае, основанной на ритуале и этикете. Более того, доказательство дискретности этикетного ритуала разных эпох снимало с современников (прежде всего, коллег Ляо Пина — конфуцианских книжников) ответствен-

ность за выбор между свергнутой династией Цин и вновь провозглашенной Республикой. Собственно, и Чжан Нань отталкивался от той же идеи [5, с. 20].

Современное издание сочинений Ляо Пина с пунктуацией, было осуществлено в 1989 г. Ли Яосянем. В 1998 г. он же опубликовал двухтомные «Избранные сочинения». Медицинские сочинения Ляо Пина были изданы в 2010 г. под редакцией Ван Фэнлани. В 2015 г. в Шанхае было опубликовано «Полное собрание сочинений Ляо Пина» (《廖平全集》), редакторами составителями которого выступили Шу Даган и Ян Шивэнь — ученые кафедры древней литературы Сычуаньского университета. Оно включало не только печатные труды, публиковавшиеся ранее, но и все рукописные тексты, оставшиеся от мыслителя, разбитые на 9 секций. Было включено 107 трудов Ляо Пина, из которых 48 ранее не публиковались [5, с. 23]. Чжан Нань представил удобную таблицу его содержания:

Полное собрание сочинений Ляо Пина			
Номер секции	Предмет	Число заглавий	Номера томов
1	Каноноведение в целом	17	1 – 3
2	Ицзинистика	5	3
3	«Шан шу»	6	4
4	«Ши цзин»	2	5
5	Каноны о ритуале	11	5
6	Летопись «Чунь цю»	16	6 – 7
7	Miscellanea (杂著)	14	10 – 11
8	Китайская медицина	32	12 – 14
9	Труды по управлению	6	15 – 16

Таблица 1. Полное собрание сочинений Ляо Пина

Table 1. The collection of Liao Ping's works

Труды были сгруппированы по тематико-хронологическому принципу, отражая шесть изменений в мышлении Ляо Пина. В приложении были представлены биография Ляо Пина и хронология его трудов, а также академический комментарий.

В этом месте вернемся к интерпретациям Дж. Левенсона. Сформировавшись в русле культурно-исторической школы XIX в. (его магистерская диссертация была посвящена культу Средневековья в эпоху французского романтизма), историк придерживался теории культурного релятивизма. В русле этих взглядов существовало гипертрофированное противопоставление «мы – они», которое точно соответствовало бинарной оппозиции «цивилизация – варварство», «Запад – Восток». Однако оно базировалось на специфическом для Левенсона презентистском фундаменте, укоренённом в его иудейском самоопределении. Презентизм мы должны понимать сугубо буквально, как стремление опрокинуть в прошлое текущий момент. Собственно, его равнодушие к политической истории и глубокий интерес к конфуцианству имело ту же природу: китайские интеллектуалы, по мнению Левенсона, были отчуждены от сиюминутного. Иудейская религия привила исследователю принцип выражения универ-

сального в конкретном. Однако присущий ему априоризм, заставлял видеть в Китае своего рода конфуцианскую утопию, с присущим этой идеологии сбалансированным социальным порядком, который и был главным основанием сопротивления любым источникам модификации, поступающим извне. В этом плане его методология была полностью противоположной Дж. Фэрбэнку — его учителю. Левенсон был категоричен в убеждении, что китайские интеллектуалы не порождали и не могли породить никаких новых ценностей, особенно рыночных или сциентистских. Все инновации в Китае были западного происхождения. По мысли Левенсона, после Опиумных войн китайское интеллектуальное сообщество одновременно осознало угрозу традиционным конфуцианским ценностям со стороны Запада. Рассмотрим, как эти установки отразились на восприятии наследия Ляо Пина.

В традиционном конфуцианстве Левенсона привлекала концепция «совпадающего единства знания и действия», что в социальном измерении выражалось в системе прочных бюрократических связей и взаимосвязи философии с реальной политикой. Однако, по мысли исследователя, к моменту кончины Ляо Пина в 1932 г., конфуцианство уже умерло, и ничего специфически конфуцианского в политике уже не было. Собственно, именно это придавало

рассуждениям Левенсона миллениаристский подтекст: «Конфуций был пророком, и Ляо тоже», только у Конфуция было великое будущее, а у Ляо Пина его не было [1, р. 317].

Следуя той же логике, Левенсон должен был затронуть вопросы взаимоотношения Ляо Пина и Кан Ювэя, ибо Кан как раз и был мыслителем, который открыл для конфуцианства новые горизонты и решительно развернул основной фокус интересов из прошлого в будущее. Джозеф Левенсон, ссылаясь на Лян Цичао, полагал, что основные идеи о древнем искажении изначального конфуцианского учения, Кан Ювэй заимствовал из трактата 1886 г. Ляо Пина «Цзиньгу сюэкао». Ляо Пин до конца жизни именновал Кана плагиатором и «ревниво» отстаивал свой приоритет. Однако, по Левенсону уже совершенно неважно, имел ли место факт заимствования или мыслители параллельно пришли к своим выводам, поскольку именно Кан Ювэй вошел в историю, связав конфуцианство с политикой реформ [1, р. 319]. Противоречия априорной схемы с реальностью содержатся даже в статье Левенсона, когда он пытается найти у современников Левенсона параллели его «парадигме пророка». Аналогом – и антагонистом – сычуаньского затворника выступает дипломат и поборник модернизации Сюэ Фучэн (薛福成, 1838–1894), который реалии международной политики описывал языком доциньского неканониче-

ского текста «Чжань-го цэ» [1, р. 322–323].

Главным парадоксом в рассматриваемой интеллектуальной коллизии является то, что Левенсон своими схемами вычеркнул себя из актуальной повестки дня западной синологической науки вскоре после своей безвременной кончины в Пасхальное воскресенье 1969 г. «Парадигма революции» его учителя Фэрбэнка актуальна — в том числе и в политическом отношении — до сих пор. Факт, что наследие Ляо Пина востребовано в современном Китае, на наш взгляд, как нельзя лучше опровергает левенсоновский тезис «музеефикации» конфуцианства, который в его понимании маркировал исчезновение очередного культурно-исторического типа.

Литература

1. Levenson J. Liao P'ing and the Confucian departure from history // *Confucian Personalities* / Ed. by Arthur F. Wright and Denis Twitchett. – Stanford University Press, 1962. – P. 317–325.
2. Wang Q.E. Liao Ping // *A Global Encyclopedia of Historical Writing* / ed. by D. R. Woolf. – L.: Routledge, 1998. – Vol. 2. – P. 559.
3. Ли Яосянь (李耀仙). Ляо Пин юй цзиньдай цзинсюэ (廖平与近代经学). – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1987. – 110 с.
4. Цянь Му (钱穆). Чжунго цзинь саньбай нянь сюэшу ши (中国近三百年学术史). – Пекин: Шанъу иншугуань, 1997. – 885 с.

5. Чжан Нань (张南). Ляо Пин цзинсюэ юй чжэньчжи чжэсюэ (廖平经学与政治哲学): [Ph.D. diss.]. – Gent: Universiteit Gent. Faculteit Letteren en Wijsbegeerte, 2020. – 216 с.
6. Мартынов Д.Е. Путешествия Кан Ю-вэя, западная цивилизация и модернизация Китая // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А.И. Кобзева: Учёные записки Отдела Китая. Вып. 12. - М.: ИВ РАН, 2014. – С. 296–306.

References

1. Levenson J. Liao P'ing and the Confucian departure from history // Confucian Personalities / Ed. by Arthur F. Wright and Denis Twitchett. – Stanford University Press, 1962. – P. 317–325.
2. Wang Q.E. Liao Ping // A Global Encyclopedia of Historical Writing / ed. by D. R. Woolf. – L.: Routledge, 1998. – Vol. 2. – P. 559.
3. Li YAosyan' (李耀仙). Lyao Pin yuj czi'n'daj czinsyue (廖平与近代经学). – CHendu: Sychuan' zhen'min' chuban'she, 1987. – 110 s.
4. Cyan' Mu (钱穆). CHzhungo czi'n' san'bai nyan' syueshu shi (中国近三百年学术史). – Pekin: SHan"u inshuguan', 1997. – 885 s.
5. CHzhan Nan' (张南). Lyao Pin czinsyue yuj chzhen'chzhi chzhesyue (廖平经学与政治哲学): [Ph.D. diss.]. – Gent: Universiteit Gent. Faculteit Letteren en Wijsbegeerte, 2020. – 216 s.
6. Martynov D.E. Puteshestviya Kan YU-veya, zapadnaya civilizaciya i modernizaciya Kitaya // V puti za Kitajskuyu stenu. K 60-letiyu A.I. Kobzeva: Uchyonye zapiski Otdela Kitaya. Vyp. 12. - M.: IV RAN, 2014. – S. 296–306.

Информация об авторах:

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, докт.
ист. наук, профессор

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

dmitrymartynov80@mail.ru

Мартынова Юлия Александровна, канд.
ист. наук, доцент

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

juliemartynova82@gmail.com

Information about the Authors

Dmitry Ye. Martynov, Dr.Sc., Professor

Department of Altaic Studies and Sinology

Kazan (Volga Region) Federal University

dmitrymartynov80@mail.ru

Yulia A. Martynova, Cand.Sc., Associate Professor

Department of Altaic Studies and Sinology

Kazan (Volga Region) Federal University

juliemartynova82@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Problems of Soviet sinology in the second half of the 1940s.

Проблемы советского китаеведения во второй половине 1940-х гг.

Дацышен Владимир Григорьевич

Красноярский государственный педагогический университет

dazishen@mail.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-591-609

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам развития советского китаеведения во второй половине 1940-х гг. В работе на основе исторических источников, в первую очередь документов из фондов Архива Российской Академии наук, восстановлена историческая картина событий и выявлены проблемы и противоречия, определявшие развитие китаеведческой науки в России в этот период. В середине 1940-х гг., когда после окончания Второй мировой войны завершился процесс возвращения из эвакуации научных и учебных учреждений, полностью восстановлена и отчасти реформирована деятельность университетов и институтов, начался новый этап развития советского китаеведения. Завершился этот период переносом в 1950 г. Института востоковедения АН СССР в Москву. Во второй половине 1940-х гг. основные силы советского научного китаеведения были собраны в Ленинграде, но Москва обошла его по масштабам китаеведческого образования.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of the development of Soviet Sinology in the second half of the 1940s. Based on historical sources, primarily documents from the archives of the Russian Academy of Sciences, the historical picture of events is restored and the problems and contradictions that determined the development of Sinology in Russia during this period are revealed. In the mid-1940s, when, after the end of World War II, the process of returning from the evacuation of scientific and educational institutions was completed, the activities of universities and institutes were fully restored and partly reformed, a new stage in the development of Soviet Sinology began. This period ended with the transfer in 1950 of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR to Moscow. In the second half of the 1940s the main forces of Soviet scientific Sinology were gathered in Leningrad, but Moscow surpassed it in terms of Sinology education. In the mid-1940s, due to

В середине 1940-х гг., вследствие политических репрессий и военных потерь, существовал большой недостаток китаеведческих кадров, но в этот период вернулись в науку и образование многие известные китаисты. Кроме того,

к преподаванию, исследованиям и составлению словарей были привлечены молодые кадры, которые уже с начала 1950-х гг. возглавили научные школы и направления. Сотрудники Института востоковедения основное внимание уделяли лексикографии и переводам с китайского, вводили в научный оборот новые источники, пополняли фонды документами и литературой. Основные силы китаистов Института востоковедения при поддержке коллег из различных учреждений были направлены на завершение трехтомного китайско-русского словаря. Молодые китаисты, преподававшие в университетах, занимались проблемами новейшей истории. В середине 1940-х гг. в СССР намечилось возрождение классического русского китаеведения, но с 1947 г. советская бюрократия инициировала под видом научных дискуссий политические кампании, в результате которых основные силы китаеведения были направлены на защиту идеологических установок, политико-пропагандистское обеспечение сталинской внутренней и внешней политики. Инструментом вмешательства властей в деятельность востоковедов стала кадровая политика. Большинство научных работ и проектов, над которыми работали китаеведы во второй половине 1940-х гг., не были завершены. Не только большинство переводов и научных ис-

political repression and military losses, there was a great shortage of Sinological specialists, but during this period many well-known Sinologists returned to science and education. In addition, young cadres were involved in teaching, research and compiling dictionaries, who have already headed scientific schools and directions since the beginning of the 1950s. The staff of the Institute of Oriental Studies focused on lexicography and translations from Chinese, at this time new sources were introduced into scientific circulation, the funds were replenished with documents and literature. The main efforts of the Sinologists of the Institute of Oriental Studies, with the support of colleagues from various institutions, were directed towards the completion of a three-volume Chinese-Russian dictionary. Young Sinologists who taught at universities dealt with the problems of modern history. In the mid-1940s. A revival of classical Russian Sinology was outlined in the USSR, but since 1947 the Soviet bureaucracy has initiated political campaigns under the guise of scientific discussions, as a result of which the main forces of Sinology were aimed at protecting ideological attitudes and providing political and propaganda support for Stalin's domestic and foreign policies. Personnel policy has become an instrument of government intervention in the activities of orientalists. Most of the scientific works and projects that Sinologists worked on in the second half of the 1940s were not completed. Not only most of the translations and scientific studies, but the three-volume Chinese-Russian Dictionary were not published. Sinologists are forced to limit their work to the current requests of the

следований, но трехтомный китайско-русский словарь не были напечатаны. Китаеведы вынуждены ограничивать свою работу текущими запросами властей, подгонять результаты исследований под спущенные сверху установки. Эпоха развития советского китаеведения во второй половине 1940-х гг. завершилась модернизацией советской востоковедческой науки. В 1950 г. решением Совета Министров СССР Институт востоковедения АН был переведен в Москву, где появились новые молодые лидеры и были сосредоточены основные силы советского китаеведения. Вторая половина 1940-х гг. была очень важным периодом в истории российского китаеведения. В это время была полностью восстановлена научная синология, значительно умножился научно-педагогический потенциал советского китаеведения. Советские китаеведы второй половины 1940-х гг. смогли сохранить преемственность в развитии науки и образования, создать основу для дальнейшего развития русского китаеведения.

Ключевые слова: Советское китаеведение, 1940-е гг., Институт востоковедения РАН.

Для цитирования: Дацышен В.Г. *Проблемы советского китаеведения во второй половине 1940-х гг.* Modern oriental studies. 2021; 3(4): 591-609.

authorities, to adjust the research results to fit the installations lowered from above. The era of development of Soviet Sinology in the second half of the 1940s. ended with the modernization of Soviet oriental studies. In 1950, by the decision of the Council of Ministers of the USSR, the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences was transferred to Moscow, where new young leaders appeared and the main forces of Soviet Sinology were concentrated. Second half of the 1940s was a very important period in the history of Russian Sinology. At this time, scientific sinology was fully restored, the scientific and pedagogical potential of Soviet Sinology was significantly increased. Soviet Sinologists of the second half of the 1940s managed to maintain continuity in the development of science and education, to create the basis for the further development of Russian Sinology.

Keywords: Soviet Sinology, 1940s, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.

For citation: Datsyshen V.G. *Problems of Soviet sinology in the second half of the 1940s.* Modern oriental studies. 2021; 3(4): 591-609.

ВВЕДЕНИЕ

Важным и интересным периодом истории российского китаеведения стали первые годы после окончания Второй мировой войны. Советская наука и образование вступили в новый этап развития, определяемый качественно новым положением Советского Союза на внешнеполитической арене и особенностями внутриполитической ситуации в стране-победителе. Кроме того, на развитие китаеведения оказало большое влияние изменение роли и места Китая на мировой арене и приход к власти коммунистов в этой стране. До настоящего времени в отечественной историографии не появилось исследований, специально посвященных данному периоду истории российского китаеведения. В общих работах по истории китаеведения этот период, как правило, не выделяется и подробно не рассматривается. В российских архивах, в первую очередь в Архиве Российской Академии Наук, хранятся документы, отражающие самые разные проблемы развития советского китаеведения. Кроме того, в воспоминаниях российских китаистов и работах китаеведов, учившихся и работавших в 1940-х гг., раскрываются различные вопросы развития науки и образования. Отражением рассматриваемого периода истории советского китаеведения являются опубликованные в конце 1940-х – начале 1950-х гг. исследования, переводы

и словари. Целью работы является восстановление исторической картины развития советского китаеведения в первые годы после окончания Второй мировой войны и выявление проблем и противоречий, определявших развитие китаеведческой науки в России во второй половине 1940-х гг.

РЕЗУЛЬТАТЫ

С окончанием Великой Отечественной войны советское китаеведение вступило в новый этап своего развития. Эвакуированные во время войны на восток научные и учебные учреждения вернулись в Москву и Ленинград, в мае 1945 г. полностью восстановил свою деятельность в Ленинграде Институт востоковедения АН СССР. Директором ИВ АН СССР до 1950 г. оставался академик В.В. Струве, а Московскую Группу Института востоковедения возглавил член-корреспондент АН СССР Н.И. Конрад.

В 1944 г. был восстановлен восточный факультет Ленинградского университета. Деканом был назначен академик С.А. Козин (1879-1956), кафедру китайской филологии возглавил академик В.М. Алексеев, который также возглавлял Китайский кабинет в ИВ АН СССР. Китаевед В.М. Штейн возглавил кафедру экономики и географии Азии.

Важным центром советского китаеведческого образования оставался Московский ин-

ститут востоковедения (МИВ). Кафедрой китайского языка в институте заведовал Н.Н. Коротков, защитивший в 1947 г. кандидатскую диссертацию. В институте работал И.И. Советов-Чэнь, с 1947 г. на кафедре начал работать Б.С. Исаенко. У МИВа был потенциал, но развитие сдерживалось недостатком кадров. В 1946 г. В.М. Алексеев отметил: «В Москве есть только книг, сколько у нас нет... У них есть 150 ящиков книг по синологии, которые не вскрывают по вполне уважительной причине: некому записать их» [Баньковская. 2010. С. 243]. Накануне окончания Великой Отечественной войны Отделение Востока с кафедрой Дальнего Востока было открыто на историческом факультете МГУ. Студенты историки изучали китайский язык. Известный китаевед Ю.В. Чудодеев пишет: «Так, на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова во второй половине 1940-х гг. была создана специальная кафедра по изучению стран Дальнего Востока (Китай, Кореи, Японии). Ее возглавляла Лариса Васильевна Симоновская (1902–1972), в то время ведущий специалист по древней и средневековой истории Китая... Коллегой и заместителем Л. В. Симоновской был Георгий Борисович Эренбург (1902–1967)... специалист по новой и новейшей истории Китая, человек мягкий и чрезвычайно доброжелательный. Преподавателями кафедры по изучению стран Дальнего Востока, в частно-

сти Китая, были будущие корифеи отечественного китаеведения, в то время еще молодые ученые Владимир Николаевич Никифоров (1920–1990), специализировавшийся на изучении советской историографии Китая, и Михаил Филиппович Юрьев (1918–1990), изучавший историю вооруженных сил КПК и историю китайской революции 1925–1927 гг. Китайский язык в те годы преподавали такие специалисты-филологи, как Л. Д. Позднеева (1908–1974) и А. П. Рогачёв (1900–1981)» [Чудодеев. 2018. С. 427].

Развитие послевоенного китаеведения сдерживалось теми огромными потерями, которые понесли наука и образование во время политического террора конца 1930-х гг. и Великой Отечественной войны. Некоторые известные китаеведы, попавшие под политические репрессии но избежавшие расстрела (А.Г. Шпринцин, А.А. Штукин, В.А. Вельгус и др.), до начала 1950-х гг. продолжали оставаться в местах заключения или в ссылке. Многие советские китаеведы в послевоенные годы оставались на военной службе и не могли вернуться в науку и образование. 9 мая 1946 г. В.М. Алексеев писал: «Думану, Кривцову, Монзелеру и Юстову отказано в возвращении к своим обязанностям с Дальнего Востока» [Из эпистолярного. 2001. С. 363]. За годы войны число сотрудников ИВ АН СССР сократилось с 106 до 64.

В послевоенные годы в востоковедную науку и образование постепенно возвращались известные китаеведы, служившие ранее в разных ведомствах. В Москву вернулся китаевед-экономист Г. В. Астафьев. В 1946 г. вернулся к преподавательской деятельности В.И. Горелов, но уже в Военный институт иностранных языков, где в 1949 г. возглавил кафедру китайского языка. В 1947 г. после увольнения в запас стал преподавать в МГУ и других учебных заведениях В. С. Колоколов. В том же году вернулся из Пекина и стал преподавать в родном вузе воспитанник Московского института востоковедения Б. С. Исаенко. В 1948 г. в Советский Союз вернулся известный китаевед Б. И. Панкратов, он перешел из системы МИД на научную работу [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 452. Л. 38]. Первой его работой в это время стала написанная по поручению Комиссии по истории МНР при Президиуме АН СССР глава для «Истории Монголии».

Большинство ведущих китаеведов Института востоковедения в 1940-х гг. продолжали работать в Ленинграде. В числе ведущих китаистов, работавших на Восточном факультете ЛГУ и в Институте востоковедения, был Г. Ф. Смыкалов. В характеристике, данной академиком И.Ю. Крачковским, говорилось: «Профессор Г. Ф. Смыкалов является ценнейшим работником одного из главнейших востоковедных центров — Института востоковедения Академии

Наук СССР, где он ведет научно-исследовательскую работу, руководит аспирантами, отвечает на запросы с мест» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 564. Л. 9об.].

В середине 1940-х гг. в советской науке наметилось возвращение к классическому востоковедению. Сотрудники Института востоковедения основное внимание уделяли лексикографии и переводам с китайского. В это время вводились оборот новые источники и пополнялись фонды документами и литературой. Например, в 1948 г. собранная в разных хранилищах и библиотеках Сахалинской области литература на китайском, японском и других восточных языках была передана Институту востоковедения АН СССР. Отбором и отправкой литературы из Южно-Сахалинска в Ленинград занимался младший научный сотрудник ИВ АН СССР С. В. Солтанов.

В «Объяснительной записке к пятилетнему плану исследовательских работ ИВ АН СССР» говорилось: «языковая и литературоведческая ветви востоковедения преобладают в тематическом плане Института над историческим направлением исследований... основное место среди исследовательских работ, входящих в пятилетний план Института, занимает составление разнообразных языковых словарей, в которых одним из языков является русский, а другим — восточный... Словари этого типа

должны быть закончены в предстоящее пятилетие по китайскому, монгольскому языку... для перевода намечены... Гуаньцзы...» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 19-22]. В документе особо отмечалось: «Несколько особняком в этой группе работ стоят исследования академика В.М. Алексеева, который выбирает для перевода отдельные шедевры китайской прозы и поэзии, подготавливает таким образом типологическое изучение разнообразных образцов китайской литературы. На базе такого перевода пишутся затем исследовательские очерки, как например: «Китайский поэт, опыт характеристики», «Буддизм в китайской художественной литературе», «Китайский комментатор и китайский критик китайских художественных произведений» и др. Пишет также специальные статьи о методологических установках историка китайской литературы» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 23]. В.М. Алексеев занимался и историей русского китаеведения, в планах работы Института востоковедения на вторую половину 1940-х гг. говорилось: «В области «разработки истории русского востоковедения» Институт включил в планы также работы... исследования Академика В.М. Алексеева по истории советской синологии» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 25].

В Объяснительной записке также указывалось: «отдельные сотрудники же Института пытаются перейти к созданию грамматик зару-

бежных восточных стран, отражающих известные периоды в формировании языка, например... грамматика древне-китайского языка» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 24]. Из других направлений краеведческих исследований в «Объяснительной записке к пятилетнему плану исследовательских работ ИВ АН СССР» были указаны: «Исследования по истории китайско-индийских экономических и культурных взаимоотношений в период до Тан предполагается изучить в качестве центральной проблемы литературное индийское влияние в древнем Китае»; «...о крупном социальном реформаторе XI века в Китае Ван Ань-ши» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 26-27].

Во второй половине 1940-х гг. смогли заняться научными исследованиями и столичные китаеведы. В «Краткой объяснительной записке к плану 5-летней научно-исследовательской работы Московской группы ИВ АН СССР в 1945-50 гг.» от 19 октября 1945 г. говорилось: «Основные работы Московской Группы ИВ АН СССР в течение 1946-50 гг. распределены между следующими главными проблемами:

1. Публикации источников.
2. Россия и Восток.
3. Исторические предпосылки демократизации стран Востока.
4. Сложение наций и государств на Востоке.
5. Восток в истории мировой культуры.
6. История дальневосточных литератур.
7. Древнейшие формы восточных

религий» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 3]. В расшифровке представленного плана были указаны конкретные работы в области китаеведения. Например, на 1947 г. было запланировано «Издание комментированного перевода военно-политического трактата У-Цзы», выполненного Н.И. Конрадом [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 9]. В том же 1947 г. планировалось издание работы кандидата филологических наук Л. З. Эйдлина «Поэтическое творчество Мэн Хао-Чжэня (689-740)» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 16].

Основные силы советского китаеведения во второй половине 1940-х гг. планировалось задействовать на словарном направлении. В плане работы Китайского кабинета ИВ АН СССР говорилось: «Китайский кабинет ставит своей первой и насущной задачей довести до конца и выпустить в свет свой вчерне уже готовый «китайско-русский словарь ИВ АН СССР»... всю эту работу придется рассчитать на всю пятилетку, тем более, что имеющий /как мне известно от авторов и издателей/ в скором времени выйти в США /Harward-Yenching Institute, Cambridge, Mass./ огромный /1.500.000 слов-статей/ Chinese-English Dictionary, вероятно заставит нас многое пересмотреть и дополнить, а главное, утвердить нашу научную ориентацию и достоинство советского предприятия» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 84-85]. Исследователи отмечали: «Вновь создается коллек-

тив составителей. Кроме его старых членов – редактора словаря В.М. Алексеева, секретаря – З.И. Горбачевой, В.М. Штейна, А.А. Драгунова и Г.Ф. Смыкалова – в него входят три московских китаеведа в качестве помощников редактора: И.М. Ошанин, Л.З. Эйдлин и Чжоу Сун-юань» [Меньшиков. 1972. С. 119]. Но академик В.М. Алексеев указывал на недостаток научных сил для реализации проекта: «В Кабинет приняты С.М. Кочетова и О.Л. Фишман, обе оченьдельные сотрудницы. Зато Думану, Кривцову, Монзелеру и Юстову отказано в возвращении к своим обязанностям с Дальнего Востока. Словарь, как видим, подвержен серьезной опасности срыва» [Из эпистолярного. 2001. С. 363].

Глава Китайского кабинета В.М. Алексеев выделил направления работы отдельных ученых, он указывал: «Старший научный сотрудник проф. А.А. Драгунов точно также выдвигает составление большой научной грамматики древне-китайского языка» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 86]. Особое значение для будущего словаря имели научные изыскания Г.Ф. Смыкалова. В.М. Алексеев писал: «Старший н. с. проф. Г.Ф. Смыкалов в своей работе /1946 г./ «Китайские параллельные композиции в лексикографическом и грамматическом отношениях» докажет необходимость этого материала для нашего словаря... В своей книге: «История китайской литературы по Сы-ку-цзянь-шу

цзун му» /1947/ Г.Ф. Смыкалов дает нам в руки наконец то самое в оригинале, что так бесцветно рассказывается в разных «Чжун Го вэнь сюэши» / «историях китайской литературы»/... В своей книге «Лексикография в Сыкуцюань шу цзун му» - тот же автор даст нам в 1948 г. исчерпывающие по объему и аннотациям библиографии всего того материала, которым мы оперируем в своем Китайско-русском словаре... Наконец, в своей книге в 1949-1950 гг. «китайские исторические и все прочие справочные таблицы в китайской, японской и прочих обработках» Г. Ф. Смыкалов дает нам в руки исчерпывающий материал наших приложений к Китайско-русскому словарю» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 87-88].

Глава Китайского кабинета ИВ АН СССР постоянно указывал, что для завершения работы над китайско-русским словарем необходимо задействовать все возможные в стране ресурсы. В. М. Алексеев в письме к С. Л. Тихвинскому от 26 ноября 1945 г. писал: «Мы, члены Китайского Кабинета Института Востоковедения, согласились устремить все свое внимание на совершенствование вчерне уже готового нашего Китайско-русского словаря, над которым трудились с нами наши товарищи, среди которых, увы, погибшие в блокаде Ленинграда (Флуг, Рудов, Бунаков, Разумовский). Надо, прежде всего, заполнить в нем брешь, ныне совершен-

но недопустимую, а именно: жизнь в Китае 1937-1945 годов» [Из эпистолярного. 2001. С. 361]. В плане работы Китайского кабинета ИВ АН СССР на 1946-1950 гг. по вопросу завершения работы над словарем указывалось: «Однако, это можно осуществить лишь при условии, во первых, возвращения к работе некоторых прежних сотрудников нашего кабинета и словаря, ныне пока еще не демобилизованных / т.т. Думан, Юстов, Монзелер, Кравцов/... Привлечения к нашей работе новых сотрудников – главным образом, из докторантов и аспирантов ИВ /т.т. Эйдли, Ошанин, Позднеева, Тихвинский и др./». В таком случае можно будет рассчитывать на достойное научное необходимое пополнение словаря рядом оригинальных картотек, расписанных из текстов наших прямых научных специальностей, каковыми являются, например: шедевры китайской поэзии и прозы /ак. Алексеев/... картотека китайских официального и эпистолярного стиля /проф. Ошанин/, а главное, важнейшая картотека жизни Китая в войне /1937-1945 гг./, без которой словарь выпущен быть не может» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 84-85].

В 1945-1946 гг. проблема нехватки кадров в основном была решена. В работе Л. Н. Меньшикова и Л. З. Чугуевского отмечается: «В 1946 г. кабинет пополнился новыми членами: О. Л. Фишман, С. М. Кочетова, Т. А. Ваганова

и С. В. Солтанов. Все они также приняли участие в составлении словаря. Т.А. Ваганова расписывала работы современных политических деятелей, О. Л. Фишман — поэтические тексты, прежде всего стихи Ли Во, С. М. Кочетова — тексты по китайскому искусству и рассказы Пу Сун-лина, а С. В. Солтанов занимался вычиткой после машинки рукописей и оформлением дополнений к слогам Б-Бяо» [Меньшиков. 1972. С. 119]. В отчете за 1947 – нач. 1948 гг. руководителем работы по составлению Китайско-русского словаря был назван В. М. Алексеев, а исполнителями — профессор Г. Ф. Смыкалов, кандидат исторических наук З. И. Горбачева, кандидат филологических наук Л. З. Эйшлин и младший научный сотрудник С. В. Солтанов [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 74. Л. 3]. Кроме того, в работе над словарем принимали участие китаеведы, работавшие в Москве и в Китае.

С составлением китайско-русского словаря была связана научная работа З.И. Горбачевой, отмеченная в плане работы Китайского кабинета: 1946 г. — «Достижения советской синологии в лексикографическом их учете»; 1947 г. — «Достижения иностранной синологии в лексикографическом их учете»; 1948-50 гг. — «Советские и американские словари китайского языка — опыт сравнения» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 97]. В этот период И. М. Ошанин защитил докторскую диссертацию по

теме «Слово и часть речи в китайском языке: опыт периодизации китайского языка» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 74. Л. 33]. Г. Ф. Смыкалов в 1947 г. подготовил к печати большую работу «Китайская ежедневная пресса в образцах» [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Оп. 3. Д. 564. Л. 7].

Во 1940-х гг. активно работал китаевед-экономист В.И. Штейн. В плане работы Китайского кабинета ИВ АН СССР указывалось: «Ст. н.с. проф. В.И. Штейн в своей книге «Гуань-цзы – экономический трактат древнего Китая, исследования и перевод» / на 1946 г./ внес в советскую синологию определенно новую струю экономических изысканий... В своей следующей монографии «К истории Китайско-индийского экономического и культурного взаимодействия в период до Тан включительно /1947-48 гг./ проф. В. М. Штейн... точно также внести текстуральное изучение Чжоу-ли... Третья тема В. М. Штейна «Ван Ань-ши и Сунский Китай»...» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 86-87].

К концу 1940-х гг. советское китаеведение, как и вся советская наука и образование, получившие новый импульс развития с окончанием Второй мировой войны, вновь столкнулись с большими трудностями, вызванными вмешательством в их сферу партийно-советской бюрократией. Советская элита, руководившаяся корпоративными интересами, видела задачи науки в обеспечении своей

монополии на власть и препятствовала свободе мысли и научного поиска. Советские китаеведы вынуждены были подгонять свои исследования под спущенные сверху установки. И первыми подверглись давлению философы. Исследователь А. Л. Мышинский пишет: «В 1947 году состоялась дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Это событие на много лет определило деятельность советских философов, в том числе и исследователей китайской философии... И предпосылкой исследования Лао-цзы для наших исследователей стало предположение о материалистическом характере этого текста» [Мышинский. 2015. С. 343-344]. Труды советского философа Ян Хиншуна отразили требования властей подогнать исследования под партийные установки. Предисловие автор заканчивал следующими словами: «Выполняя долг советского ученого, автор настоящей работы ставит перед собой задачу показать истинное содержание учения одного из крупнейших философов древнего Китая Лао-цзы и тем самым разоблачить расистский бред западных буржуазных ученых о том, что на востоке, в частности в Китае, якобы не было и нет философии в собственном смысле» [Ян Хин-шун. 1950. С. 6]. Завершал свое исследование советский китаевед словами: «Перед философами-марксистами СССР и демократического Китая

стоит почетная задача – разоблачать до конца буржуазных, особенно американских и гоминдановских, фальсификаторов истории китайской философии...» [Ян Хин-шун. 1950. С. 107].

Ярким примером жестокого политического давления на ученых явилось расширенное заседание Учёного совета Тихоокеанского института и бюро Московской Группы Института востоковедения АН СССР, состоявшееся в Москве 4 – 6 апреля 1949 г. Заседание совета было посвящено вопросам борьбы с проявлением буржуазного космополитизма в востоковедной науке. Апрельский номер «Вопросов истории» за 1949 г. вышел с передовицей «Неотложные задачи советских историков-востоковедов». В статье утверждалось, что в стране крайне мало выходит работ по истории Востока, особенно периода новой и новейшей истории. От востоковедов требовали усилить борьбу против западного востоковедения. В передовице указывалось: «было бы весьма серьёзной ошибкой сводить исторические исследования по Востоку к изучению рукописного наследства и к составлению комментариев преимущественно филологического характера к средневековым и архаичным памятникам. Страна требует от советских историков-востоковедов серьёзных обобщающих трудов по истории восточных стран, равно как и монографических исследований по отдельным

проблемам исторического развития народов Востока в более близкие к нашему времени периоды, поскольку это помогает пониманию происходящих сейчас исторических событий» [Неотложные. 1949. С. 3].

Инструментом вмешательства властей в деятельность востоковедов стала кадровая политика. 11 августа 1949 г. В.М. Алексеев писал Л. З. Эйдлину: «Что творится в ИВ? В ИВ, откуда выведены (из уч. совета) Штейн, Винников и др., и (в острастку мне) введены: Горбачева, Ефимов, а в острастку вообще — люди, не имеющие к востоковедению отношения, некие Окладников (очевидно, для оклада, доклада и копания в наших сердцах), Потапов (с «общими» задачами). На заседание оба эти окладника не явились, конечно: до них не докопаться!» [Баньковская. 2010. С. 416]. Показательна судьба китаевода-экономиста В. М. Штейна (1890-1964), который в 1946 г. был выдвинут в члены-корреспонденты АН СССР. Однако избран не был, а в 1949 г. смещен с должности декана Восточного факультета ЛГУ, арестован как «космополит» и отправлен в места заключения в Сибири. В 1950 г. было решено: «Довести количество аспирантов по Отделу Китая до 20 человек... Для укомплектования Отдела Китая Института востоковедения откомандировать из различных учреждений и ведомств в распоряжение Академии наук СССР крупных

специалистов-китаеведов, в том числе М. Н. Ковалева (Академия общественных наук), В.Н. Никифорова и Л.В. Симоновскую (МГУ), профессора Федоренко (МИД)» [Китайская. 2010. С. 59].

Для того, чтобы сохранить возможность заниматься своей непосредственной работой китаеведы вынуждены были отвлекаться на партучебу. Например, заведующий кафедрой китайского языка, недавно защитивший кандидатскую и поступающий в докторантуру ИВ АН СССР Н.Н. Коротков вынужден был в конце 1940-х пойти учиться в вечерний университет марксизма-ленинизма [АВ ИВР РАН. Ф. 152. Л. 3. Д. 330. Л. 7].

Озвученная критика была не вполне справедливой по отношению к китаистам, которые уже во второй половине 1940-х гг. опубликовали несколько работ по новой и новейшей истории Китая. В журнале «Вопросы истории» в 1947 г. была опубликована статья Г. Войтинского «Политические отношения в Китае накануне революции 1925-1927 годов», а в 1949 г. - Г. Астафьева «Успехи китайского народа в борьбе за независимость и демократию». В 1949 г. вышла в свет монография Г. В. Ефимова «Очерки по новой и новейшей истории Китая», которую историк-китаевед В. Н. Никифоров сразу охарактеризовал как «первая книга, которая дает марксистское обобщение и систематизацию фактов по новой и новейшей истории

Китая» [Никифоров. 1949 С. 143]. Однако и в отношении этой работы историка-марксиста в рамках политических кампаний звучала жесткая критика: «никак нельзя примириться с той краткостью, сухостью, буквально конспективностью, с которой говорится о политике Соединённых Штатов Америки в отношении Китая... Неправильный тон взят автором в том месте книги, где он говорит об "ошибках" ренегатов коммунистической партии Китая — Чжан Го-тао и Чэнь Ду-сю. Он пишет, что "левые", в частности Чжан Го-тао, "не понимали характера и задач революционного движения в стране" (стр. 239). Представлять матёрого предателя, агента гоминдановской разведки Чжан Го-тао в роли наивного младенца, "не понимающего" политической обстановки, — значит запутывать читателя... Говоря о деятельности китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена, следовало вскрыть реакционность некоторых его положений...» [Никифоров. 1949 С. 145-145]. Выполняя требования критики, Г.В. Ефимов быстро переработал свою монографию, которая в исправленном варианте была переиздана в 1951 г. Правда, и исправленный вариант подвергся критике в части недостаточности обличения всего западного и некоммунистического, связанного с историей Китая данного периода [Стадниченко. 1952. С. 136-142].

Вмешательство партийной бюрократии возымела свое действие. Молодые китаеведы направили свои усилия на создание работ по современной истории. 1950 г. вышла в свет работа молодых преподавателей МГУ В.Н. Никифорова, Г.Б. Эренбурга и М.Ф. Юрьева «Народная революция в Китае: очерк истории борьбы и победы китайского народа» [Никифоров. 1950]. На следующий год была опубликована в серии «Библиотека учителя» работа Г.Б. Эренбурга «Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время» [Эренбург. 1951].

С критикой работы советских китаеведов был связан тот факт, что в документах и библиографиях китаеведов не отражены факты строгого выполнения пунктов представленных планов. Например, Л.З. Эйдлине ежегодно публиковал свои переводы с китайского, при этом впервые перевод одного из стихотворений Мэн Хаожаня, отраженный в плане на 1940-е гг., был опубликован лишь в 1954 г. В составленном В.М. Алексеевым плане работы Китайского кабинета было указано: «1949 г. Тема 1. Печатается том III китайско-русского словаря. Издание объявляется законченным...» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д. 60. Л. 91]. На 1950 г. было запланировано «составление книги «Первые наблюдения над использованием китайско-русского словаря русскими китаистами» [АРАН. Ф. 456. Оп. 4. Д.

60. Л. 91]. Но ни одного тома этого словаря так и не были напечатаны, а проект был реализован лишь несколькими десятилетиями позже.

На рубеже 1940-50-х гг. давление на российских китаеведов продолжало усиливаться. В секретном документе, письме председателя внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В.Г. Григорьяна на имя В.М. Млотова за 1950 г. говорилось: «С целью изучить вопрос об усилении научно-исследовательской работы по Китаю и подготовке высококвалифицированных кадров китаеведов Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б) совместно с сектором науки Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) провела несколько предварительных совещаний с участием Академии наук. Более широкое совещание по этому же вопросу было дополнительно проведено Президиумом АН СССР с участием профессоров: В.А. Масленникова, В.И. Авдеева, И.М. Ошанина, Н.М. Сисакяна, Б.К. Пашкова, Н.С. Швецова, В.П. Сухотина, члена-корреспондента А.Д. Удальцова, кандидата исторических наук М.В. Попова и кандидата экономических наук Г.В. Астафьева. В результате обмена мнениями было установлено, что научно-исследовательская работа по Китаю еще значительно отстает от важных задач... До сих пор не изжито стремление части китаеведов уйти от основных вопросов современности. Советские китаеведы не ведут активной борьбы с буржуазным объекти-

визмом и реакционными «теориями» зарубежных синологов...» [Китайская. 2010. С. 57-58].

Развитие всех направлений китаеведения с начала 1950-х гг. уже шло с учетом выдвинутых властями требований. В 1951 г. в Москве был издан «Русско-китайский словарь» под редакцией Чэнь Чан-хао и Б.С. Исаенко» [Русско-китайский. 1951]. В предисловие от составителей ко второму изданию этого словаря было отмечено: «Эта работа является первой в СССР попыткой создания русско-китайского словаря... Содержание настоящего словаря ограничено политической, общественной, общеэкономический и самой необходимой бытовой тематикой...» [Русско-китайский. 1952. С. 3]. Вместо полного трехтомного китайско-русского словаря, подготовленного к печати в конце 1940-х, в 1952 г. вышел одготомный «Китайско-русский словарь под ред. проф. И.М. Ошанина», предисловие в котором начиналось со слов: «И.В. Сталин учит...» [Китайско-русский. 1952. С. VII]. Лидеры советского китаеведения даже свои лингвистические труды подстраивали под сталинские догмы, Известный востоковед В.М. Алпатов указывает: «Статья «О китайском языке», может быть, худшая из работ Конрада» [Алпатов. 2011. С. 58].

Планы китаеведческих работ, намеченные на вторую половину 1940-х гг., окончательно не были выполнены. Хотя уже в отчете

за 1947 г. говорилось о том, что 1-й том Большого китайско-русского словаря отредактирован и сдан в печать, а работа по оставшимся двум тома находилась в завершающей стадии, ни одного тома словаря так и не было напечатано. В 1949 г. работа над Большим китайско-русским словарем была прекращена. Академик В.М. Алексеев готовил к печати десяток крупных исследований по истории, культуре и литературе Китая, а также по истории русского китайоведения. Но, как отметили его исследователи: «Напечатаны были, однако, лишь несколько статей и рецензий, остальные остались в рукописи либо в корректурах или же изданы только в виде рефератов» [Меньшиков. 1972. С. 120]. По результатам исследований А. А. Драгунова и В.М. Штейна до начала 1950-х гг. было издано лишь несколько статей и тезисов докладов. Результаты исследований других китаеведов так описаны их младшими современниками: «Г. Ф. Смыкалов разрабатывал тему «Параллельная композиция в китайском языке», которую, однако, так и не окончил. Б.И. Панкратов, занимая должность ученого секретаря РО ИВ, работал над «Секретной историей монголов» («Юань чао би ши») ... З. И. Горбачева изучала восстание Фань Чуна (работа эта не была напечатана, хотя и числилась в 1946 г. завершенной)» [Меньшиков. 1972. С. 121-122].

Эпоха развития советского китаеведения во второй половине 1940-х гг. завершилась модернизацией советской востоковедческой науки. В 1950 г. решением Совета Министров СССР Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву, а в Ленинграде был оставлен филиал ИВ АН СССР – Сектор восточных рукописей. В состав ИВ АН СССР вошел Тихоокеанский институт АН СССР. Основные научно-педагогические силы советского китаеведения были сосредоточены в Москве, поближе к политическому руководству страны. Ленинграду с его восточным факультетом, филиалом Института востоковедения, архивами и библиотеками сохранили статус хранителя традиций классического российского китаеведения. Однако его ресурсы оказались очень ограниченными, в частности, в ленинградском филиале ИВ АН СССР вскоре осталось работать лишь два китаевода.

ВЫВОДЫ

Вторая половина 1940-х гг. стала важнейшим периодом в истории российского китаеведения. Это был период восстановления, подорванного репрессиями и войной научного и педагогического потенциала советского востоковедения. Во второй половине 1940-х гг. основные силы советского научного китаеведения были собраны в Ленинграде, но в Москве развитие китаеведческого потенциала шло

быстрее за счет развития образования и возвращения в науку многие известных китаистов. В середине 1940-х гг. в СССР началось возрождение классического российского китаеведения, основные силы китаистов были направлены на завершение трехтомного китайско-русского словаря и переводы китайской литературы. С 1947 г. советская бюрократия инициировала под видом научных дискуссий политические кампании, в результате которых основные силы китаеведения были направлены на защиту идеологических установок, политико-пропагандистское обеспечение своей политики. Большинство научных работ и проектов, над которыми работали китаеведы во второй половине 1940-х гг. не были завершены. Китаеведы вынуждены были ограничивать свою работу текущими запросами властей, подгонять результаты исследований под спущенные сверху установки. Эпоха развития советского китаеведения во второй половине 1940-х гг. завершилась модернизацией советской востоковедческой науки. В 1950 г. решением Совета Министров СССР Институт востоковедения АН СССР был переведен в Москву, где появились новые молодые лидеры и были сосредоточены основные силы советского китаеведения. Вторая половина 1940-х гг. была очень важным периодом в истории российского китаеведения. В это время была полностью восстановлена научная синология, значи-

тельно умножился научно-педагогический потенциал советского китаеведения. Советские китаеведы второй половины 1940-х гг. смогли сохранить преемственность в развитии науки и образования, создать основу для дальнейшего развития русского китаеведения.

Литература

1. Алпатов В.М. Академик Н.И. Конрад между Китаем и Японией // В потоке научного творчества. М.: Наука, 2011. С. 52-66.
2. Баньковская М.В. Алексеев и Китай: книга об отце. М.: Восточная литература, 2010. 485 с.
3. Бекметов Р.Ф. Л.З. Эйдлин и китайская литература. Библиографический указатель. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. 70 с.
4. Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М.: Госполитиздат, 1949. 436 с.
5. Из эпистолярного наследия академика В.М. Алексеева // Восток-Россия-Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию академика В.С. Мясникова. М., 2001. С. 360-378.
6. Китайская Народная Республика в 1950-е годы. Сборник документов: В 2 т. /Под ред. В.С. Мясникова. Т.2: Друг и союзник нового Китая. Составители: Е.Р. Курапова, В.С. Мясников, А.А. Чернобаев. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 526 с.

7. Китайско-русский словарь под ред. проф. И.М. Ошанина. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 892 с.
8. Меньшиков Л.Н., Чугуевский Л.И. Китаеведение // Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: «Наука» Главная редакция восточной литературы. 1972. С. 81-141.
9. Мышинский А.Л. К истории отечественного китаеведения (на материале советской даологии 1917-1985 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 1. С. 336-385.
10. Мясников В.С. Становление и развитие отечественного китаеведения // Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2. С. 57-62.
11. Неотложные задачи советских историков-востоковедов // Вопросы истории. 1949. №4. С. 3-8.
12. Никифоров В. Г.В. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. // Вопросы истории. 1949. № 7. С. 143-146.
13. Никифоров В.Н., Эренбург Г.Б., Юрьев М.Ф. Народная революция в Китае: очерк истории борьбы и победы китайского народа. М.: Госполитиздат. 1950. 143 с.
14. Русско-китайский словарь: около 26000 слов. Сост. Чэнь Чан-хао, А.Г. Дубровский и А.В. Котов. Под ред. Чэнь Чан-хао и Б.С. Исаенко. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1951. 976 с.
15. Русско-китайский словарь. Сост.: Чэнь Чан-хао, А.Г. Дубровский и А.В. Котов. Под ред. Чэнь Чан-хао и Б.С. Исаенко. Изд.2-е стереотипное. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 976 с.
16. Спешнев Н.А. Кафедра китайской филологии // Востоковедение в Ленинградском университете / Ученые записки Ленинградского университета. № 296. Восточный факультет. Серия востоковедческих наук. Вып. 13. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. С. 32-41.
17. Стадниченко А.И., Киселева М.А., Сикирянская Л.А. Г. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 136-142.
18. Чудодеев Ю.В. Китай в моей жизни // Ветераны востоковедения о себе. М., 2010. С. 138-158.
19. Чудодеев Ю.В. Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН. // Ориенталистика. 2018. Т. 1. № 3-4. С. 424-458.
20. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творческое освоение. М.: Наука, 1977. 272 с.

21. Эренбург Г. Б. Очерки национально-освободительной борьбы китайского народа в новейшее время / Под общ. ред. А. А. Губера. Москва: Учпедгиз, 1951. 240 с.
22. Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 162 с.
7. Kitajsko-russkij slovar` pod red. prof. I.M. Oshanina. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny`x i nacional'ny`x slovarej, 1952. 892 s.
8. Men'shikov L.N., Chuguevskij L.I. Kitaevedenie // Aziatskij muzej – Leningradskoe otделение Instituta vostokovedeniya AN SSSR. M.: «Nauka» Glavnaya redakciya vostochnoj literatury`. 1972. S. 81-141.
9. My'shinskij A.L. K istorii otechestvennogo kitaevedeniya (na materiale sovetskoj daologii 1917-1985 gg.) // Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae.. 2015. T. 45. № 1. S. 336-385.
10. Myasnikov V.S. Stanovlenie i razvitie otechestvennogo kitaevedeniya // Problemy` Dal'nego Vostoka. 1974. № 2. S. 57-62.
11. Neotlozhny'e zadachi sovetskix istorikov-vostokovedov // Voprosy` istorii. 1949. №4. S. 3.
12. Nikiforov V. G.V. Efimov. Oчерки po novoj i novejshej istorii Kitaya. // Voprosy` istorii. 1949. № 7. S. 143-146.
13. Nikiforov V. N., E`renburg G. B., Yur`ev M. F. Narodnaya revolyuciya v Kitae: oчерk istorii bor`by` i pobedy` kitajskogo naroda. – M.: Gospolitizdat. 1950. – 143 s.
14. Russko-kitajskij slovar`: okolo 26000 slov. Sost. Che`n` Chan-xao, A.G. Dubrovskij i A.V. Kotov. Pod red. Che`n` Chan-xao i B.S. Isaenko.
1. Alpatov V. M. Akademik N.I. Konrad mezhdru Kitaem i Yaponiej // V potoke nauchnogo tvorchestva. M.: Nauka, 2011. S. 52-66.
2. Ban`kovskaya M.V. Alekseev i Kitaj : kniga ob otce. M.: Vostochnaya literatura, 2010.
3. Bekmetov R.F. L.Z. E`jdlin i kitajskaya literatura. Bibliograficheskij ukazatel`. Kazan`: Izd-vo Kazan. un-ta, 2015. 70 s.
4. Efimov G.V. Oчерки po novoj i novejshej istorii Kitaya. M.: Gospolitizdat, 1949. 436 s.
5. Iz e`pistoljarnogo naslediya akademika V.M. Alekseeva // Vostok-Rossiya-Zapad. Istoriicheskie i kul`turologicheskie issledovaniya. K 70-letiyu akademika V.S. Myasnikova. M., 2001.
6. Kitajskaya Narodnaya Respublika v 1950-e gody`. Sbornik dokumentov: V 2 t. /Pod red. V.S. Myasnikova. T.2: Drug i soyuznik novogo Kitaya. Sostaviteli: E.R. Kurapova, V.S. Myasnikov, A.A. Chernobaev. M.: Pamyatniki istoricheskoy my`sli, 2010.

References

- М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny'x i nacional'ny'x slovarej, 1951. 976 s.
15. Russko-kitajskij slovar'. Sost.: Che'n` Chan-xao, A.G. Dubrovskij i A.V. Kotov. Pod red. Che'n` Chan-xao i B.S. Isaenko. Izd.2-e stereotipnoe. – М., Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostranny'x i nacional'ny'x slovarej, 1952. 976 s.
16. Speshnev N.A. Kafedra kitajskoj filologii // Vostokovedenie v Leningradskom universite-te / Ucheny'e zapiski Leningradskogo universiteta. № 296. Vostochny'j fakul'tet. Seriya vostokovedcheskix nauk. Vy'p. 13. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1960. S. 32-41.
17. Stadnichenko A.I., Kiseleva M.A., Sikiryanskaya L.A. G. Efimov. Ocherki po novoj i novejshej istorii Kitaya // Voprosy` istorii 1952. - № 6. S. 136-142.
18. Chudodeev Yu.V. Kitaj v moej zhizni // Veterany` vostokovedeniya o sebe. – М., 2010.
19. Chudodeev Yu.V. Stanovlenie i razvitie kitaevedeniya v Institute vostokovedeniya RAN. // Orientalistika. 2018. T. 1. № 3-4. S. 424–458.
20. Shnejder M.E. Russkaya klassika v Kitae. Perevody`. Ocenki. Tvorcheskoe osvoenie. М.: Nauka, 1977. 272 s.
21. E`renburg G. B. Ocherki nacional'no-osvoboditel'noj bor'by` kitajskogo naroda v novejshee vremya / Pod obshh. red. A. A. Gubera. Moskva: Uchpedgiz, 1951. 240 s.
22. Yan Xin-shun. Drevnekitajskij filosof Lao-czyu` i ego uchenie. М.–Л.: Izd-vo AN SSSR, 1950. 160 s.

Информация об авторе

Дацышен Владимир Григорьевич,

доктор исторических наук, профессор
Сибирский федеральный университет,
Институт демографических исследований
Федерального научно-
исследовательского социологического
центра РАН;
Красноярский государственный педаго-
гический университет,
dazishen@mail.ru

Information about the Author

Vladimir G. Datsyshen

Siberian Federal University;
Institute for Demographic Research–Branch
of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences;
Krasnoyarsk State Pedagogical University
dazishen@mail.ru

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Chinese investment in the ports of Djibouti: prospects and objectives (part 1)

Китайские инвестиции в порты Джибути: цели и перспективы (часть 1)

Сячин Валерий Геннадьевич, Эпштейн Виталий Анатольевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)*

spartak-t@mail.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-610-620

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются текущие инвестиции КНР в портовые комплексы Джибути. В работе предпринимается попытка выделить основные цели тех или иных китайских вложений. Автор попытался свести воедино данные о начале работ над объектами, об уровне их готовности, объёме суммарных вложений, включая вложения, полученные в кредит от China Export – Import Bank и т.д. Пристальное внимание уделяется сопутствующим проектам, таким как строительство железной дороги Аддис-Абеба – Джибути, а также освещается ситуация с национализацией контейнерного терминала Дорале и судебных споров с его бывшим оператором — DP World, и их возможные последствия. Предпринимается попытка оценить возможность создания альтернативных

ABSTRACT

The article examines the current investment of the People's Republic of China in the port complexes of Djibouti. As part of the analysis, the main goals of certain investments are identified, various data is been collected about the beginning of construction works on particular objects, the level of their readiness, the volume of total investments, including investments received on credit from China Export-Import Bank etc. Close attention is paid to related projects, such as the Addis Ababa-Djibouti railway. The situation around the nationalization of the Dorale container terminal and legal disputes with its former operator, DP World, and their possible consequences is also highlighted. An attempt is being made to assess the possibility of creating alternative transport corridors that may to reduce the role of Djibouti in the region's trade

транспортных коридоров, которые бы способны были уменьшить роль Джибути в торговле региона. Опираясь на данные доклада МВФ, автор рассматривает кредитные риски, связанные с внешним долгом страны с учётом влияния пандемии и новых займов. На основании проделанной работы автор оценивает внешнеполитические и экономические цели КНР, а также оцениваются перспективы дальнейшего сотрудничества КНР и Джибути в рамках текущих и будущих проектов.

Ключевые слова: КНР, Джибути, CMPort, DP World, контейнерный терминал Дорале (DCT), Зона свободной торговли Джибути, Один пояс — один путь.

Для цитирования: Сячин В.Г., Эпштейн В.А. *Китайские инвестиции в порты Джибути: цели и перспективы*. Современные востоковедческие исследования. 2021; 3 (4): 610-620.

Джибути — это маленькая страна, расположенная на северо-востоке Африки, с населением около миллиона человек. Её экономическая привлекательность на первый взгляд незначительна, ввиду неразвитой экономики — ВВП Джибути в 2020 году составил лишь \$3,4 млрд., что находится на 172 месте среди экономик мира [1]. Однако уникальное географиче-

in the distant future. In addition, the author examines the credit risks linked with the country's external debt on the basis of the IMF report, taking into account the influence of the pandemic and newly-taken loans. Based on the work done, the author evaluates the foreign policy and economic goals of the People's Republic of China, and assesses the prospects for further cooperation between PRC and Djibouti within the framework of current and future projects.

Keywords: China, Djibouti, CMPort, DP World, Doraleh Container Terminal (DCT), Djibouti Free Trade Zone, Belt and Road initiative.

For citation: Syachin V.G., Epshteyn V.A. *Chinese investment in the ports of Djibouti: prospects and objectives*. Modern oriental studies. 2021; 3 (4): 610-620.

ское расположение на побережье Аденского заливе, рядом с проливом Баб-эль-Мандеб («ворота» в Красное море из Индийского океана), усиливает статус Джибути в качестве стратегически важного пункта, позволяющего контролировать морские грузоперевозки, в особенности за потоки энергоресурсов. В 2017 году через пролив прошло около 9% мирового

объёма торговли сырой нефтью и нефтепродуктами. При этом, поток нефти в направлении Азии составил 42% от местного трафика (или 2,6 млн. баррелей в день) [2]. Значимость Джибути в качестве опорного пункта для контроля за проливом возросла с появлением пиратов из Сомали возле побережья Аденского залива в 2008 году. Это побудило ряд стран основать (Япония) или усилить (США) свои военноморские базы для противостояния пиратству в регионе и защиты морских путей. Так, Европейский союз, используя французскую базу, расширил свою миссию по борьбе с пиратством — в 2014 году на базу прибыли французские, испанские и немецкие подразделения, а весь французский военный контингент в Джибути с тех пор является крупнейшим постоянным военным контингентом ВС Франции в Африке [3, 4].

Помимо обеспечения безопасности морских перевозок путём размещения иностранных военных миссий, территория Джибути способна предоставить крупные экономические выгоды для стран-инвесторов, поскольку до настоящего времени Джибути являлось одним из наиболее спокойных государств, предоставляющих соседней Эфиопии выход к мировому океану. С точки зрения экономики, Эфиопия занимает шестое место по уровню ВВП среди всех стран Африки, и первое место среди стран региона (\$107,7 млрд. в 2020 году) [5]. Рост эконо-

номики Эфиопии в 8,4% за 2019 год и в 6% за 2020 год делает её крайне привлекательной для иностранных компаний, в т.ч. китайских. В то же время, единственным соседом Эфиопии, где последние десятилетия не случилось конфликтов, остается Джибути, а потому для выхода на эфиопский рынок, требуется развитие транспортной инфраструктуры, соединяющей две страны, а также расширение и усовершенствование уже имеющихся портов в самом Джибути. В последние годы этим активно занимаются китайские компании, конкурирующие с проектами ЕС и арабскими фирмами.

Китайский холдинг China Merchants начал свою активную деятельность в портах Джибути в январе 2013 года, когда компания приобрела долю в Doraleh Container Terminal S.A. (DCT) — совместном предприятии правительства Джибути и DP World (крупный оператор портов из ОАЭ) для управления соответствующим терминалом. Правительство Джибути владело долей 66,66%, а DP World – оставшимися 33,34%. Несмотря на миноритарный пакет акций, арабская компания сохраняла за собой право управления всем предприятием [6]. Такая ситуация сложилась после заключения в 2006 году концессионного соглашения между сторонами, которое должно было действовать в течение 30 лет. Однако, начиная с 2012 года правительство Джибути начало проявлять недовольство

положением дел и взяло курс на сближение с китайскими компаниями, предлагавшими альтернативные инфраструктурные проекты, в том числе для развития прилегающей к порту зоны. Как итог, к 2013 году China Merchants Port Holdings (CMPort) за \$185 млн. выкупила 23,5% правительственной доли (косвенно, за счет приобретения 23,5% акций государственной компании Port de Djibouti S.A (PDSA), которая управляет всей портовой и прилегающей инфраструктурой в стране), что в суммарном объеме акций DCT составило 15,67% [7]. Это нарушило условия соглашения 2006 года, что привело к обжалованию со стороны DP World в Верховном суде Гонконга в 2019 году, который признал продажу доли акций противоречащей концессионному соглашению.

Тем не менее, правительство Джибути с 2013 года продолжало расширять сотрудничество с китайской стороной. В 2014 году CMPort заключила соглашение на строительство многоцелевого порта Дорале (Doraleh Multipurpose Port), который начал работать в 2017 году, также в противоречие соглашению с DP World. Окончанием ситуации стало полное аннулирование соглашения с DP World и фактическое «изгнание» его из Джибути 22 февраля 2018 года. По заявлению администрации президента Джибути этот шаг был направлен на обеспечение «суверенитета государства и его

экономической независимости» [8]. Стоит также отметить, что ввиду национализации DCT, он стал частью правительственной Société de Gestion du Terminal à Conteneurs de Doraleh (SGTD). 28 октября 2018 года в Джибути был издан президентский указ о национализации части акций PSDA, которые принадлежали DP World. При этом, поскольку терминал перешёл в управление SGTD, правительство Джибути распорядилось бесплатно передать 66,66% акций SGTD в пользу PSDA в качестве компенсации [9]. Однако в постановлении правительства не уточнялось, что произойдет с негосударственной долей уставного капитала [10]. Таким образом, контроль CMPort над 23,5% акций терминала оказался под вопросом, и пока судебное разбирательство с DP World продолжается, статус терминала остаётся спорным. По оценкам экспертов, ввиду политики Президента Джибути Исмаила Омара Гелле, мнение которого играет решающую роль, наиболее вероятно, что Китай в итоге получит свою долю в контейнерном терминале Дорале [11, с.14].

Несмотря на оспаривание действий правительства Джибути со стороны DP World сначала в Гонконгском, а потом и в Лондонском арбитраже, последний из которых вынес решение о выплате со стороны Джибути \$385 млн. штрафа и дополнительно \$148 млн. невыплаченного вознаграждения за контейнерный

трафик в пользу DCT, это решение не привело ни к каким реальным последствиям со стороны властей страны, поскольку DCT остаётся под контролем правительства Джибути [12].

Экономическое присутствие китайских компаний со временем стало подкрепляться тесными связями правительств двух стран и присутствием постоянного китайского военного контингента. В 2017 году в Джибути была основана первая зарубежная военная база КНР [13]. Она призвана содействовать операциям по противодействию пиратству и поддерживать китайских миротворцев в Африке [14].

Кооперация правительств двух стран в ноябре 2017 году была ознаменована встречей Председателя КНР и Президента Джибути в Пекине, на которой два государства объявили об установлении «стратегического партнёрства». В ходе встречи Си Цзиньпин выразил готовность «продвигаться вперед в строитель-

стве Пояса и Пути», а также укреплять двухстороннее сотрудничество во всех областях [15]. Сигнал ко включению таким образом Джибути в инициативу «Пояса и Пути» был дан китайским компаниям, и они приступили к расширению деятельности в стране. В середине 2018 года CMPort объявила о намерении реконструировать старый порт Джибути, который до разрыва концессионного соглашения находился под управлением DP World [16]. В 2019 году Great Horn Investment Holdings SAS (управляет портом Джибути и свободной торговой зоной) подписали соответствующее соглашение [17]. Кроме портовой инфраструктуры, к 2016 году завершилось строительство железной дороги, соединяющей Эфиопию и Джибути.

Ключевые объекты деятельности китайских компаний в Джибути на август 2021 представлены в Таблице 1.

НАЗВАНИЕ	СТАТУС	ТИП СОБСТВЕННОСТИ И ДОЛЯ ВЛАДЕНИЯ	ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ОБЪЁМ ФИНАНСИРОВАНИЯ
Многоцелевой порт Дорале	Открыт в мае 2017	Совместное предприятие PDSA и CMPort; 23,5% у последнего.	Перевозка контейнеров, сухих сыпучих грузов, крупногабаритных грузов и т.д.	\$590 млн. предоставлены China's Exim Bank
Военная база НОАК**	Открыта в июле	По Соглашению о сотрудничестве в области обороны от 25 февраля 2014 года между КНР и Джибути [18].	Содействие миротворческим операциям в Африке и морские операции по противодействию пиратству, а также эвакуации китайских граждан из опасных районов.	-

Таблица 1. Ключевые объекты деятельности китайских компаний в Джибути на август 2021

Table 1. Key objects of activity of Chinese companies in Djibouti for August 2021

НАЗВАНИЕ	СТАТУС	ТИП СОБСТВЕННОСТИ И ДОЛЯ ВЛАДЕНИЯ	ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ОБЪЁМ ФИНАНСИРОВАНИЯ
Балкерный терминал в Таджикистане	Строительство завершено в 2017 году, но ввиду отсутствия транспортного сообщения простаивает.	Совместное предприятие PDSA и CMPort; 23,5% у последнего.	Экспорт калийных удобрений из северной Эфиопии по железной дороге	-
Минеральный терминал Губбет	Строительство завершено в 2017 году, загружен частично.	Совместное предприятие PDSA и CMPort; 23,5% у последнего.	Экспорт обработанной соли	\$64 млн. льготный кредит от China's Exim Bank
Контейнерный терминал Дорале	Открыт в 2008 году.	Национализирован в пользу SGTД, доля CMPort во владении терминалом под вопросом	Контейнерные перевозки	-
Топливный терминал «Горизонт» Джибути (Horizon Djibouti Fuel Terminal)	Открыт в 2009 году	КНР не владеет терминалом и не участвует в управлении	Удовлетворение потребностей страны в углеводородах	-
Зона свободной торговли (ЗСТ)	Основана в 2015 году, строительство официально начато в 2017 году. Однако на момент сентября 2021 года, никаких строительных в ЗСТ со спутника не наблюдается.	Китайские компании Lac Assal Investment Holding Company Ltd. и East Aden Holding Company Ltd. (обе зарегистрированы в Гонконге) имеют долю в ЗСТ. При этом, 40% и 26,7% в этих компаниях, соответственно, принадлежит CMPort	4 кластера: - логистика - бизнес-операции и торговля - сопровождение бизнеса (отельный бизнес, подготовка кадров, финансовое сопровождение) - Производственный кластер (упаковка товаров)	\$150 млн. финансирования от CMPort.

Таблица 1. Ключевые объекты деятельности китайских компаний в Джибути на август 2021.

Продолжение

Table 1. Key objects of activity of Chinese companies in Djibouti for August 2021. Continuation

НАЗВАНИЕ	СТАТУС	ТИП СОБСТВЕННОСТИ И ДОЛЯ ВЛАДЕНИЯ	ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	ОБЪЁМ ФИНАНСИРОВАНИЯ
Железная дорога Аддис-Абеба – Джибути	Строительство завершено в 2016 году.	China Railway Group (CRG) и China Civil Engineering Construction Corporation (CCECC) в 2015 году подписали соглашение об управлении дорогой на 6 лет.	Перевозка грузов из портов Джибути в Эфиопию.	Из \$578 млн. 15% (примерно \$86,7 млн) предоставлено правительством Джибути, остальные \$492 млн. (85%) – China Exim Bank.
Водопровод Эфиопия - Джибути	Открыт в июне 2017 года	-	Доставка воды в Джибути	\$340 млн. от China Exim Bank (около 95% от стоимости всего проекта)

Таблица 1. Ключевые объекты деятельности китайских компаний в Джибути на август 2021.

Продолжение

Table 1. Key objects of activity of Chinese companies in Djibouti for August 2021. Continuation

* - составлено автором по открытым материалам [11, 16]

** - база НОАК является стратегическим опорным пунктом КНР и не принадлежит напрямую правительству КНР.

Вторая часть исследования будет представлена в следующем выпуске журнала.

Литература/References

1. The World Bank Data – GDP (current US\$). Djibouti. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=DJ> (Дата обращения: 09.09.2021).
2. U.S. Energy Information Administration – The Bab el-Mandeb Strait is a strategic route for oil and natural gas shipments. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=41073> (Дата обращения: 09.09.2021).
3. Melvin N. The foreign military presence in the Horn of Africa region // SIPRI Background Paper. – April 2019. – P.1-30. URL: <https://sipri.org/sites/default/files/2019-04/sipribp1904.pdf> (Дата обращения: 09.09.2021).
4. Le Figaro – Création d'un troisième détachement des Forces spéciales à Djibouti. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.lefigaro.fr/mon-figaro/2014/05/27/10001-20140527ARTFIG00417-creation-d-un->

- troisieme-detachement-des-forces-speciales-a-djibouti.php (Дата обращения: 09.09.2021).
5. The World Bank Data – GDP (current US\$). Ethiopia. - [Электронный ресурс]. URL: // https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ET&most_recent_value_desc=false (Дата обращения: 09.09.2021).
6. Bloomberg – Legal Battle for Control of Djibouti Ports Comes to Hong Kong. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.bloomberg.com/press-releases/2019-02-13/legal-battle-for-control-of-djibouti-ports-comes-to-hong-kong> (Дата обращения: 09.09.2021).
7. China Merchants Port Company Limited – Djibouti. Port De Djibouti S.A. - [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.cmport.com.hk/entouch/business/infor.aspx?id=10006221> (Дата обращения: 09.09.2021).
8. The Maritime Executive – Djibouti Terminates DP World's Concession at Doraleh. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.maritime-executive.com/article/djibouti-terminates-dp-world-s-concession-at-doraleh> (Дата обращения: 09.09.2021).
9. High Court of Hong Kong Special Administrative Region – HCA 1951/2018 [2019] HKCFI 3104. - [Электронный ресурс]. URL: // https://legalref.judiciary.hk/lrs/common/search/search_result_detail_frame.jsp?DIS=126220&QS=%24%28djibouti%29&TP=JU (Дата обращения: 09.09.2021).
10. République de Djibouti – Loi N° 29/AN/18/8ème L ratifiant l'ordonnance n° 2018-001/PRE du 9 septembre 2018]. URL: // <https://www.presidence.dj/texte.php?ID=29&ID2=2018-10-28&ID3=Loi&ID4=20&ID5=2018-10-31&ID6=n> (Дата обращения: 09.09.2021).
11. Peter A. Dutton Isaac B. Kardon Conor M. Kennedy. China Maritime Report No. 6: Djibouti: China's First Overseas Strategic Strongpoint // U.S. Naval War College Digital Commons. – April 2020. – P.1-49. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1005&context=cmsi-maritime-reports> (Дата обращения: 09.09.2021).
12. The Load Star. Gavin van Marle. – Djibouti must pay DP World \$500m after government loses legal battle over DCT. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://theloadstar.com/djibouti-must-pay-dp-world-500m-after-government-loses-legal-battle-over-dct/> (Дата обращения: 09.09.2021).
13. BBC – Djibouti: Chinese troops depart for first overseas military base. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-40578106> (Дата обращения: 09.09.2021).
14. Vertin Z. Great Power rivalry in the Red Sea: China's Experiment in Djibouti and implications for the United States // Global China. – June 2020. – P.1-30. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/06/FP_20200615_china_djibouti_vertin.pdf (Дата обращения: 09.09.2021).
15. XinhuaNet – China, Djibouti agree to establish strategic partnership. - [Электронный ресурс]. URL: // http://www.xinhuanet.com/english/2017-11/23/c_136774764.htm (Дата обращения: 09.09.2021).
16. The Journal of Commerce online. Mooney T. –

China Merchants to revamp old port of Djibouti. - [Электронный ресурс]. URL: // https://www.joc.com/port-news/terminal-operators/china-merchants-revamp-old-port-djibouti_20180717.html (Дата обращения: 09.09.2021).

17. 招商蛇口 —— 招商蛇口、招商港口与吉布提签署吉布提老港改造项目合作框架协议. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.cmsk1979.com/news.aspx?type=9&id=7684> (Дата обращения: 09.09.2021).

18. All Africa – Djibouti and China Sign a Security and Defense Agreement. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://allafrica.com/stories/201402280055.html> (Дата обращения: 09.09.2021).

19. Djibouti Ports & Free zones Authority – Djibouti International Free Trade Zone. - [Электронный ресурс]. URL: // <https://dpfza.gov.dj/facilities/Free-trade-area/djibouti-international-free-trade-zone> (Дата обращения: 09.09.2021).

Информация об авторах

Сячин Валерий Геннадьевич

Факультет международных отношений, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1, Россия.

spartak-t@mail.ru

Научный руководитель, канд. социолог. наук, доцент

Эпштейн Виталий Анатольевич

Кафедра мировой экономики и международных отношений, Институт бизнеса и делового администрирования,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)

119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр.1, Россия.

epshteinv@gmail.com

Information about the Authors

Valeriy Syachin

International relations department, Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian academy of national economy and public administration (RANEPA, Moscow)

119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82, str.1, Russia

spartak-t@mail.ru

Scientific supervisor, Associate Professor Ph.D. in Sociology,

Vitaly Epshteyn,

International Relations department, Institute of Business Studies (IBS-Moscow),

Russian presidential academy of national economy and public administration (RANEPA, Moscow)

119571, Moscow, prospect Vernadskogo, 82, str.1, Russia

epshteinv@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

**Conversion of human and social capital in corporations:
trans-regional studies on the example of Russian, Chinese
and European corporations**

**Конвертация человеческого и социального капиталов в корпорациях:
трансрегиональные исследования на примере российских,
китайских и европейских корпораций**

**Дерюгин П.П.^{1,4}, Кремнёв Е. В.², Ярмач О. В.³, Страшко Е. В.³,
Камышина Е. А.⁴, Баннова О. С.⁴**

Санкт-Петербургский государственный университет¹

Иркутский государственный университет²

Севастопольский государственный университет³

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»⁴

e-mail: ppd333@rambler.ru

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-619-637

*Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19
«Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат
создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указа Президента «О национальных
целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»*

*The study was supported by the RFFR in the framework of the scientific project No. 19-29-07443 / 19 "Scientific
and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class
scientific and educational centers according to the Presidential Decree "On National Goals and Strategic Tasks of the
Development of the Russian Federation for the period until 2024".*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования конвертации двух форм капиталов — человеческого и социального в условиях частных корпораций России, Китая, Испании. В теоретических исследованиях конвертация показана как ключевой

ABSTRACT

Annotation. The article presents the results of an empirical study of the conversion of two forms of capital – human and social in the conditions of private corporations in Russia, China, and Spain. In theoretical studies, the problem of conversion is shown as a key synergistic moment of creating

синергетический момент создания прибылей и ренты. На основе мультипарадигмального методологического подхода сконструирована методика, позволяющая оценивать степень конвертации человеческого и социального капиталов в ценностном измерении. Анализ сетей ценностей сотрудников корпораций России, Китая, Испании позволили сделать обобщающие выводы относительно социодинамики и вариантов конвертации человеческого и социального капиталов: 1. Единство-гармония капиталов; 2. Дифференциация-дисгармония капиталов; 3. Различные соотношения единства/дифференциации капиталов. На эмпирическом материале показано существенное отличие характеристик конвертации человеческого и социального капиталов россиян, китайцев и испанцев по следующим критериям: плотность связей в сетях ценностей респондентов; в весовых характеристиках индикаторов; в специфическом проявлении обобщающих критериев — преуспевание и командный дух. Предложенная стратегия диагностики конвертации капиталов носит прикладной характер и использована в ряде других исследований.

Ключевые слова: человеческий капитал; ценности; стратегии диагностики;

Для цитирования: Дерюгин П.П., Кремнёв Е.В., Ярмак О.В., Страшко Е.В., Камышина Е.А., Баннова О.С. Конвертация человеческого и социального капиталов в корпорациях: трансрегиональные исследования на примере российских, китайских и европейских корпораций. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 619-6.

profits and rents. Based on the analysis of a number of methodological positions, a method is constructed that allows us to assess the degree of connections that characterize the conversion in the value dimension. The value networks of employees of corporations in Russia, China, and Spain allowed us to draw generalizing conclusions about the options for converting human and social capital: 1. Unity-harmony of capitals; 2. Differentiation-disharmony of capitals; 3. Various ratios of unity/differentiation of capitals. The empirical material shows a significant difference in the characteristics of the conversion of human and social capital of Russians, Chinese and Spaniards according to the following criteria: in the value networks of respondents; in the weight characteristics of indicators, in the specific manifestation of generalizing criteria.

Keywords: human capital; values; diagnostic strategies; capital conversion

For citation: Deriugin P. P., Kremnyov E. V., Yarmak O. V., Strashko E. V., Kamyshina E. A., Bannova O. S. *Conversion of human and social capital in corporations: trans-regional studies on the example of Russian, Chinese and European corporations.* Modern oriental studies. 2021; 3(4):

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Корпорации — особая форма трудовой деятельности и рыночный инструмент, где в самых разнообразных вариантах сосуществуют и конвертируются различные формы капиталов, в том числе, человеческий и социальный капиталы. Конвертация заключается в том, что человеческий и социальный капиталы изменяются в своих характеристиках, обогащая друг друга за счет чего возникает синергетический эффект, взаимно усиливаются их потенциалы за счет чего возникает прибавочная стоимость — прибыли. Конвертация — это кругооборот капитала, который по оценке К. Маркса, создает механизм самовозрастающей стоимости. Как отмечает В. В. Радаев, конвертацию капиталов следует понимать как механизм возрастания стоимости: под капиталом, собственно, и понимается накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм [2, С.21].

В социальной плоскости конвертация человеческого и социального капиталов актуальна, поскольку затрагивает большие группы людей, работающих в корпоративных структурах. Например, в российских корпорациях трудится примерно половина всего трудоспособного населения страны. Подчеркнем, что это актив-

ная часть населения, та часть россиян, которая существенно влияет на экономическую и социальную жизнь общества.

Проблемность исследования темы заключена в практическом и научном отношении. В частности, ранее корпоративных организаций не было в России и в Китае. Строго говоря, это основанная на частной собственности форма организации трудовой деятельности, которая возникла в Европе и во многом остается европейской и американской традицией. Корпорации — локомотивами экономического развития и фабриками по воспроизводству социальности, основанной на частной собственности. Что касается России и Китая, частные корпорации здесь сложились и развиваются по-особому, что и составляет определенный интерес для обобщений. Прежде всего эти особенности возникают на основе различий в государственном регулировании этого процесса, а также специфики национального менталитета стран.

С научной точки зрения конвертация предполагает изучение интеграции человеческого и социального капиталов в совокупности всех условий обеспечивающих взаимопереходы различных форм капиталов. Это сложный и противоречивый процесс, анализ которого возможен только на основе интегрального методологического инструментария [2, С.15], [3]. Объемное научное и методическое решение

такой задачи остается перспективной темой. Настоящее исследование — это только небольшой шаг в этом направлении.

Методологическую основу исследования составили теоретические позиции ряда научных концепций, позволяющих сформировать базу методики эмпирического исследования:

- понимающей социологии М. Вебера и его последователей, позволяющей выявлять и анализировать человеческий и социальный капиталы «изнутри», а также их взаимодействие и отношения;
- культурологического подхода П. Сорокина, позволяющего исследовать различные формы капиталов как капиталы акторов различных социальных групп и ролей. В нашем случае — как представителей российских, китайских и европейских корпораций;
- теоретические позиции Г. Зиммеля, М. Рокича, Н.И. Лапина, В.А. Ядова, дающих основания для исследования различных форм капиталов с позиций анализа ценностей личности.

Такая комплексная методологическая основа дает возможность системного исследования конвертации человеческого и социального капиталов.

Методика. Основные положения методики исследования изложены в ряде публикаций

[4], [5], [6]. На основе принципов понимающей социологии были сформулированы базовые положения относительно конструирования методики. Во-первых, человеческий капитал может трактоваться как совокупность деловых качеств личности, обеспечивающих ее результативную деятельность. В методике к таким качествам отнесены: целеустремленность, властность, расчетливость, лидерство, прагматичность. Шестое качество — преуспевание — оценивается как интегрирующий индикатор человеческого капитала, показывающий успешность личности в деятельности. Во-вторых, социальный капитал с позиций понимающей социологии может трактоваться как совокупность коллективистских качеств, в методике это: доброжелательность, альтруистичность, взаимопомощь, уважение других, забота о других. Шестое качество — командный дух — оценивается как интегрирующий показатель социального капитала, показывающий, насколько респондент считает важным быть членом команды-корпорации. В-третьих, процедура исследования и обработки полученного результата выстраивалась как технология, позволяющая оценивать корреляцию (интеграцию -противопоставление) установок сотрудников корпораций по поводу этих индикаторов — качеств личности. В-четвертых, на основе полученных данных формировались матрицы

взаимоотношений индикаторов человеческого и социального капиталов, в которых была представлена степень связи между этими индикаторами. Таким образом, анализируя степень важности и значимости тех или иных качеств человеческого и социального капиталов с точки зрения респондентов, формировались системы их представлений о ценности этих качеств – установок, которые могут быть реализованы в практической работе. Построение сетей этих ценностей позволили сравнивать, анализировать и взвешивать сети ценностей респондентов и выявлять, что объединяет и что является проблемным и своеобразным в системе ценностей человеческого и социального капиталов в среде российских, китайских и европейских сотрудников корпораций — оценивать степень интеграции-конвертации капиталов.

Объектом эмпирического исследования выступили сотрудники частных корпоративных организаций РФ, Китая и Испании. По результатам теоретического исследования становится очевидным, что в корпорациях концентрируются люди, в значительной степени обладающие актуальным человеческим капиталом. Здесь же формируется особая социальная среда — «корпоративный дух». **Выборка** респондентов составила 634 человека, примерно поровну из каждой страны. Итоговый результат обобщен в виде таблиц и сетевых диаграмм на базе

программного обеспечения Ucinet. Визуализация данных проведена с помощью Netdraw, а также в результате разработки специальной программы, созданной студентами Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (руководитель группы - Данилов К.). **Ограничения исследования** состоят в небольшой выборке, а также некоторых трудностях и несовпадениях перевода, что снижает достоверность полученных данных.

Гипотеза. Внешняя среда – национальная культура, традиции и ценности общества определяют характер интеграции человеческого и социального капиталов сотрудников корпораций на личностном уровне. На интеграцию капиталов влияют скачки и скорости социальных изменений, когда «решая прагматические задачи, практически не учитываются возможности человеческого капитала, обусловленные различиями в социальном времени и пространстве, которые свойственны разным культурам. На Западе, как известно, время — деньги, на Востоке, время — хозяин» [2, С.18]. Основываясь на анализ предварительного изучения трансрегиональных особенностей человеческого и социального капиталов, предполагается, что в среде сотрудников китайских корпораций системность и гармония – конвертация – человеческого и социального капиталов, окажется

значимой. В европейских корпорациях конвертация человеческого и социального капиталов окажется более дифференцированной. В российских корпорациях будет фиксироваться неопределенность и противоречивость конвертации капиталов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты сетевого моделирования интеграции индикаторов человеческого и соци-

ального капитала сотрудников корпораций визуализированы на рисунках №№ 1-3. Сильные связи показывают корреляцию от 0,7 и выше (толстые линии), слабые связи, — от 0,3 до 0,7 (пунктирные линии). Красным цветом показаны положительные связи, синим цветом — отрицательные. Все последующие результаты и выводы построены на анализе полученных данных сетевых связей.

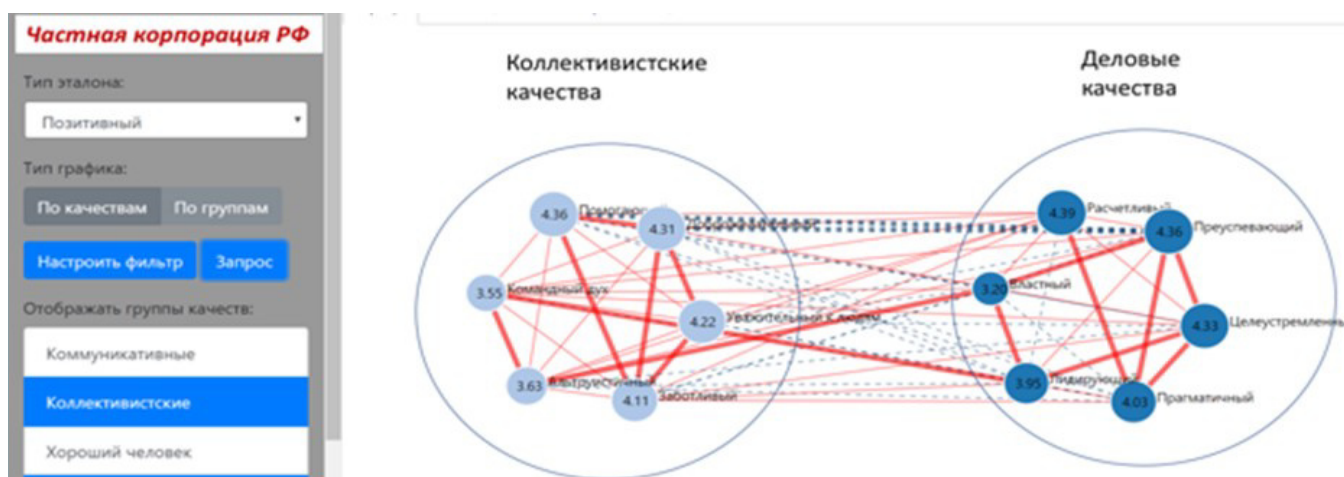

Рис. 1. Сети связей коллективистских и деловых ценностей в российских корпорациях

Fig. 1. Networks of links between collectivist and business values in Russian corporations

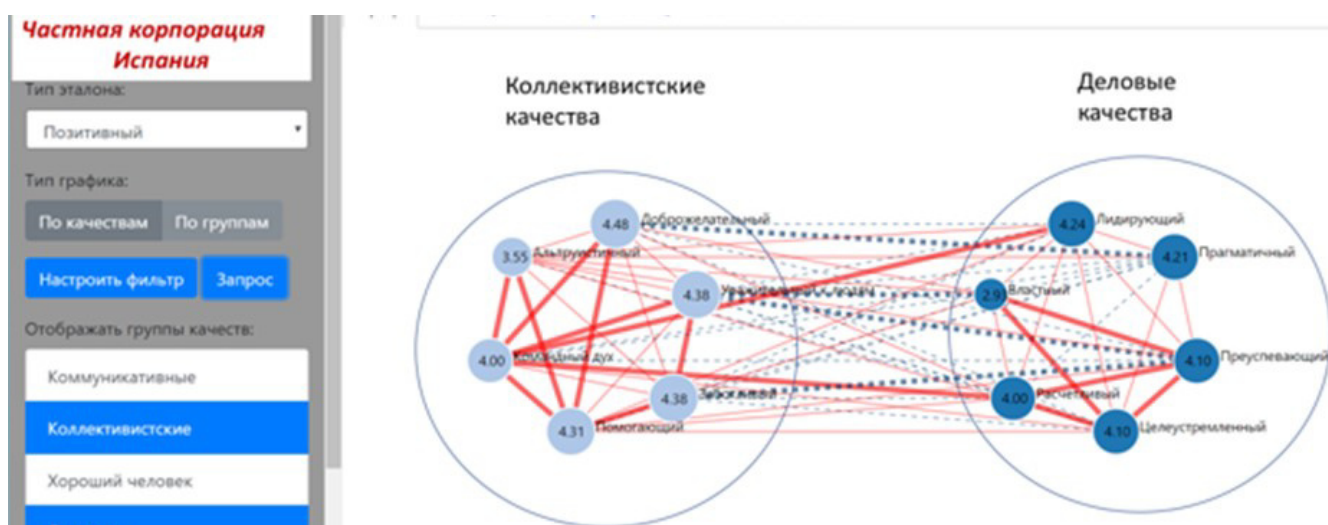

Рис. 2. Сети связей коллективистских и деловых ценностей в испанских корпорациях

Fig. 2. Networks of links between collectivist and business values in Spanish corporations

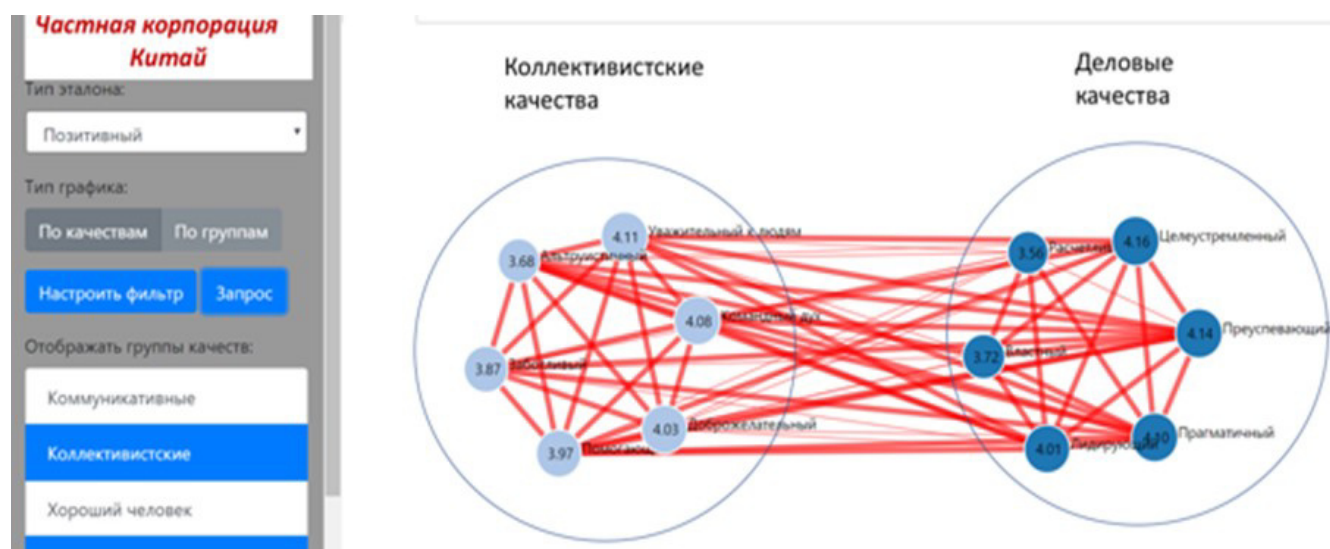

Рис. 3. Сети связей коллективистских и деловых ценностей в китайских корпорациях

Fig. 3. Networks of links between collectivist and business values in Chinese corporations

Результат 1. Плотность связей между индикаторами человеческого и социального капиталов у сотрудников исследуемых корпораций оказалась различной. Наибольшая плотность связей зафиксирована в сетях сотрудников китайских корпораций. Таблица № 1.

	ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ СЕТЕВЫЕ СВЯЗИ		ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СЕТЕВЫЕ СВЯЗИ	
	Сильные	Слабые	Сильные	Слабые
Россия	2	13	2	11
	Всего: 15		Всего: 13	
Испания	2	13	4	18
	Всего: 15		Всего: 22	
Китай	17	15	0	0
	Всего: 32		Всего: 0	

Таблица № 1. Показатели плотности сетевых связей между индикаторами человеческого и социального капиталов

Table No. 1. Indicators of the density of network connections between indicators of human and social capital

Наибольшее число положительных связей сети между показателями человеческого и социального капиталов зафиксировано по результатам моделирования ответов сотрудников китайских корпораций, здесь их 32, при этом, 17 таких связей оказались сильными и очень сильными положительными связями. Настоящий показатель раскрывает, что практически все индикаторы, как человеческого, так и социального капиталов в системе ценностей

сотрудников китайских корпораций связаны между собой. Во всяком случае, в нашем исследовании не зафиксировано ни одного примера негативной корреляции между какой-либо парой индикаторов. Этот результат поначалу вызывал сомнение и был перепроверен и проанализирован дополнительно в специальном исследовании и обсужден со специалистами. Результат подтвердился: все индикаторы имели положительную корреляцию с некоторыми другими индикаторами, т. е. всегда характеризовались положительно.

Количество положительных связей сетей сотрудников российских и испанских корпораций совпали по значениям: по 2 сильные положительные связи и по 13 слабым положительным. Что касается отрицательных связей, то они по своим количественным характеристикам отличались. У россиян таких связей было всего 14 (2 – сильные отрицательные и 12 – слабые отрицательные). У испанских сотрудников корпораций всего 22 (4 – сильные отрицательные и 18- слабые). Таким образом у сотрудников испанских корпораций фиксируется более существенная дифференциация капиталов, чем у российских и китайских.

Таким образом, результаты интегрированности между индикаторами человеческого и социального капиталов у сотрудников китайских корпораций оказались наиболее высоки-

ми, здесь не было зафиксировано отрицательных корреляционных связей.

Наиболее дифференцированными индикаторы человеческого и социального капиталов оказались у сотрудников испанских корпораций, здесь отмечено наибольшее количество отрицательных корреляционных связей.

Что касается сотрудников российских корпораций, то показатели интеграции человеческого и социального капиталов были похожими на результаты сотрудников испанских корпораций.

Результат 2. Сотрудниками анализируемых корпораций по-разному оцениваются весовые характеристики качеств социального и человеческого капитала. Как равноценные качества человеческого и социального капиталов зафиксированы у сотрудников китайских корпораций. Значения весовых характеристик представлены на графике № 1.

Анализ графика № 1 показывает, что сотрудники китайских корпораций примерно одинаково оценивают как деловые, так и коллективистские качества других людей (соответственно, деловые – 3,98 и коллективистские – 3,95). При этом сотрудниками китайских корпораций проставлены наиболее критические (низкие) оценки других людей, в сравнении с оценками сотрудников российских и испанских корпораций. Это говорит

о довольно требовательном-критичном отношении китайцев к качествам окружающих их людей. По оценкам китайцев среди деловых качеств наиболее важные места занимают целеустремлённость и преуспевание, ниже всего

оцениваются властность и расчетливость. Среди социальных качеств на первом месте оказались уважительное отношение к людям и командный дух, на последнем альтруизм и заботливость.

График № 1. Весовые характеристики деловых и коллективистских качеств

Schedule No. 1. Weight characteristics of business and collectivist qualities

Сотрудники российских корпораций выше оценивают важность социальных качеств своих коллег, предпочитая их деловым качествам. На первых местах среди социальных качеств они показали качества взаимопомощи и доброжелательности, на последних альтруизма и, что особенно отличает россиян от китайцев, - командный дух. Среди деловых качеств на первых местах у россиян оказались расчет-

ливость и преуспевание, на последних лидерство и властность.

Сотрудники испанских корпораций, как и сотрудники российских корпораций, более высоко оценивают важность качеств социального капитала – коллективистских качеств. Доброжелательность и уважение к людям они ставят на первые места. Замыкают список социально актуальных качеств командный дух

и альтруизм, что похоже на результаты россиян. Среди деловых качеств испанцы выделяют как наиболее важные лидерство и прагматичность, на последних местах у них оказались расчетливость и властность.

Таким образом, весовые характеристика качеств фиксируют разнообразие представлений респондентов о важности ценностей составляющих перспективные свойства сотрудников корпораций. Следует еще раз подчеркнуть особенность результатов китайских респондентов, у которых весовые характеристики деловых и коллективистских качеств

оказываются практически на одном уровне оценивания, как равноценные.

Результат 3. Индикатор человеческого капитала «преуспевание» как одна из центральных характеристик успешной деловой самореализации личности по-разному интегрирована в сети связей с другими индикаторами человеческого и социального капитала в рассматриваемых корпорациях. Выявленные различия раскрывают особенности конвертации капиталов в рассматриваемых корпорациях.

См. таблицу № 2.

	Российских	Китайских	Испанских
Первые места	Расчетливость	Целеустремленность	Лидерство
	Преуспевание	Преуспевание	Прагматичность
.....			
Последние места	Лидерство	Властность	Расчетливость
	Властность	Расчетливость	Властность

Таблица № 2. Портрет деловых качеств эталонов подражания в корпорациях

Table No. 2. Portrait of the business qualities of imitation standards in corporations

Прежде всего следует отметить, что по данным ряда исследований социологов, успешность и преуспевание следует рассматривать как зависимые от условий и социальной ситуации: успешность как социокультурная категория возможна лишь в русле определенных со-

циальных ориентиров, заданных обществом характеристик, т. е. является не только социально-психологической категорией, но и социально обусловлена [7, С.182]. Это актуальный вопрос. Не случайно проблематикой анализа преуспевания занимались многие выдающиеся

ученые Европы, в частности К. Г. Юнг, Г. В. Гегель, Г. Олпорт, Ю. Хабермас, Л. Витгенштейн и ряд других. Понятия «успех» и «успешность» часто анализируются американскими исследователями, например, Р. М. Хубером, В. Галстоном, А. В. Грисволдом и др. В современных исследованиях преуспевание и успешность в условиях рынка рассматривается как ценность, характеризующаяся двумя параметрами: направленностью и результативностью реализации человеческого капитала [8]. Анализ материалов, посвященных этой теме, фактически позволяет говорить о двух линиях понимания успеха, успешности и преуспевания. Одна из этих линий ориентирует на то, что преуспевание предполагает наличие такого человеческого капитала, который позволяет реализовать стремление хорошо жить и хорошо вести свои дела, добиваться значительных успехов, в общем - положительных результатов. Установка на преуспевание становится обязательной для многих людей и организаций, подчеркнем, это установки на абсолютное представление об успехе безотносительно каких-либо других показателей. Однако, другая линия характеризует преуспевание скорее, как сомнительное в нравственном отношении стремление, т. е. стремление добиваться рекордов любой ценой, пытаться выделиться и пр., и что такое стремление неизменно приводит к стяжательству, коры-

столюбию, неумеренному желанию и склонность к получению материальных благ и выгоды, алчности. Поскольку преуспевание социально ориентированное качество, поэтому в разных национальных культурах оно будет восприниматься по-разному.

Так, у россиян деловое преуспевание характеризуется сильной отрицательной и даже конфликтной связью с двумя важными социальными качествами – взаимопомощью и доброжелательностью к другим людям. Другими словами, россияне-сотрудники корпораций считают, что преуспевающий человек скорее не способен на искреннюю помощь, как и на проявление доброжелательности к ним. Преуспевающие люди думают только о себе и не готовы прийти на помощь в трудную минуту к другим людям, им приписывают нарциссизм, хитрости и макиавеллизм [9]. Кроме того, преуспевающий человек чаще всего будет недоброжелательно относиться к окружающим его людям, поскольку он заиклен только на конечном практическом (экономическом) результате и смотрит на других людей исключительно как на средство достижения этого результата – средство своего личного успеха. Исследователями подчеркивается, что актуальность феномена преуспевания-успешности «стал актуальным для России в связи с развитием рыночных отношений и влиянием западных ценностных

ориентиров и начал осмысляться вначале в прикладном, а позже и в теоретическом плане» [7, С.178]. По этой теме проведены исследования Г. П. Щедровицким, Ю. Н. Давыдовым, Г. Л. Тульчинским, защищены диссертации по философским и культурологическим аспектам проблемы (О. И. Ефремова и О. В. Михайлова).

Еще более качество преуспевающего дифференцировано у сотрудников испанских корпораций. У испанцев преуспевание конфликтует (такая же сильная отрицательная корреляция, как и у россиян) с тремя социальными характеристиками – доброжелательностью, уважением и заботой о других людях. Исследования Е. О. Кузьменко европейского понимания успешности показало, что, во-первых, с точки зрения ценностей массовой культуры европейская «успешность» является парадоксальным сведением разнообразия и сложности ценностно-смысловых и социально-психологических установок личности к некой упрощенной стандартизированной ценности [7, С.182]. Во-вторых, успешность как феномен связана с интенсификацией всех сторон социальной жизни, она выступает транслятором ролевого поведения, функционально востребованного социумом, демонстрирует новый уровень стандартизации культурных образцов и является отражением ценностных трансформаций, характерных для

современного общества и современной культуры [7, С.182]. В качестве резюме следует обратиться к результатам исследования О. В. Михайловой о европейском понимании преуспевающего: «Таким образом, происходит смещение «точки опоры» развития личности с внутренних оснований на внешние, энергия индивидуальных ресурсов высвобождается во вне и происходит «переворачивание» схемы адаптации: социальное самоутверждение становится решающим фактором в формировании человека. Если человек социально состоялся, то его значимость расценивается высоко. Социальнопсихологические тенденции, описанные Э. Фроммом, а также исследователями американского характера, работающими в русле психоаналитической школы, свидетельствуют, что невротическая основа, заложенная протестантской культурой, будет трансформироваться и дальше. Меняясь в зависимости от разных исторических контекстов, эти тенденции сохраняют принципы функционирования протестантской этики» [10, С.50].

Иная ситуация с результатами сетевого анализа интеграции индикатора преуспевающего характерна для сотрудников китайских корпораций. По весовым параметрам преуспевающее уступает целеустремленности и занимает второе место в рейтинге актуальных деловых ценностей, стоит на высоком втором месте в рейтинге

деловых качеств. Однако, в настоящем случае качество преуспевания связано существенной сетевой положительной связью со всеми иными 11-ю индикаторами-качествами, т. е. фактически является системообразующим качеством в исследуемой структуре деловых и социальных качеств. Подчеркнём, что сильная положительная связь преуспевания со всеми иными качествами отмечена в 9-ти случаях из 11. Полученный результат говорит о том, что сотрудники китайских корпораций понимают и оценивают преуспевание как результат усердного труда, постоянного внимания к своим делам, которые обеспечивают общее благо. Но не только деловыми качествами обеспечивается успешность личности. Здесь очевидна значимая социальная особенность китайцев: когда все заботятся о всеобщем благе, преуспевание становится позитивным индикатором, интегрируя все иные качества и ценности людей. В целом такая ситуация вполне отражает ментальность и социально-экономические тренды развития Китая. Хорошо известно, что, реализовав «китайскую мечту» об «обществе малого достатка», современные ориентиры китайского общества нацелены на построение «зажиточного общества», нацеленного, по словам Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина, на превращение Китая в богатое и сильное государство

и эта «китайская мечта от начала до конца (полностью) является мечтой китайского народа, мечтой каждого китайца» [11, С.107].

Таким образом, результаты анализа связанности качества преуспевания в российских, китайских и испанских корпорациях показывают различную степень единства-дифференцированности этого обобщающего интегративного показателя реализации человеческого и социального потенциалов.

У сотрудников испанских корпораций преуспевание оказывается наиболее дифференцировано-оторванным от других социальных и деловых характеристик. Примерно такая же ситуация характеризует дезинтегрированность преуспевания по результатам опроса сотрудников российских корпораций. В настоящем случае эти данные подтверждают слабую интеграцию-конвертацию деловых и коллективных качеств, по существу разорванность человеческого и социального капиталов.

Результат 4. *Включенность индикатора «командный дух» в сети связей с другими индикаторами человеческого и социального капиталов раскрывает специфику социальной интеграции в корпорациях.* Статистические данные о месте индикатора командный дух в портрете положительного эталона представлены в таблицах №, № 3 и 4.

	Российские	Китайские	Испанские
Первые места	Взаимопомощь	Уважение других	Доброжелательность
	Доброжелательность	Командный дух	Уважение других
.....			
Последние места	Альтруизм	Альтруизм	Командный дух
	Командный дух	Заботливость	Альтруизм

Таблица № 3. Портрет социальных качеств эталонов подражания в корпорациях

Table No. 3. Portrait of social qualities of imitation standards in corporations

	Рейтинг качества «Командный дух»	Подсистема социального капитала				Подсистема человеческого капитала			
		Положительные связи		Отрицательные связи		Положительные связи		Отрицательные связи	
		Сильные	Слабые	Сильные	Слабые	Сильные	Слабые	Сильные	Слабые
Россия	6	1	4	-	-	1	4	-	-
Испания	5	5	-	-	-	1	1	-	-
Китай	2	5	-	-	-	4	2	-	-

Таблица № 4. Характеристика включенности индикатора «Командный дух» в сети связей социально-го и человеческого капиталов

Table No. 4. Characteristics of the inclusion of the "Team spirit" indicator in the network of connections between social and human capital

Как можно видеть, настоящий индикатор включен в сетевые связи подсистемы социального капитала самым существенным образом – 11 сильных положительных связей. При этом интегрированность этого показателя у испанских и китайских респондентов доходит до своего максимума – по 5 связей. Этот по своей сути интегрирующий индикатор в системе социальных ценностей сотрудников китайских корпораций включен в подсистему человеческого

капитала наравне с некоторыми деловыми качествами и характеристиками. Напомним, что у сотрудников китайских корпораций индикатор командный дух находится на высоком уровне рейтинга коллективистских качеств – второе место по весу. В отличие от представлений сотрудников российских корпораций, у которых этот индикатор замыкает рейтинг коллективистских качеств (6-е место) и минимально включен сильными связями как в подсистему

социального капитала, так и в подсистему человеческого капитала, — всего две сильные сетевые связи.

ВЫВОДЫ

Прежде всего следует отметить подтверждение результатов теоретических исследований о возможных вариантах конвертации человеческого и социального капиталов. Как минимум их может быть три: гармония и единство-равноценность этих капиталов; дифференцированность-противопоставление капиталов; раз-личное соотношение связей между капиталами.

В условиях национальной культуры Китая конвертация человеческого и социального капиталов оказалась наиболее значимой, существенно выше, чем в условиях российских и европейских корпораций. Характеристики человеческого и социального капиталов среди сотрудников китайских корпораций воспринимаются как взаимосвязанные и взаимозависимые, – неразрывные, – как целостная, единая система. Перспективность такой интеграции для развития и формирования человеческого капитала сотрудников китайских корпораций заключена в поддержке деловой их активности социальным окружением, а умение добиваться экономического результата одобряется и усиливается общественным мнением. Другими словами, человеческий капитал сотрудников китайских корпораций социально одобряем

и социально ориентирован, т. е. социальный капитал реально опосредован целями и характером совместной деятельности (А.В. Петровский). Перспективность китайского корпоративного социума в этом и заключена: социальный капитал и социальные связи сотрудников корпораций опосредованы интересами, мотивацией и ценностями экономического развития. В таких социальных связях ценности экономического развития и цели деятельности корпоративных организаций в значительной степени выступают индикатором и мерилom всей «человечности» и веса личности.

Здесь могут быть сформулированы два важных вывода. Во-первых, китайская национальная культура «поглотила» корпоративную форму организации трудовой деятельности и подчинила-перестроила, сориентировала ее развитие на основе своих национальных интересов и ценностей – на основе китайской специфики. Дальнейшее исследование (интервью с руководителями частных китайских корпоративных организаций в малом бизнесе) показало наличие множества особенностей корпоративной культуры, показывающих учет человеческого капитала сотрудников в совокупности с их социальными характеристиками, в частности, при найме людей на работу, при определении мер дисциплинирования, поощрения и пр. Во-вторых, сотрудники китайских корпораций

оказываются интегрированы в систему как экономических потенциалов (человеческий капитал), так и в систему социальных отношений (социальный капитал) как в единую-гармоничную социально-экономическую среду, что составляет наиболее эффективные условия социализации и развития личности.

В условиях национальной культуры европейских стран (Испания) человеческий и социальный капиталы оказываются более дифференцированными, разделенными: делать дело – это одно, выстраивать отношения – другое. Реалии российских частных корпораций находятся в сложном периоде формирования взаимозависимостей между человеческим и социальным капиталами. Изучение этих трендов предполагает проведение масштабных исследований на основе сетевого подхода, что позволит получать адекватный диагноз и выявлять тренды формирования взаимосвязей между человеческим и социальным капиталами как условием социальноориентированного развития корпораций.

Литература

1. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. №4.
2. Кравченко С. А. Формирование сетевого человеческого капитала: методологические контуры концепции // Вестник МГИМО. 2010. №6.
3. Кремнев Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии / Е. В. Кремнев, Е. В. Лесниковская // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2019. – № 3(50). – С. 65–75.
4. Дерюгин П.П., Лебединцева Л. А., Ярмач О.В., Травин Р.А. Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики. // Научный результат. Социология и управление. 2020. №4. С. 10–25.
5. Сетевая диагностика ценностей предпринимательства (по материалам эмпирического социологического исследования российских и китайских предпринимателей) / П. П. Дерюгин, И. А. Баруздин, Ц. Цзинь [и др.] // Дискурс. – 2017. – № 4. – С. 68–89.
6. Дерюгин П. П. Теоретико-методологический анализ социальной диагностики межличностных отношений: специальность 22.00.01 "Теория, методология и история социологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / П. П. Дерюгин. – Санкт-Петербург, 2001. – 43 с.
7. Кузьменко Е. О. Успешность как феномен современного массового общества и проявление нового уровня стандартизации культурных образцов / Е. О. Кузьменко //

- Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2017. — Т. 23, № 3 (165). — С. 178–183).
8. Жохова В. В., Соколова Д. А. Исследование успешности и человеческого капитала в сфере социального предпринимательства // Вестник ТГЭУ. 2018. №1 (85).
9. С точки зрения науки: 3 отрицательных качества всех успешных людей <https://femmie.ru/ya-ne-stareyu-a-stanovlyus-mudrej-155587/> Дата обращения: 12.09.2021
10. Михайлова О. В. Экспликация понятия «Успех» в американском культурно-историческом контексте // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. №307. С. 50.
11. Распертова С.Ю. "Китайская мечта" как культурная стратегия КНР по повышению "мягкой силы" государства на международной арене // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. №13 (724).
3. Kremnev E. V. On the question of the goals and objectives of transdisciplinary regionology / E. V. Kremnev, E. V. Lesnikovskaya / / Oikumena. Regional studies. – 2019. – № 3 (50). – Pp. 65–75.
4. Deryugin P. P., Lebedintseva L. A., Yarmak O. V., Travin R. A. Values and human capital of corporation employees: experience of network diagnostics. // Scientific result. Sociology and management. 2020. No. 4. pp. 10–25.
5. Network diagnostics of the values of entrepreneurship (based on empirical sociological research of Russian and Chinese entrepreneurs) / P. P. Deryugin, I. A. Baruzdin, Ts. Jin [and others] // Discourse. - 2017. - No. 4. - P. 68-89.
6. Deryugin PP Theoretical and methodological analysis of social diagnostics of interpersonal relations: specialty 22.00.01 "Theory, methodology and history of sociology": dissertation author's abstract for the degree of Doctor of Sociological Sciences / PP Deryugin. - St. Petersburg, 2001.-43 p.
7. Kuzmenko EO Success as a phenomenon of modern mass society and the manifestation of a new level of standardization of cultural samples / EO Kuzmenko // News of the Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture. - 2017. - T. 23, No. 3 (165). - S. 178-183).
- ## References
1. Radaev V. V. The concept of capital, forms of capital and their conversion // Economic sociology. 2002. №4.
2. Kravchenko S. A. Formation of network human capital: methodological contours of the concept / / Vestnik MGIMO. 2010. №6.

8. Zhokhova VV, Sokolova DA Research of success and human capital in the field of social entrepreneurship // Vestnik TSUE. 2018. No.1 (85).
9. From the point of view of science: 3 negative qualities of all successful people <https://femmie.ru/ya-ne-stareyu-a-stanovlyus-mudrej-155587/> Date of appeal: 09/12/2021
10. Mikhailova OV Explication of the concept of "Success" in the American cultural and historical context // Vestn. Volume. state unthat. 2008. No. 307. p. 50.
11. Raspertova S.Yu. "The Chinese Dream" as a cultural strategy of the PRC to increase the "soft power" of the state in the international arena // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences. 2015. No. 13 (724).

Информация об авторах

Дерюгин Павел Петрович

доктор социологических наук,
профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии

Санкт-Петербургского государственного университета,

профессор (совместитель) кафедры социологии и политологии

Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),

Санкт-Петербург, Россия;

Ответственный автор,

Тел.: 8 965 013 771 13

e-mail: ppd333@rambler.ru

Кремнёв Евгений Владимирович

кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия;

e-mail: ppd333@rambler.ru

Ярмак Ольга Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой социальные коммуникации

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия;

e-mail: ppd333@rambler.ru

Страшко Екатерина Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры социальные коммуникации

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия;

e-mail: ppd333@rambler.ru

Камышина Елена Александровна

ассистент, аспирант кафедры социологии и политологии

Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),

Санкт-Петербург, Россия;

e-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Баннова Олеся Сергеевна

аспирант кафедры социологии и политологии

Санкт-Петербургского государственного
электротехнического университета
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
bannova-o@mail.ru

e-mail: ppd333@rambler.ru

Strashko Ekaterina V.

Candidate of Economic Sciences, Associate
Professor, Associate

Professor of the Department of Social Com-
munications

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia;

e-mail: ppd333@rambler.ru

Kamyshina Elena A.

Assistant, Post-graduate student of the De-
partment of Sociology and Political Science

St. Petersburg State Electrotechnical Univer-
sity "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin),
St. Petersburg, Russia;

e-mail: kamyshina.elena@gmail.com

Bannova Olesya S.

Postgraduate student of the Department of
Sociology and Political Science

St. Petersburg State Electrotechnical Univer-
sity "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin),
St. Petersburg, Russia;

bannova-o@mail.ru

Information about the Authors

Deriugin Pavel P.

Doctor of Sociological Sciences,

Professor of the Department of Applied and
Branch Sociology

St. Petersburg State University,

Professor (part-time) of the Department of
Sociology and Political Science

St. Petersburg State Electrotechnical Univer-
sity "LETI" named after V. I. Ulyanov (Lenin),
Saint Petersburg, Russia.

Responsible author,

Tel.: 8 965 013 771 13

Kremnyov Evgeny V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor,

Head of the Department of Oriental Studies
and Regional Studies of the APR Institute of
Philology, Foreign Languages and Media
Communication

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia;

kremnyov2005kremnyov2005@mail.ru

Responsible author,

e-mail: ppd333@rambler.ru

Yarmak Olga V.

Candidate of Sociological Sciences, Associate
Professor,

Head of the Department of Social Communi-
cations

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia;

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

РЕЦЕНЗИЯ:

Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. Вступительные слова: В.С. Мясников, И.Ф. Попова, И.Р. Гафуров. СПб.; Казань: Петерб. востоковедение, 2021. 320 с.: ил. ISBN 978-5-85803-547-3

Мартынова Юлия Александровна, к.и.н., доцент¹

¹Казанский федеральный университет

juliemartynova82@gmail.com

DOI 10.24412/2686-9675-4-2021-638-643

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Мартынова Ю.А. РЕЦЕНЗИЯ: Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. Вступительные слова: В.С. Мясников, И.Ф. Попова, И.Р. Гафуров. СПб.; Казань: Петерб. востоковедение, 2021. 320 с.: ил. ISBN 978-5-85803-547-3. Modern oriental studies. 2021; 3 (4): 638-643.

FOR CITATION:

Martynova Yu.A. Review: Academician-orientalist V.P. Vasiliev: Kazan - Beijing - St. Petersburg (essays and materials) / R.M. Valeev, H. Valravens, V.G. Datsyshen, O.P. Elantseva, V.Yu. Zhukov, I.V. Kulganek, Liu Liqiu, D.E. Martynov, D.I. Mayatsky, T.A. Pan, V.L. Uspensky; comp. T.A. Pan; editors R.M. Valeev and I.V. Kulganek. Introductory words: V.S. Myasnikov, I.F. Popova, I.R. Gafurov. SPb.; Kazan: S.-Petersburg Oriental Studies, 2021. 320 p.: ill. ISBN 978-5-85803-547-3. Modern oriental studies. 2021; 3(4): 638-643.

Вышедшая в престижном издательстве «Петербургское востоковедение» коллективная монография «Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы)» является результатом большого проекта российских и зарубежных исследователей. Данный проект был поддержан как минимум двумя грантовыми программами РФФИ (№17-01-00209-ОГН и №20-09-00385а), а также государственной программой повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета. Одно перечисление авторов способно дать представление об уровне и глубине проделанной работы. Материалы книги разделены на четыре главы, три из которых имеют прямое отношение к герою монографии — академику В.П. Васильеву, четвертый же вводит материалы предыдущих разделов в более широкий научный контекст, в котором В. Васильев творил в течение жизни.

Вступительные слова представляют собой самостоятельные авторские рассуждения о выдающемся востоковеде XIX в. В первом из них академик РАН В.С. Мясников перечислил основные достижения В.П. Васильева и его главных учеников, а также поместил список научных трудов XIX – XXI вв., без которых невозможно изучение российского востоковедения. Вступительное слово члена-корреспондента РАН, директора ИВР РАН И.Ф. Поповой освещает

новаторство В.П. Васильева как востоковеда и обозначает целевую аудиторию монографии. Вступительное слово ректора Казанского федерального университета И.Р. Гафурова вводит читателей в контекст малой родины академика — Нижнего Новгорода и Казани; с последним из этих городов ученый был связан в буквальном смысле кровными узами. Предисловие к работе раскрывает её структуру и подписано авторами и ответственными редакторами — Р.М. Валеевым и И.В. Кульганек.

Первая глава монографии посвящена научной и преподавательской деятельности В.П. Васильева и разделена на пять параграфов. Первый — «Научное наследие», принадлежит перу известного красноярского историка-синолога В.Г. Дацышена. Данный раздел четко структурирован и выполнен в классическом риторическом жанре центона, суммируя в тематико-хронологической последовательности освещение научного вклада В.П. Васильева современниками и потомками. Второй параграф — «Ученый-монголист», написан известным петербургским монголоведом В.Л. Успенским и демонстрирует возможности В. Васильева в этом научном направлении и преемственность метода с учителем — зачинателем университетского монголоведения О.М. Ковалевским (которому была посвящена отдельная монография, выполненная тем же авторским

коллективом). Третий параграф, созданный петербургским синологом-филологом Д.И. Маяцким, специально посвящен вкладу В.П. Васильева в формирование китайских фондов библиотеки Петербургского университета. Четвертый параграф, написанный составителем монографии – известным маньчжуристом Т.А. Пан (ИВР РАН), посвящен роли В.П. Васильева – преподавателя маньчжурского языка. В текст параграфа органично включен текст предисловия к составленному им «Маньчжурско-русскому словарю» (1866). Наконец, пятый параграф — «В.П. Васильев как тибетолог», написан известным немецким синологом-библиографом, специалистом-книговедом и историографом востоковедения Хартмутом Валравенсом (Hartmut Walravens).

Вторая глава целиком посвящена жизненному пути В.П. Васильева и включает три структурных части. Первый параграф, посвященный пекинскому периоду, написан казанскими специалистами Р.М. Валеевым и Д.Е. Мартыновым. Его материалы подтверждаются и фундируются выкладками петербургских специалистов В.Ю. Жукова и И.В. Кульганек «Из биографии ученого». В этом и примыкающем к нему третьем параграфе подробно рассмотрены вопросы генеалогии потомков В.П. Васильева до восьмого поколения, что само по себе ценно для обобщающих работ не только историков науки.

Третья глава, в соответствии с концепцией издания, озаглавлена «Архивные материалы и документы». Её вводит недатированный «Отзыв О.М. Ковалевского о В.П. Васильеве» из Архива востоковедов ИВР РАН, подготовленный В.Ю. Жуковым и И.В. Кульганек. Следующей идет публикация статьи В.С. Колоколова «Памяти Василия Павловича Васильева» (1968 г.), подготовленная Т.А. Пан, также из фонда Архива востоковедов. Третий параграф, также подготовленный Т.А. Пан, включает рукописные материалы В.С. Колоколова по биобиографии В.П. Васильева, которые готовились к публикации в период 1954 – 1970 гг.

Объемная четвертая глава, завершающая публикацию, озаглавлена «Основные центры китаеведения в России и Европе». Первый (из пяти) составляющих её параграфов принадлежит Р.М. Валееву и Д.Е. Мартынову, будучи посвящен формированию синологии в восточном разряде Императорского Казанского университета в период 1837 – 1855 гг. Материалы его вписаны в широкий контекст развития востоковедной науки в столичных и провинциальных центрах Российской империи, с особым вниманием к Казани. Логическим и тематическим его продолжением явился второй параграф об историко-культурных исследованиях Центральной, Восточной и Южной Азии в стенах Казанского университета во второй

половине XIX в. Он написан единолично Р.М. Валеевым. Значительная часть материала посвящена преемственности казанского наследия в стенах Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, а также ситуации в Казани до переезда сюда Н.Ф. Катанова. Не забыты и штудии Бодуэна де Куртене, который в 1875 г. читал курсы по санскриту на историко-филологическом факультете. Третий параграф о развитии востоковедения в Европе XVIII – XIX вв. создан специалистами из Владивостока и Харбина: профессором О.П. Еланцевой, которая, к несчастью, покинула этот мир ко времени выхода книги в свет, и аспирантки Лю Лицю. С применением структурного метода в данном разделе проанализированы обстоятельства создания структур с преподаванием китайского языка и истории в университетах Запада: по подсчетам авторов к началу XIX в. в крупнейших странах Европы и США изучение китайского языка осуществлялось в 23 центрах. Авторы также обратили внимание на существенный временной разрыв между основанием тех или иных учебных заведений (например, Французского коллежа) и началом китаеведческой работы в его стенах. Лишь во второй половине XIX в. стали создаваться специализированные научно-учебные центры, такие как Католический институт в Париже, Французская школа Дальнего Востока в Ханое

и Восточный институт во Владивостоке. Продолжением данного раздела является четвертый параграф, написанный Х. Валравенсом, и посвященным научной синологии в немецкоязычных регионах. Данный раздел переведен с немецкого языка. Автор выделил в своем предмете тематические блоки, выстроенные по хронологии: от «Протосинологии» Мартино Мартини и Афанасия Кирхера, до начала развития университетской синологии, которая и занимает большую часть параграфа. Наиболее примечателен при этом вывод о том, что до 1900 г. университетской синологии как таковой в Германии не существовало, несмотря на наличие выдающейся плеяды немецких светских и миссионерских специалистов по Китаю. Завершающий параграф также написан О.П. Еланцевой и Ли Лицю, будучи посвящен практической школе дореволюционного китаеведения во Владивостоке, основатели которой А.В. Рудаков и П.П. Шмидт, были учениками В.П. Васильева.

Завершается книга англоязычным «Summary» на полторы страницы, облегчающим работу западных библиографов. Составной частью монографии является перечень основных трудов В.П. Васильева, составленный В.Г. Дацышеном, и сводные библиографии, в которых отдельно даны разноязычные источники и литература, а также интернет-ресурсы.

Отдельной и важной частью издания является фототетрадь, материалы которой носят самостоятельное значение, а не только иллюстрируют разделы монографии. Иллюстративный ряд включает галереи портретов самого В.П. Васильева, его детей, внуков и правнуков, также образцы архивных дел из собрания Государственного архива Республики Татарстан, образцы переписки В.П. Васильева из Архива РАН, образцы немецких китаеведческих изданий, в том числе перевода «Буддизма» самого Васильева, изданного в 1860 г. в Петербурге.

Если рассмотреть публикации общего характера, посвященные наследию В.П. Васильева (мы не учитывали несколько статей в периодических изданиях и воспоминания В.М. Алексеева, цитируемые в рецензируемой монографии), то можно испытать недоумение. Во-первых, известность В.П. Васильева и величина его вклада в российское и — опосредованно — западное китаеведение находится в разительном контрасте с количеством опубликованных биографий. Собственно, и рецензируемая работа составителем позиционировалась как «очерки и материалы»: достигнуть целостности, определяющей издание как монографическое, не позволяет источниковая база. В параграфе о пекинском периоде деятельности В.П. Васильева, его авторы — Р.М. Валеев и Д.Е. Мартынов — прямо утверждают (мы несколько обоб-

щим): «Фрагментарность наших представлений... особенно поразительна, учитывая огромный прогресс исторических наук о Китае в самой КНР». Даже переводчик «Очерков истории китайской литературы» на китайский язык Чжао Чуньмэй не использовал китайских материалов из Первого исторического архива КНР (см. с. 112–113 наст. издания). Собственно, единственным упущением, наверное, является полная неразработанность в нашем востоковедении политических взглядов В.П. Васильева, который вообще был человеком предвзятых мнений, которые мог открыто высказывать в печати эпохи Великих реформ и контрреформ. Это не является недостатком рецензируемого издания, однако показывает на так и не преодоленную фрагментированность наших представлений об общественной позиции русских востоковедов. В советское время эти вопросы деликатно умалчивались специалистами недавнего прошлого, даже «застойной» эпохи, когда их разработка уже не представляла непосредственной угрозы для жизни и карьеры.

«Академик-востоковед В.П. Васильев» во всех отношениях выгодно отличается от перечисленных ниже изданий. Помимо того, что представлен «срез» представлений о востоковед с точки зрения всего арсенала синологии и смежных дисциплин первых десятилетий XXI в., очерковое многоголосье вполне соответствует

современным плюралистическим тенденциям, позволяет сравнивать авторские подходы, использующие одну и ту же источниковую базу. Вновь опубликованные архивные материалы ценны сами по себе, относясь, в частности, к научной биографии В.С. Колоколова. Разработка этой последней – дело будущего; надеемся, недалекого. Фундаментальность проделанной работы несомненна, её структурирование – заслуга редакторов и составителя Т.А. Пан. Очерковый «аккорд» не мешает восприятию работы как целостной, причем это впечатление особенно создается содержанием первой и четвертой глав. Может быть, следовало сделать объемное заключение, в котором подвести итоги более чем векового изучения наследия В.П. Васильева в синологии и попытаться обозначить неразработанные проблемные поля, как, например, его либеральной политической позиции и взглядов на внутреннюю политику Российской империи. К данной работе следует подключать, вероятно, и специалистов-русистов, и сотрудников архивохранилищ Российской Академии наук.

Отдельно следует упомянуть техническую работу издательства «Петербургское востоковедение». Книга эстетично издана, что само по себе представляет ценность в условиях сильнейшего упадка научного книгоиздания (да и тираж рецензируемого издания всего 400

экз.). Отметим использование классического для исторических исследований цитирования источников и литературы в «подвале» страниц, что облегчает работу с книгой. Чтение ее подряд также представляет интерес для коллег-профессионалов, и, надеемся, нового поколения наших учеников: бакалавров, магистров и аспирантов. Быть может, и китайские коллеги, порадуют нас изысканиями в архивохранилищах Пекина и окрестностей, раскрыв дополнительные измерения в наших представлениях, и приблизив день, когда будет возможна публикация целостной биографии В.П. Васильева – исследователя и человека. Пока что на этом пути сделан новый важный шаг, что превосходно в любом отношении.

ОБЩИЕ БИОГРАФИИ В.П. ВАСИЛЬЕВА

1. Академик В.П. Васильев (1818–1900) как исследователь истории и культуры Китая, Тибета и Монголии. К 200-летию со дня рождения: Всероссийская научная конференция, 4 апреля 2018 г., г. Санкт-Петербург : программа и тезисы / Институт восточных рукописей Российской академии наук, Российское историческое общество; сост. Т.А. Пан, И.В. Кульганек. – СПб.: Свое издательство, 2018. – 40 с.
2. Валеев Р.М. Василий Павлович Васильев, 1818–1900. – Казань: Изд-во Казан. ун-та,

2002. – 17 с. – (Выдающиеся ученые Казанского университета).

3. Илларионов В.Т. Русский синолог В.П. Васильев. 1818–1900 гг. – Горький: Горьк. ун-т, 1959. – 28 с.
4. История и культура Китая (Сборник памяти акад. В. П. Васильева) / Отв. ред. Л.С. Васильев. – М.: Наука, ГРВЛ, 1974. – 479 с.
5. Описание собрания китайских книг академика В.П. Васильева в фондах Восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета: [каталог] / Сост. Завидовская Е.А., Маяцкий Д.И. – СПб.: Ин-т Конфуция в Санкт-Петербургском гос. ун-те : Студия «НП-Принт», 2012. – 426 с.
6. Столетие дня рождения академика Василия Павловича Васильева. 20 февраля 1818 – 5 марта (20 февраля) 1918 : Речи, чит. в торжеств. заседании Рос. акад. наук: С.Ф. Ольденбург. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. В.В. Бартольд. Исторические и географические труды Василия Павловича Васильева. А.И. Иванов. Василий Павлович Васильев, как синолог. – Петроград: [тип. Рос. акад. наук], 1918. – [36] с.

Юлия Александровна Мартынова

Кафедра алтаистики и китаеведения

Казанский федеральный университет

420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

Россия

juliemartynova82@gmail.com

Information about the Author

Associated Professor, Cand. Sci.

Yulia Martynova

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18

Russia

juliemartynova82@gmail.com

Статья одобрена рецензентами: 25.08.21

Статья принята к публикации: 15.09.21

Reviewed: 25.08.21

Accepted: 15.09.21

Информация об авторе

Доцент, кандидат исторических наук

**КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ**

Уважаемые коллеги!

**Приглашаем Вас опубликовать
результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
/ MODERN ORIENTAL STUDIES»**

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском по следующим специальностям:

10.00.00. Филологические науки

07.00.00. Исторические науки

09.00.00. Философские науки

13.00.00 Педагогические науки

Публикация в научном журнале бесплатная.

Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие

направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

Название статьи на английском

Название статьи на русском

название статьи на языке
написания статьи

ФИО (полностью)1, ФИО (полностью)2 и т.д.

Место работы1, Место работы2 и т.д.

электронный адрес (первого автора)

Аннотация

Текст (150-250 слов)

Ключевые слова: слово(5-7)

Для цитирования: ФИО. Название статьи
(курсивом). Современные востоковедческие исследова-
ния. Год публикации; Том (Номер выпуска):

Образец на русском: Магдеев Р.Р., Халиуллина
А.А. Динамика экономических отношений между
Россией и Японией: основные мотивы. Современ-
ные востоковедческие исследования. 2020; 1(2):

Abstract (на языке написания статьи)

Text

Keywords and phrases: word (5-7), на языке напи-
сания статьи

For citation: Magdeev R.R., Khaliullina A.A. *Dynam-
ics of economic relations between Japan and Russia:
basic motives*. Modern oriental studies. 2020; 1(2):

Введение

Согласно Н.В. Иванову [1981], текст.

Текст [Халидов, 1981, С. 23]. Текст

Материалы и Методы исследования
(на усмотрение автора)

Текст

результаты

Текст

Таблица 1. Название таблицы

(дублирование на английском)

Русский	Китайский	Японский	Корейский
текст	текст	текст	текст

Рис. 2: Название диаграммы

(дублирование на английском)

Выводы

Текст

Литература

Обязательно используйте нумерованные списки

1. Шмелева Т.В. Лингвистические идеи и педагогические принципы В.А. Белошапковой // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 78–86.
2. Шмелева Т.В. Уроки Белошапковой // Лингвистические идеи В.А. Белошапковой и их

воплощение

в современной русистике / сост., отв. ред.
Л.М. Байдуз. Тюмень, 2010. С. 26–33.

3. Белошапкова Т.В. Россия в истории одной семьи, или Девять новелл из жизни В.А. Белошапковой // Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой / сост. Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева. М., 2001. С. 9–19.
4. Закиров Р.Р., Мингазова Н.Г., Мухаметзянов И.М. Арабский язык. 5 класс. Казань, 2011. 128 с.

References

Be sure to use numbered lists

1. Shmeleva, T.V. (1997) Lingvisticheskie idei i pedagogicheskie printsipy V.A. Beloshapkovoy [Linguistic ideas and pedagogical principles of Beloshapкова]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. 3. pp. 78–86.
2. Shmeleva, T.V. (2010) Uroki Beloshapkovoy [Lessons of Beloshapкова]. In: Bayduzh, L.M. (ed.) Lingvisticheskie idei V.A. Beloshapkovoy i ikh voploshchenie v sovremennoy rusistike [Linguistic ideas of V.A. Beloshapкова and their embodiment in modern Russian philology]. Tyumen: Mandr i Ka.
3. Beloshapкова, T.V. (2001) Rossiya v istorii odnoy sem'i, ili devyat' novell iz zhizni V.A. Beloshapkovoy [Russia in the history of one family, or nine novels from the life of V.A. Beloshapкова]. In: Beloshapкова, T.V. & Shmeleva, T.V. (eds) Traditsionnoe i novoe v russkoy grammatike: sb. statey pamyati Very

Arsen'evny Beloshapkovoy [Traditional and new in Russian grammar: a collection of articles in memory of Vera Arsenyevna Beloshapкова]. Moscow: Indrik.

4. Zakirov, R.R., Mingazova, N.G., Mukhametzyanov, I.M (2011). Arabskiy yazyk (Level I for the 5th grade) [Arabic for non-native speaking children]. Kazan, Russia: Magaryf-Vakyt publishers. 128 p.

Information about author

Associate Professor, PhD Alfiya Alikberova

Department of Altaic and Chinese Studies

Kazan Federal University

420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18, Russia

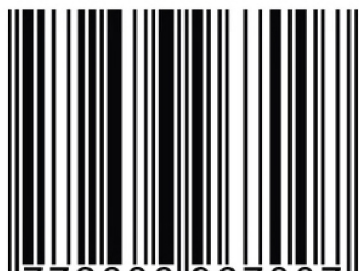
alfikas@mail.ru

Принята к публикации: (фразу вписать, даты проставляет Редакция после получения рецензии)

Submission Date:

[illegible]

ISSN 2686-9675

9 772686 967007 >